КОД КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

В ЭТОМ ГОДУ МЫ ОТМЕТИЛИ 1150-Ю ГОДОВЩИНУ СОздания славянской письменности. Более тысячелетия служит она основой великой цивилизационной сущности, являясь своеобразным культурным кодом, созданным Кириллом и Мефодием. Но надо вспомнить также и о том, что тысячелетие славянской письменности – это не только история величайших культурных достижений, но и беспрестанная история борьбы, борьбы с непрекращающимися попытками «глобализировать» славян, а иначе говоря – уничтожить тот самый культурный код, который является основой их культуры в широком смысле этого слова.

Еще во времена Кирилла и Мефодия борьба эта, скажем, на просторах Великой Моравии выражалась в попытках запретить богослужение на славянском языке. Под предлогом того, что язык этот «варварский», а «не варварских», с точки зрения тогдашних «глобалистов», было лишь три – те, на которых значилась надпись на кресте, на котором распяли Христа, – латинский, греческий и еврейский.

Уже в более позднее время борьба со славянским культурным кодом выразилась в бесчисленных попытках вытеснить кириллицу, заменив ее латиницей. Помимо Моравии за прошедшие столетия кириллица была потеснена к нашим дням, по сравнению с максимальным ареалом ее древнего распространения, на Балканах, ушла из Румынии. В новейшее время, после распада СССР, новые, независимые государства избрали борьбу с кириллицей как форму избавления от «советского наследия». Латиница заменила кириллицу в алфавитах Азербайджана, Молдавии, Туркмении, Узбекистана. Всякий раз в качестве обоснования приводился аргумент, что это, дескать, облегчит коммуникацию с внешним миром, что язык компьютеров – это язык латиницы. Точно так же, как раньше говорили о языке богослужения. Хотя всем вышеперечисленным странам окно в мировую культуру открыла в свое время именно Россия, дав в том числе алфавит на кириллической основе. Сейчас на очереди Казахстан: поставлена задача перейти на латиницу к 2025 году. Не прекращаются попытки начать латинизировать Украину.

Стоит ли отчаиваться по этому поводу? Конечно, нет. Надо исходить из того, что Русский мир, культурный код которого написан на кириллице, не только самодостаточен в цивилизационном плане, но и по-прежнему способен обогащать другие культуры. Осознание этого есть не только повод для национальной гордости, но и сильнейшая мотивация для неустанной работы, дабы нести свет этой культуры в мир.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.
Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.
Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.
Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.
Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.
Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР–ТАСС)»

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.
Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.
Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.
Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.
Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

СКОРОСПЕЛОВ П.П.
Исполнительный директор фонда «Русский мир», заместитель председателя правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

МОЛЧАНОВ Д.В.
Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД России

ФЕДЮКИН И.И.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

РУССКИЙ МИР

06 Вечная слава и вечный покой
09 Тройной удар
10 Главный день
12 Овеянный славой
16 Форма без уравниловки
18 Слово за нами

СИТУАЦИИ

20 Право на чтение

РУССКИЙ ЯЗЫК

24 Все зависит от народа
28 Новая реальность
32 Сибирский строй

НАСЛЕДИЕ

36 Апостолы славян

42 В звонко-звучной тишине

48 Погост над Волгой

ИСТОРИЯ

52 Турецкие войны. Эпизод девятый

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

58 Русская память Тосканы

РЕПОРТАЖ

62 Думать – это совсем не больно

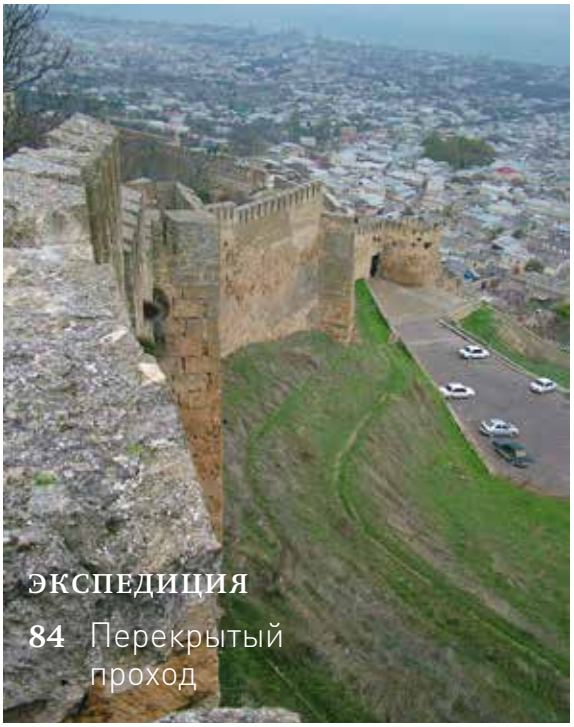
ЛЮДИ И ВРЕМЯ

68 «Я – верующий в Бога физик»

ИТАР-ТАСС

ИНТЕРВЬЮ

72 «Я ценю то, что у меня уже есть»
76 Из Сухаревой башни родом
80 Любовь матери



ЭКСПЕДИЦИЯ

84 Перекрытый проход

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Восточный берег

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Дмитрий ИВАНОВ
Андрей КУЛЬБА
Владимир ЛИТАРЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Любовь РУМЯНЦЕВА
Михаил ТАРКОВСКИЙ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра БУРОГО

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ВЕЧНАЯ СЛАВА И ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

АВТОР
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НАКАНУНЕ ДНЯ ПОБЕДЫ В ЛАТВИИ НА БРАТСКОМ КЛАДБИЩЕ В ПОСЕЛКЕ РОПАЖИ СОСТОЯЛОСЬ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ ОСТАНКОВ 289 СОВЕТСКИХ СОЛДАТ, ПОГИБШИХ НА ПОЛЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ОПОЗНАТЬ УДАЛОСЬ ТОЛЬКО ДЕВЯТЬ ИЗ НИХ…

ПОЧТИТЬ ПАМЯТЬ ПАВШИХ воинов в Рижский район приехали ветераны войны, сотрудники посольств и дипломатических представительств, активисты поисковых отрядов. Благодаря деятельности латвийских поисковых отрядов за последние годы на территории Латвии удалось обнаружить и перезахоронить уже около 2 тысяч советских воинов. Так, в прошлом году поисковики нашли останки 313 красноармейцев, двумя годами ранее – 119. К сожалению, большинство из них уходят в вечность неопознанными: не прижились в годы войны среди советских бойцов металлические медальоны с именами. Считалось, что они приносят несчастье. Узнать имена солдат, чьи останки и по сей день, спустя почти семьдесят лет, находят в высохших болотах, заросших мхом и бурьяном ямах, на полях и в лесах, иногда удается лишь по сохранившимся наградным номерам или личным вещам погибших. Полуистлевшие, намокшие или обгоревшие документы в подавляющем большинстве случаев восстановле-

На маленьком клочке бумаги удалось разобрать фамилию рядового И.М. Каленика

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Траурный митинг открыл посол России в Латвии А. Вешняков

нию не подлежат. В нынешнем захоронении из 289 красноармейцев, сложивших головы на латвийской земле осенью 1944-го, удалось опознать только девять бойцов. Остальные так и останутся «без вести пропавшими»...

...Скорбные торжества начинаются на Братском кладбище у памятника с пятиконечной звездой, перед которым на черном постаменте выставлены красные гробы с останками доблестных воинов. «Вечная слава героям Советской армии, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость нашей родины. 1941–1945», – высечено на граните. На покрытых покрывалами гробах лежат проржавевшие солдатские каски, пробитые пулями и осколками гранат. В эту траурную минуту они тоже добавляют свою ноту грусти и печали, как бы каясь и винясь: «Простите, братцы, не уберегли!» Прибалтийская погода холодным проливным дождем оплакивает воинов, сложивших головы на полях той далекой войны.

«С того дня, когда советские войска вместе со странами антигитлеровской коалиции разгромили фашистские полчища, покончив с военной машиной и идеологией нацизма, минуло 68 лет, – сказал, открывая траурный митинг, посол России в Латвии Александр Вешняков. – Нюрнбергский трибунал от имени всего международного сообщества осудил военных преступников, развязавших Вторую мировую войну, и сегодня никто не вправе отнимать у нас нашу великую Победу, которая далась нам очень дорогой ценой. Наша страна потеряла 27 миллионов человеческих жизней! Только здесь, на территории Латвии, имеется 360 воинских захоронений, где покоится более 450 тысяч человек. Эта цифра неточная, и та работа, которую ведут местные поисковые отряды – за что им огромное спасибо, – показывает, что сотни, а то и тысячи воинов по-настоящему до сих пор не похоронены. Сегодня мы предаем земле останки 289 советских воинов – людей разной национальности, поэтому вместе с нами сегодня здесь представители посольств Белоруссии, Молдавии и других стран. Наши солдаты ценой собственной жизни остановили и разгромили фашистскую Германию. Это они спасли Европу от порабощения. Вечная им слава и вечный покой!»

Посол Молдавии Алексей Кракан, который впервые участвует в подобной церемонии, заметно взволнован: среди опознанных солдат оказался молдаванин – рядовой Никита Генку, 1922 года рождения. Его имя помогла установить медаль «За отвагу», обнаруженная среди останков в лесу. По восстановленному регистрационному номеру в архиве нашли имя героя. Поисковики передали награду послу. Алексей Кракан сообщил, что дети и внуки

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Медаль «За отвагу» солдата из Молдавии Никиты Генку

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

бойца живут в Кишиневе и он обязательно передаст им эту медаль в День Победы. Среди опознанных красноармейцев есть призванный из Белоруссии рядовой Иван Михеевич Каленик, погибший от вражеских пуль в неполные 20 лет. Перед этим он воевал в партизанском отряде, но жизнь свою отдал в Латвии. Семья Каленика с 1944 года ничего не знала о его судьбе. Установить имя героя удалось поисковикам из отряда «Легенда». «С ним была интересная история, – рассказал журналу «Русский мир.ru» активист отряда Виктор Дукс. – Останки солдата мы нашли во время раскопок осенью прошлого года в Курляндии. Они лежали на пахотном поле, и вдруг среди костей мы увидели маленький грязный клочок бумаги, в который была завернута монета – царский пятак, видимо, парнишка носил его с собой – на удачу. По опыту многолетних раскопок мы уже знаем, если бумага соприкасается с медью, алюминием или цинком, она сохраняет надписи именно в этом месте. Так и оказалось! С помощью сканера удалось разобрать два главных слова – «рядовой» и «Каленик». На следующий же день мы пробили информацию через Объединенный российский военный архив, откуда нам сообщили: рядовой Каленик действительно пропал без вести в 1944 году именно в том районе, где мы его нашли».

На все поиски ушли два дня – это редчайший случай. По словам Виктора, в Курляндии вся земля полита кровью и усеяна человеческими костями, принадлежащими как советским, так и немецким воинам. Как там пел Булат Окуджава? «Для чего мы пишем кровью на песке? Наши письма не нужны природе»... Из десяти солдат вермахта, как правило, удается опознать девять, у красноармейцев получается установить личность в лучшем случае одного из десяти... Останки немецких солдат поисковики передают в германскую организацию «Фольксбунд», которая по имеющимся медальонам проводит идентификацию воинов для передачи родственникам или для захоронения на немецких воинских кладбищах в Латвии. Отвечая на вопрос, зачем латышский бизнесмен, директор успешной компании почти каждые выходные направляется из Риги в самые отдаленные и глухие уголки Латвии, Виктор Дукс рассказал, что примкнул к «Легенде» лет десять назад. Как-то приехав к себе на хутор в местечко Балдоне (Рижский район), он разговорился со стариком-соседом. Тот и рассказал ему, как осенью 44-го около его дома шел ожесточенный бой. Когда все стихло, сосед вышел из леса, где пережидал стрельбу. Вдвоем с женой они захоронили убитых солдат – 10–15 человек – в двух ямах неподалеку от хутора. А через неделю старик умер. Виктор понял, что он остался единственным человеком, кто знал об этом. Через российское посольство он связался с руководителем отряда «Легенда» Талисом Эшмитсом, который уже полтора десятка лет участвует в поисковом движении. Приехав в Балдоне, они обнаружили в указанном Виктором месте останки семи воинов в одной яме и восьми – в другой. После этого Дукс остался в поисковой команде. Сегодня «Легенда» объединяет 30 единомышленников, среди них – латыши, русские, белорусы, есть даже англичане и один швед. В «мирной жизни» Талис Эшмитс занимается лесоводством, его коллеги-поисковики – представители самых разных профессий, есть и предприниматели, и служащие, и юристы, между прочим, много молодых людей. Поиски павших солдат они ведут в свободное от работы время и на собственные средства – «вынимая их из тумбочки», как с улыбкой пояснил командир отряда.

...Православный священник отслужил заупокойную службу по убиенным солдатам. Крепкие ребята из поисковых отрядов бережно перенесли гробы с останками советских бойцов и аккуратно опустили их в заранее подготовленную большую братскую могилу, после чего участники траурной церемонии по русскому обычаю бросили в нее по три горсти земли. Могилу аккуратно засыпали, укрыли ее еловыми ветками, сверху положили цветы и венки. В этот дождливый весенний день 289 героев, 68 лет назад павших смертью храбрых, были наконец преданы земле, как это и положено, со всеми воинскими почестями. Вечная вам слава! Покойтесь с миром!

Поисковики из отряда «Легенда» перенесли останки советских воинов в братскую могилу

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Покойтесь с миром!»

ТРОЙНОЙ УДАР

АВТОР
МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТАКОЕ НАЗВАНИЕ ПОЛУЧИЛА ВЫСТАВКА, ПРОШЕДШАЯ В МАЕ В ФОТОЦЕНТРЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ В МОСКВЕ. ФОТОЭКСПОЗИЦИЯ БЫЛА ПОСВЯЩЕНА 68-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

НА ВХОДЕ В ГАЛЕРЕЮ посетителей выставки встречал портрет. На фотографии – человек почтенного возраста в цивильном костюме. На пиджаке – десятки наград. Среди них – четыре ордена Красной Звезды и четыре ордена Отечественной войны. Таких примеров история знает немного. Кавалеров четырех «Звездочек» можно пересчитать по пальцам. Алексей Стефанов – один из них. Да и награждение четырьмя орденами Отечественной войны встречалось нечасто. К слову, четвертый орден нашел Алексея Анатольевича спустя шестьдесят с лишним лет после того, как наградной лист был подписан, – в 2010 году. Судьба Стефанова – это не только уникальный набор боевых наград. Сам он считал, что особым знаком было его участие в двух парадах на Красной площади. 7 ноября 1941-го, когда немецкие армии стояли под Москвой, и 24 июня 1945-го, когда к стенам Кремля были брошены плененные фашистские знамена.

После войны Алексей Анатольевич ушел в науку. Профессор, академик, автор 200 научных работ, разрабатывал системы управления для предприятий нефтяной и газовой промышленности, оборонного комплекса. Долгие годы жил на Гоголевском бульваре, в двух шагах от Фотоцентра...

– Название «Тройной удар» напрашивалось, – сказал генеральный директор Объединения «Фотоцентр» Валерий Никифоров. – В этом году у нас три круглые даты: 70-летие прорыва блокады Ленинграда, победы в Сталинградской битве и на Курской дуге. Все три события – три громадных гвоздя, вбитых в нацистский гроб. После танкового сражения под Прохоровкой уже ни у кого не оставалось сомнений, что «враг будет разбит и победа будет за нами». Соответствующим образом была подобрана и экспозиция, в которую вошли десятки работ, сделанных фронтовыми фотокорреспондентами под Ленинградом, в Сталинграде и на Курской дуге. Четвертый раздел выставки – это фотографии «победного цикла»...

150 снимков. Работы Альперта, Бальтерманца, Гаранина, Диамента, Егорова, Игнатовича, Маркова-Гринберга, Морозова, Редькина, Рюмкина, Савина, Темина, Устинова, Халдея, Халипа, Шагина и других. Сколько ярких имен, оставивших след в военной фотографии!

Выставленные работы – это не только богатый архив самого Фотоцентра. Усилить экспозицию помогли коллеги из Международного фонда «Петербургская фотолетопись» и Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле».

Казалось бы, добрую половину выставленных в галерее фотографий видеть уже приходилось. Шедевры фотожурналистики публиковались в печати и иллюстрировали книги на тему Великой Отечественной, встречались на плакатах, календарях, в телевизионных программах. Но всякий раз смотришь на них как впервые. На них – настоящая война. Без глянца и фальши, без пропаганды и политического заказа.

А вот портрет Алексея Стефанова довелось увидеть впервые. Познакомиться же, услышать вживую его приветственные слова – не довелось. Именно он, председатель общественной комиссии по патриотической работе Российского комитета ветеранов войны и военной службы, собирался открыть выставку «Тройной удар». Не успел. Нескольких дней не додала ему такая благосклонная прежде судьба.

ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ

АВТОР
АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ВОЛНУЕТСЯ, ПОПРАВЛЯЕТ ПИЛОТКУ НА ГОЛОВЕ И СТАРАТЕЛЬНО ГОВОРИТ В МИКРОФОН: «МЕНЯ ЗОВУТ САБРИНА. Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ О СВОЕМ ПРАДЕДУШКЕ. ЕГО ЗОВУТ… НЕТ, ЕГО ЗВАЛИ НИКОЛАЙ. ОН ВЕРНУЛСЯ С ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. А ПОТОМ МЫ С НИМ ПОЕХАЛИ В ДЕРЕВНЮ. И ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОН УМЕР… ВОТ…»

САБРИНА ПОДНИМАЕТ над головой фотографию прадеда и наконец, справившись с волнением, бесстрашно смотрит на собравшихся вокруг небольшой эстрады людей. Толпа аплодирует, слышны крики: «Молодец!», «Умница!»

Маленькая Сабрина не дрогнула и первой вышла к микрофону, чтобы рассказать о своем прадедушке. Так 9 мая 2013 года в Москве началась общественная акция «Москва помнит!». Многие москвичи пришли на Тверской бульвар с букетами алых гвоздик и фотографиями своих дедов и отцов, чтобы рассказать о тех, кто сам этого сделать уже не может. Забыть то, как выглядел в этот момент Тверской бульвар, будет трудно. Над толпой и в толпе, в какую сторону ни повернись, взгляд упирается в черно-белые выцветшие фотографии, с которых на тебя смотрят грустные и внимательные, серьезные и веселые глаза тех, кто прошел ужасную войну. И выдержать их взгляд порой очень трудно...

Рядом, опираясь на палку, стоит старый ветеран, на сереньком пиджаке – наградные планки. Он оглядывается кругом, качает головой и, будто обращаясь ко всем и одновременно ни к кому, негромко говорит: «Разве мы забудем эту войну? Это была самая жестокая война в мире. Но мы в ней победили! Это наш главный праздник, главный день в году. И первый тост – всегда за Победу!» Он еще раз оглядывается, смотрит на те самые выцветшие фотографии в руках людей вокруг, и продолжает: «А второй тост – всегда за погибших. Светлая всем им память!»

А к эстраде между тем уже выстроилась маленькая очередь. Люди подходят к микрофону и рассказывают, рассказывают, рассказывают... Кухаренко Степан Маркович, крестьянин, ушел на фронт добровольцем, погиб в 1943 году... Мария Медведева, погибла в Венгрии в 1945 году... Александр Кашин, пропал без вести...

Совсем рядом установлены большие бумажные планшеты. Каждый желающий может подойти и написать поздравление с Днем Победы. И люди пишут... «Поздравляю всех с Великим праздником, который в каждой нормальной семье является главным!», «Спасибо деду за Победу!», «Thanks Russia!», «Какое счастье, что мы победили!», «Низкий поклон всем победителям!» И совсем простое и сильное: «Живите!»

На Тверской другая толпа собралась вокруг огромной инсталляции под названием «Яблоневый сад». Железное дерево, тянущееся толстыми проволоками-ветками к небу, «расцвело» старыми проржавевшими солдатскими касками. Часть из них пробита – пулями или осколками. Люди молча кладут в каски кроваво-красные гвоздики. Одна женщина встает на колени, укрепляет в одной из перевернутых касок большую белую свечу и зажигает ее. Пламя гаснет от порыва ветра, а женщина снова и снова зажигает фитиль, бережно прикрывая его ладонями...

А в Камергерском переулке студенты театральных вузов организовали костюмированные реконструкции-сценки из фронтовой жизни. Здесь «бойцы» пишут письма домой, там – отдыхают после боя и читают письма от родных, еще дальше – грустная сценка «Завтра снова в бой». Зрители то поют вместе с ними «Катюшу» и «Бьется в тесной печурке огонь...», то пускаются в пляс.

Рядом остановился передохнуть седой ветеран. Знакомимся.

– Дедушка Шурик, – представляется он. – Александр Степанович. Артиллерист.

– Вы сюда один приехали?

– Да что вы! Вон мой правнук Степан. А вон там внук Александр. Меня одного больше никуда не отпускают. А как я дома в такой день останусь?

– А можно вас попросить рассказать о себе?

– Можно. Только сначала меня надо к стенке прислонить, – смеется Александр Степанович. Потом враз становится серьезным. – Я войну под Москвой начал. Потом Смоленск, потом – Белоруссия, Польша, Восточная Пруссия. Закончил воевать в Прибалтике. Из нашей семьи четверо воевали: отец, брат, сестра и я. Брат был десантником, сестра всю войну прошла в женском зенитном полку. И все остались живы. Когда вернулся, бабушка и мать мне сказали: мы за вас каждый день молились.

– А где на войне страшнее всего было?

– Там, где было страшнее всего, туда я не попал. В плену не был, слава богу.

– Что вам помогало вынести весь этот ужас?

– Как – что? Умирать мы, конечно, не хотели. И все были уверены, что не доживем до конца. Но точно верили и знали, что мы победим. Вот это и помогало.

ОВЕЯННЫЙ СЛАВОЙ

АВТОР
ВЛАДИМИР ЛИТАРЕНКО

ФОТО
ВЛАДИМИРА ЛИТАРЕНКО, СЕРГЕЯ ГОРБАЧЕВА

В ЭТОТ ДЕНЬ ГОРОД-ГЕРОЙ СЕВАСТОПОЛЬ ПОСЕТИЛИ ПЕТР I И ЕКАТЕРИНА II, АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ И ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ УШАКОВ… ГРЕМЕЛИ ЗАЛПЫ, ЗВУЧАЛА МУЗЫКА, РАЗВЕВАЛИСЬ АНДРЕЕВСКИЕ СТЯГИ…

13 МАЯ ГОРОД ТОРжественно отмечал 230-летие Черноморского флота – именно в этот день в 1773 году 11 кораблей Азовской флотилии вошли в Ахтиарскую бухту, где и был заложен Севастополь…

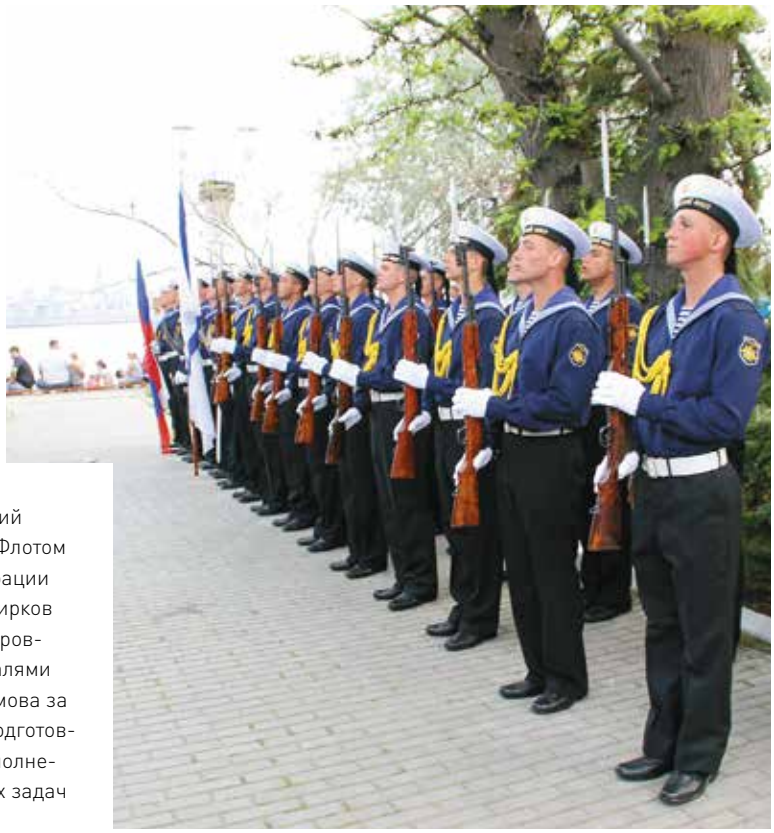
В праздновании приняли участие председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко, председатель Верховной рады Украины Владимир Рыбак, Чрезвычайный и Полномочный Посол Рос-

В Севастопольской бухте были воссозданы наиболее яркие эпизоды истории Черноморского флота

сийской Федерации на Украине Михаил Зурабов, главнокомандующий Военно-Морским Флотом России адмирал Виктор Чирков, ветераны Великой Отечественной войны, а также другие многочисленные гости из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Белгорода и многих иных регионов России, взявших шефство над кораблями и частями Черноморского флота.

Празднование началось с торжественного возложения венков к Вечному огню у мемориала «Героическим защитникам Севастопо-

На плавучем причале торжественным маршем проходят роты почетного караула Черноморского флота России и Военно-морских сил Украины



ля в 1941–1942 гг.». Люди пришли поклониться тем, кто 22 июня 1941 года принял на себя удар немецкой авиации, – зенитчикам и корабельным артиллеристам, тем, кто 250 дней (с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 года. – **Прим. авт.**) героически держал оборону Севастополя, тем, кто освобождал его в мае 1944-го... Праздник был продолжен в Севастопольской бухте, где перед много-

Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Российской Федерации адмирал Виктор Чирков награждает офицеров-черноморцев медалями Кузнецова и Нахимова за успехи в боевой подготовке и успешное выполнение учебно-боевых задач в море

Морские пехотинцы Черноморского флота готовы продемонстрировать свою выучку и боевое мастерство

численными зрителями прошел парад кораблей Черноморского флота и Военно-морских сил Украины. В параде приняли участие 12 боевых кораблей и подводных лодок. В их числе были ракетный крейсер «Москва», большой противолодочный корабль «Керчь», сторожевой корабль ВМС Украины «Гетьман Сагайдачный», подводные лодки «АЛРОСА» и «Запорожье».

Затем перед севастопольцами и гостями города-героя было разыграно масштабное театрализованное представление «230 лет во славу и на пользу России». На плавучем причале были показаны наиболее яркие страницы истории Черноморского флота, в том числе сцены из сражений в русско-турецкой и Крымской войнах, а также обороны Севастополя от фашистских захватчиков.

Вечером на площади Нахимова артисты из России и с Украины, а также творческие коллективы города порадовали зрителей своим искусством. Торжества закончились праздничным салютом и фейерверком.

Севастопольцы и гости города с интересом наблюдали за театрализованной постановкой «230 лет во славу и на пользу России»

Пресс-конференция председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко

ИТАР-ТАСС

ФОРМА БЕЗ УРАВНИЛОВКИ

АВТОР
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

В РОССИЙСКИЕ ШКОЛЫ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ НОШЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ ФОРМЫ. СОГЛАСНО ОПРОСАМ, 77 ПРОЦЕНТОВ РОДИТЕЛЕЙ ПОДДЕРЖИВАЮТ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИНИЦИАТИВУ. КАКОЙ БУДЕТ ФОРМА, КТО ЕЕ ИЗГОТОВИТ И КТО ЗА ВСЕ ЭТО ЗАПЛАТИТ, ОБСУДИЛИ В КОМИТЕТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ, ВОЗГЛАВЛЯЕМОМ ВЯЧЕСЛАВОМ НИКОНОВЫМ.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ В ГОсударственной думе РФ 25 апреля стоял вопрос «О школьной форме учащихся общеобразовательных организаций Российской Федерации». Заседание возглавил Вячеслав Никонов, председатель комитета Госдумы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир». В спорах участвовали не только депутаты, но и представители российской текстильной промышленности, специалисты домов моды Вячеслава Зайцева и Валентина Юдашкина. Перед собравшимися не стоял вопрос, вводить или не вводить школьную форму: президент России Владимир Путин 7 марта поручил правительству и руководителям регионов до 1 июня внести в Госдуму законопроект о введении школьной формы. Закон «Об образовании» уже принят и вступит в силу с 1 сентября, а сейчас рабочая группа под руководством Вячеслава Никонова готовит поправки в закон в части школьной формы.

Общество в целом готово к решению руководства страны. По исследованию ВЦИОМ, 77 процентов россиян высказались за введение школьной формы. 53 процента граждан считают, что в школах недопустимо демонстрировать свою религиозную принадлежность. 54 процента предпочитают, чтобы решение о введении школьной формы приняло государство. 14 процентов отдали бы инициативу введения школьной формы региональным и местным властям. 10 процентов людей думают, что решение должны принимать родители, 8 процентов – что школа. При этом во многих регионах уже работают нормативные акты, которые устанавливают требования к школьной одежде: в Республике Карелия, Татарстане, в Ставропольском крае, а также в Белгородской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Пензенской, Ростовской, Саратовской, Ульяновской, Ярославской и других областях.

«В России школьная форма была всегда, за исключением периодов смуты и развала государства, – сказал Вячеслав Никонов. – В зарубежных странах она есть в хороших, элитных, престижных учебных заведениях. Видно, Российская Федерация достигла стадии, когда возникла возможность создавать хорошие школы». Форма для учащихся была введена в России в 1834 году. Тогда единую форму обязали носить российских чиновников, под это решение подпали и школьники, которые обучались в госучреждениях: гимназисты и студенты. В 1917 году решение отменили, в 1948-м вновь ввели. С распадом СССР форма снова исчезла, но сегодня примерно 30 процентов российских школ вновь вернулось к единой одежде – это порядка 12 миллионов детей.

Министерство образования и науки сейчас разрабатывает механизм введения школьной формы, который будет давать «определенный маневр для свободы образовательным учреждениям», по словам статс-секретаря Минобрнауки Натальи Третьяк. «Предполагается, что конкретные требования к цвету одежды, ее фасону, какая это должна быть одежда – юбка, брюки, жилетка и так далее, – могут определяться образовательным учреждением совместно с представителями родительской общественности», – сказала Наталья Третьяк.

Мнениями по проблеме поделились депутаты и эксперты. Одна из авторов проекта, депутат Госдумы Ольга Тимофеева, подчеркнула, что школьная форма должна снять социальные и религиозные различия между детьми. Ольга Тимофеева представляет Ставропольский край, где несколько месяцев назад учительницу сельской школы выжили из села за то, что она запретила девочкам ходить на занятия в хиджабах. «За месяц от введения школьной формы в Ставропольском крае мы получили коррупционную составляющую со стороны предприятий легкой промышленности, – сказала депу-

ИТАР-ТАСС

тат. – К нам поехали производители всей детской одежды и даже те, кто к шитью детской одежды не имел отношения. Хочу подчеркнуть, смысл поправки в закон «Об образовании» состоит не в обсуждении фасонов, это пусть решают региональные власти. Мы вырабатываем некий школьный дресс-код. Без джинсов и открытых пупков, это понятно. Но исключаем и элемент социальных, религиозных различий».

С Ольгой Тимофеевой вступил в дискуссию Михаил Дегтярев, заместитель председателя комитета Госдумы по науке и наукоемким технологиям. Он считает, что нельзя отдавать регионам возможность принимать решения, – форма должна быть едина на всей территории страны, с учетом климатических особенностей. «Во-первых, промышленности проще, быстрее и дешевле изготавливать не 83, а один тип формы, – сказал Михаил Дегтярев. – Но главное, если отдать регионам на откуп возможность выбирать цвета и фасоны, это косвенно может привести к межнациональным конфликтам. Даже национальные элементы или цвета могут быть неприемлемыми для кого-то. А чтобы избежать коррупции при пошиве одежды, предлагаю учесть, что у нас в стране много мам-рукодельниц, которые могут и сами сшить одежду по картинкам, выкройкам, опубликованным, к примеру, на сайте Минобрнауки или в «Российской газете».

Дома моды уже разрабатывают дизайн школьной формы и предлагают ознакомиться с ним на своих сайтах. Диана Баранова, генеральный директор дома моды Валентина Юдашкина, предложила объявить конкурс на разработку фасонов среди студентов российских профессиональных вузов и лучшие работы показать на Неделях моды в Москве. «Конечно, мы считаем целесообразным поручить Госстандарту разработать ГОСТы на школьную форму с учетом экологических особенностей материалов, – сказала Диана Баранова. – И настаиваем на том, чтобы автор-разработчик одежды мог контролировать качество продукции, начиная с производства тканей и заканчивая пошивом. Мы однажды уже получили результат изготовления формы для армии, когда наши разработки попали на плановое снабжение...».

Много говорилось о том, что ткани должны быть натуральными, экологически чистыми, содержать хлопок и шерсть. Эту тему обратили к суровой реальности представители промышленности. В России всего три камвольных комбината, которые могут в большом количестве выпускать шерстяные и смесовые ткани: в Брянске, Павловском Посаде и Екатеринбурге. При всем желании невозможно одеть, а уж тем более к сентябрю, всех школьников, поэтому вводить форму можно только поэтапно. «Сегодня ряд предложений по школьной форме не соотносятся с возможностями, – заявил Евгений Томак, президент Национального союза производителей школьной формы, исполнительный директор Брянского камвольного комбината. – Непонятно, какими силами возможно каждой школе пошить свою форму. Например, в Брянской области учится 112 тысяч школьников. Чтобы изготовить для них типовую школьную форму, понадобится примерно 240 тысяч метров ткани, то есть две фабрики численностью 400 человек будут шить ее шесть месяцев по единому образцу. Чтобы, допустим, в августе школьная форма попала в школы, она должна начать шиться в декабре».

Несмотря на то, что несколько представителей швейной отрасли в один голос выступали за единую форму на территории всей страны, Наталья Третьяк в конце заседания сказала, что с этим вряд ли можно согласиться. «Мы не должны вернуться к уравниловке, – сказала она, – именно эти опасения высказывают и педагоги, и родители. Даже в рамках одного образовательного учреждения у ребенка должна быть возможность составить комплект одежды, исходя из требований школы. У нас многонациональная разнообразная страна, и общие требования по цветам и фасонам установить невозможно. Оставим это право на уровне субъектов. На федеральном уровне есть требования, которые носят санитарно-гигиенический характер, и общие методические рекомендации, они уже направлены Роспотребнадзором в адрес образовательных учреждений. Где, у каких производителей закупать форму, должны решать не органы власти, а родители. Главное, чтобы приобретение формы не стало препятствием ни для ребенка, ни для родителей, чтобы ребенок пошел в школу. И уже есть федеральные и региональные нормативные акты, поддерживающие многодетные и малообеспеченные семьи в приобретении школьной формы».

Комиссия продолжит свою работу, в нее приняты все желающие участники заседания. О каких-то выводах говорить пока рано. Но уже ясно, что форма будет введена поэтапно – вероятно, в первую очередь в начальной школе. А российской текстильной отрасли будет оказана государственная поддержка.

СЛОВО ЗА НАМИ

АВТОР
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МОГ ЛИ СЛАВЯНСКИЙ МИР ВЫБРАТЬ ЛАТИНИЦУ И ПОЙТИ ПО ЗАПАДНОМУ ПУТИ? ИЗ ЧЕГО СЛОЖИЛОСЬ ВЕЛИЧИЕ БРАТЬЕВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ? МОЖЕТ ЛИ РАЗВИВАТЬСЯ УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК БЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РУССКИМ? НАСКОЛЬКО ВАЖНО ИЗУЧАТЬ ГРАФФИТИ XII ВЕКА? ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ПРОЗВУЧАЛИ ВО ВРЕМЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦИИ МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – КИЕВ, ПОСВЯЩЕННОЙ ГОДУ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

В ИДЕОКОНФЕРЕНЦИЯ Москва – Санкт-Петербург – Киев под названием «Год славянской письменности» состоялась в мультимедийном центре РИА «Новости» (Москва) 23 мая, накануне Дня славянской письменности. В этом году 24 мая праздновался важный культурно-исторический юбилей – 1150 лет славянской письменности. В московской студии РИА «Новости» перед журналистами и экспертами выступили председатель комитета Госдумы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Сергей Карпов и директор Института археологии РАН Николай Макаров. Из Санкт-Петербурга вышла на видеосвязь президент СПбГУ, глава МАПРЯЛ Людмила Вербицкая. Из Киева – директор Института археологии НАН Украины Петр Толочко. Обсуждались роль великих просветителей – братьев Кирилла и Мефодия – в славянской культуре, а также международная акция фонда «Русский мир».

Старт международной акции «Год славянской письменности» был объявлен в прошлом году на VI Ассамблее Русского мира (3–4 ноября). Ее цель – пробудить интерес международной и российской общественности к основам и богатейшему духовно-нравственному наследию славянской культуры. В рамках акции запланировано проведение более ста мероприятий по всему миру. К 1150-летию славянской письменности приурочен конкурс для молодежи «Слово за нами», где будут оцениваться детские рисунки, сочинения, эссе. Работы можно присылать до осени, с дополнительной информацией можно ознакомиться на сайте фонда «Русский мир». В ходе акции фондом будет поддержано более 20 просветительских проектов в разных странах, в том числе фестиваль «Славянская сказка» в Болгарии, традиционный фольклорный фестиваль «Покровские колокола» в Литве, Международный Пярнусский фестиваль славянских культур «Светоч», поэтический фестиваль в Румынии, научно-практическая конференция «Кирилл и Мефодий – создатели славянской азбуки» на Украине и больше ста специальных программ на базе 92 Русских центров и 122 Кабинетов Русского мира. Об этом рассказал Вячеслав Никонов, упомянув о том, что точная дата создания славянской письменности неизвестна. «В этом году, вероятно, уместно отмечать начало моравской миссии двух выдающихся просветителей, – сказал Вячеслав Никонов, – Кирилла и Мефодия, братьев из византийских Фессалоник, которые являются создателями славянской азбуки, церковнославянского языка и проповедниками христианства на славянских землях».

Азбука рождалась в очень непростых условиях. Эту тему развил в выступлении академик РАН Сергей Карпов. На территории Византийской империи из множества народностей и народов образовывались склавинии – социально-политические образования, населенные славянами, процесс их интеграции был долгим и сложным. Это к тому же было время, когда только что закончились иконоборческие споры, разделившие христианский мир на сторонников и противников иконопочитания. «И славянские первоучители участвовали в этой полемике, вышли из этого горнила, – сказал Сергей Карпов. – В то же время появилась Фотианская схизма – первая попытка раскола внутри церкви, – и почти одновременно возникает синтез христианского сознания. Все это преамбула того, что произойдет». Византия, в ряде провинций которой говорили на славянских языках, ставила перед собой миссионерскую задачу, которую невозможно было осуществить без письменности. «Когда Кирилл и Мефодий отправились в моравскую миссию, они проповедовали в трудных условиях борьбы Моравского княжества с немецким государством, – сказал Сергей Карпов. – Политика папства менялась, было очень сложно найти правильные взаимоотношения между империей и папством, между империей и церковью». Это был великий подвиг – интеллектуальный, дипломатический и политический. Кирилл и Мефодий собрали в единую сокровищницу разрозненные знания, и этот энциклопедизм сделал возможным будущий прорыв. «Фактически сокровища великой культуры, которая идет от античной Греции к Риму и к Византии, стали достоянием славянского мира, вошли в наше самосознание, – продолжил Сергей Карпов. – А без этого нельзя интеллектуально развиваться». Вот почему Кирилл и Мефодий признаны святыми как у православных, так и у католиков.

Уже с XI века на Руси широко развилась система начального образования, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. О том, как происходили процессы усвоения письменности, рассказал академик РАН Николай Макаров. Лишь через полтора века после создания славянская письменность стала достоянием широкой общественности. Кириллица активно использовалась во всех сферах жизни. «Очень важно фиксировать граффити на стенах соборов, – сказал Николай Макаров. – Сейчас мы этим занимаемся в Софийском соборе Великого Новгорода. Несколько лет на-

зад провели большую работу по выявлению надписей на памятниках Северо-Восточной Руси. Граффити XII века были найдены и на христианском Востоке, на соборе в Вифлееме например, и это говорит о распространении древнерусского языка». Под конец выступления академик подлил масла в огонь дискуссии, сказав, что событие, которое произошло в Великой Моравии 1150 лет назад, не было неизбежным. «Все могло быть иначе, – сказал Николай Макаров. – Середина IX века – это мощное распространение каролингской и франкской культуры на восток. Славяне могли принять и латинский язык. Но я думаю, создание кириллического алфавита колоссально обогатило культурную жизнь Европы». На реплику горячо отреагировали все спикеры. «Выбор между Византией и тогдашним западным миром, – сказал Сергей Карпов, – это был выбор между современным Лондоном и бантустаном, их даже сравнивать нельзя, настолько Византия преобладала в каком угодно отношении. Выбор славян очень симптоматичен». «На Украине есть люди, которые поднимают эту тему и говорят, что Владимир Святославич поставил не на того коня, – заговорил на болезненную в украинском обществе тему Петр Толочко. – Мол, сейчас мы бы... Не знаю, может быть, мы не продемонстрировали успехов и там... Но отмечу вот что: когда я бываю в Москве или Санкт-Петербурге, я вижу стремление олатиниться. Столько вывесок, рекламы не на кириллице. Кажется, что ты оказался практически в европейском городе». В своем выступлении Петр Толочко оценил процессы взаимодействия славянских народов с исторической точки зрения, назвав их решающими. «Создание письменности стало сакральным событием для нас, славян, – сказал Петр Толочко. – Была сообщена перспектива развития на тысячелетия вперед, поэтому мы так трепетно относимся к тому далекому событию». 24 мая в Киеве студенты вузов собираются около памятников княгине Ольге, Андрею Первозванному, Кириллу и Мефодию. На мероприятия приходят послы разных стран, прежде всего Сербии и Болгарии.

Фразу о «стремлении олатиниться» прокомментировала Людмила Вербицкая. В Санкт-Петербурге уже несколько лет работает Совет по культуре речи, который как раз борется за чистоту русского языка. «Мы боремся с создателями рекламы и с теми, кто вывешивает надписи на латинице, – сказала президент СПбГУ. – Уже и жители нашего города стали обращать внимание на наши рекомендации. Надеюсь, ситуация вскоре изменится». В своем выступлении Людмила Вербицкая сделала акцент на значении создания славянского письма: «Главная заслуга Кирилла и Мефодия состоит в том, что они создали законченную языковую систему, – сказала президент МАПРЯЛ. – В результате на славянском языке переводчиками был создан корпус текстов. Славянский литературный язык был способен обслуживать все сферы жизни общества на столь же высоком уровне, как греческий и латинский». Переходя к проблемам современного русского языка, Людмила Вербицкая констатировала, что «мы утратили тот высокий стиль, о котором Владимир Соловьев говорил, что им можно только к Богу обращаться». А низкий стиль, который надлежало использовать только во внутреннем монологе, занял место среднего. Но интерес к русскому языку в мире растет.

«Растет, но после долгого периода отступления, – продолжил мысль Людмилы Вербицкой Вячеслав Никонов. – Ни один язык не терял так много своих носителей, как русский, в мировой истории. На протяжении последних двадцати лет, по нашим оценкам, число говорящих по-русски на планете сократилось минимум на 50 миллионов человек». Страны СНГ и Прибалтики также демонстрируют растущий интерес к русскому языку. Когда разговор сфокусировался на отношениях русского и украинского языков, Вячеслав Никонов отметил, что «русский язык органичен для украинской культуры и ее генетического кода, что бы ни говорили некоторые политические силы». И сделал сенсационное сообщение. «Мы собираемся сделать следующий шаг, – продолжил глава фонда «Русский мир». – У фонда «Русский мир» сейчас всего два филиала: один – в Санкт-Петербурге, второй – во Владивостоке. Мы планируем открыть свой третий филиал в Киеве – надеюсь, уже в этом году. Это будет еще один шаг навстречу друг другу».

Видеоконференцию Вячеслав Никонов закончил так: «Наши великие предки создали наш великий язык, и теперь слово, безусловно, за нами, потому что мы говорим на этом языке».

ПРАВО НА ЧТЕНИЕ

АВТОР
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ВЫ ЗНАЕТЕ СВОД ПРАВ ЛЮБОГО ЮНОГО ЧИТАТЕЛЯ? ПРАВО НЕ ЧИТАТЬ. ПРАВО НЕ ДОЧИТЫВАТЬ. ПРАВО ПЕРЕСКАКИВАТЬ НЕИНТЕРЕСНЫЕ МЕСТА. ПРАВО ЧИТАТЬ С КОНЦА. ПРАВО ПЕРЕЧИТЫВАТЬ. ПРАВО ЧИТАТЬ ЧТО ПОПАЛО И ГДЕ ПОПАЛО. ПРАВО ЧИТАТЬ ВСЛУХ. ПРАВО МОЛЧАТЬ О ПРОЧИТАННОМ.

ЭТИ ПРАВА СФОРМУлировал французский писатель Даниэль Пеннак в своем эссе «Как роман», написанном в 1992 году. По мнению автора, эти простые, хотя и шокирующие читателей «старой закалки» права помогут вернуть интерес современных детей к книге, от которой они все чаще равнодушно отворачиваются.

О том, что современная российская молодежь не любит читать и не берет в руки книг, не сказал за последние пятнадцать лет только ленивый: «книги никому не нужны», «компьютер вытеснил чтение», «уровень грамотности падает». Международное исследование PISA (Programme for International Student Assessment. – **Прим. ред.**) только подтверждает самые пессимистичные оценки: в 2009 году по степени читательской грамотности среди 15-летних школьников Россия находилась на 41–43-м месте среди 65 стран, принявших участие в исследовании. Опубликованные в 2005 году социологические исследования «Левада-центра» также засвидетельствовали катастрофическую статистику по итогам 2003 года: 52 процента россиян никогда не покупают книг, а 37 процентов их никогда не читают.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

«ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ» = «ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ»

Ученые Санкт-Петербургского государственного университета и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, разработав проект «Успешное чтение», решили разобраться, что мешает современным детям подружиться с литературой и как их привлечь к чтению.

– В России начали официально констатировать кризис чтения десять-пятнадцать лет назад, – говорит один из авторов проекта «Успешное чтение», доктор педагогических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена Татьяна Галактионова. – За границей тревогу по поводу отказа от чтения забили почти на полвека раньше. В 1983 году в США уже был подготовлен доклад «Нация в опасности», посвященный проблемам функциональной неграмотности. Но в 90-е годы в нашей стране, наоборот, был своего рода читательский бум, связанный с социальными, культурными и политическими событиями того времени. На рынок выплеснулась запрещенная литература, много было переводной и зарубежной литературы. Но потом все пошло на убыль. Первым наступление на книгу начал телевизор, потом к нему присоединился компьютер.

Сегодня вопрос именно детского чтения стоит особенно остро. – Чтение как увлечение, как вид досуга активно вытесняется другими возможностями, – отмечает Татьяна Галактионова. – С появлением компьютера это приобрело уже серьезные масштабы и последствия. Ведь само чтение – это мощный интеллектуальный навык. Известный социолог культуры и чтения Сергей Николаевич Плотников обобщил данные исследователей о типичных отличиях читающих людей от не читающих. Оказывается, первые отличаются от вторых уровнем развития интеллекта. Читатели способны схватывать целое и выявлять противоречия и связь явлений, более адекватно оценивать ситуацию, быстрее находить правильные решения, имеют больший объем памяти и активное творческое воображение, лучше владеют речью. Они точнее формулируют, свободнее пишут, легче вступают в контакты и приятны в общении, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Таким образом, с точки зрения ученого, чтение формирует качества духовно зрелого, просвещенного, культурного и социально ценного человека.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН ПРОТИВ ДЭНА БРАУНА

Утрата интереса к художественной литературе особенно для России чревата ни много ни мало утратой национального самосознания, так как нигде российское самосознание не высказывается в такой степени, как в национальной литературе.

– В России через произведения литературы традиционно транслировались духовно-нравственные ценности, – говорит Татьяна Галактионова. – Как написала в своей работе одна исследователь из Свердловской области: «Наше национальное богатство – художественная литература, «создавшая феномен русских мозгов», отвергнута современным русским человеком». Семейные ценности тоже передаются через классическую литературу – из поколения в поколение. Существует литература, которая является общим текстом: это читали бабушки, родители, это же читают дети. «Помнишь, как у Маугли?» «А что сказал Винни-Пух?» Если этого нет, то у разных поколений в семье становится все меньше общего.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Несмотря на ставшую расхожей фразу о том, что российские дети перестали читать, серьезные национальные социологические исследования на эту тему не проводились – чаще всего учителя и родители высказывают лишь свои наблюдения. Специалисты, изучающие проблемы детского чтения, отмечают важную тенденцию – изменилась модель чтения. Уходящая модель детского чтения (ее называют «литературоцентристской») просуществовала не менее века. Именно этой модели до сих пор придерживаются многие взрослые, в том числе и учителя. Для нее характерны любовь к чтению, престиж в обществе «человека читающего», обязательность регулярного чтения, наличие домашней библиотеки. У детей, и особенно у подростков, сюда добавляется общение со сверстниками по поводу прочитанного, наличие «литературных героев» в качестве жизненного ориентира. У большинства сегодняшних детей и подростков совсем другое восприятие книжной культуры. Книга для них – не учебник жизни, а одно из средств информации. Не случайно из массового чтения уходит классическая приключенческая объемная литература (Дюма, Майн Рид, Купер, Жюль Верн). Психологи объясняют это тем, что современный ребенок является носителем совершенно новой – визуальной, «мозаично-клиповой» – культуры, требующей постоянной смены движения. Для культуры современного школьника важны не описания, а быстрая смена декораций, приближенная

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

к мультфильмам и компьютерным играм. Отсюда – любовь к комиксам у младших подростков, тяга к чисто развлекательной и остросюжетной литературе у старшеклассников.

– Изменился текст, читатель и социум. Эта изменившаяся реальность ставит иные задачи воспитания нового «человека читающего», – говорит Татьяна Галактионова. – Самый простой и проверенный временем способ – об этом говорят и у нас в стране, и за рубежом – читать вместе со своими даже выросшими детьми. Например, в отношении своего младшего сына – ему 14 лет – я, воспитанная на классике, считала важным, чтобы он, как любой культурный человек, прочитал «Капитанскую дочку». Однако я чувствовала, что это его не сильно вдохновляет. Поэтому просто стала читать ему вслух, обсуждать, пояснять. Когда заканчивалось наше чтение, он открывал и читал дальше уже самостоятельно, правда… увы, другую книгу – «Код да Винчи» Дэна Брауна.

«БРОСЬ ВСЕ И ЧИТАЙ!»

За рубежом уже давно пришли к выводу: все средства хороши, лишь бы книга и ребенок встретились друг с другом. Когда петербургские педагоги стали изучать опыт своих западных коллег, то были поражены разнообразием идей. Например, в США в некоторых школах практикуют материальное поощрение – за чтение книг детям дают талоны, которые в конце полугодия ребенок может обменять в специальном магазине на игрушки или канцтовары. В одной из школ Финляндии для создания атмосферы «вокруг книг» устраиваются «ночи историй» и «вечера книги» (дети в спальных мешках собираются вместе, учитель читает им вслух, потом все вместе обсуждают прочитанное), даже названия школьных кабинетов взяты из детской литературы («Ривенделл» из «Властелина колец», «Косой переулок» из «Гарри Поттера», «Сто акров леса» из «Винни-Пуха»). В Норвегии учителя организовывают чтение историй о призраках в темноте на улице, чтение стихов у камина. В Японии каждое утро обязательно десятиминутное чтение. Большой успех у учеников и учителей имела программа «Брось все и читай!» – во время урока выделяется 15 минут, когда и учитель, и ученики откладывают в сторону учебники и тетради и погружаются каждый в свою книжку. Количество прочитанных книг учитель записывает и вывешивает списком в конце полугодия.

Библиотеки тоже не сидят сложа руки. Например, во Франции практикуются «библиотеки без стен», когда книги выносят на улицу рядом с детскими площадками, чтобы дети и их родители могли без лишней робости с ними познакомиться. Большим спросом пользуются книги, которые приносят в очереди к врачу в поликлинике. По всему миру создаются литературные парки и музеи литературных героев – например, Долина Муми-троллей в финском городе Тампере, Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит в Лондоне, Музей Тома Сойера в США и Робин Гуда в Англии.

Даже «злейший враг» книги – компьютер – может стать союзником в приобщении к миру чтения.

– Самая распространенная ошибка современных родителей, отчаявшихся заставить своего ребенка «полюбить» читать, это запрет на пользование компьютером, – говорит Татьяна Галактионова. – Даниэль Пеннак описывает стандартную для любого родителя ситуацию – ребенку дается книга со строгим наказом: «Пока не прочитаешь от сих до сих, за компьютер не сядешь!» Неудивительно, что у подростков накапливается негатив по отношению к чтению, а компьютер становится недосягаемой наградой.

В своих исследованиях петербургские педагоги предлагают термин «открытое чтение» – то есть чтение, не противопоставляющее себя другим способам получения информации, а сотрудничающее с ними. Например, в Великобритании есть специальный сайт с технологией интуитивного интерфейса. Пользователь выбирает книгу не по автору и названию, а согласно своим запросам: «Я бы хотел прочитать очень романтичную книгу, со сложным сюжетом, немного печальную…» По результатам запроса сайт предлагает каждому свою книгу, выбрав ее из 20 миллионов комбинаций.

«ГЛАГОЛ «ЧИТАТЬ» НЕ ТЕРПИТ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ»

Вооружившись мировым опытом, петербургские исследователи, не желая соглашаться с утверждением, что «никто больше не хочет читать», создали в 2007 году проект «Успешное чтение».

– Мы попытались найти непривычные, новые технологии, которые стали бы поводом для чтения книги, – объясняет Татьяна Галактионова. – Сейчас конкуренция между книгой и другими возможностями проведения досуга такова, что если нет повода, то редкий ребенок заглянет на книжную полку. Если же повод есть, и повод для ребенка привлекательный, то он начинает читать, и появляется надежда, что это станет его потребностью. Мы придумывали разные интересные для школьников события, но, чтобы стать участником этого события, нужно что-то прочитать. Конкурс, постановка, выставка, диспуты, дебаты. Один из главных принципов «Успешного чтения» мы взяли опять-та-

ки у Даниэля Пеннака: «Глагол «читать» не терпит повелительного наклонения». Чтение должно быть добровольным и доставлять удовольствие. Поэтому мы часто отталкивались от того, чем увлекаются дети. Например, ты не очень активный читатель, но тебе нравится музыка – сделай музыкальный клип к книге. Собери фрагменты, запиши музыкальную дорожку. Это круто? Но ты не можешь это сделать, не прочитав книгу. Для того, кто любит рисовать, поводом к вдумчивому чтению может стать иллюстрация к книге.

Петербургские педагоги разработали несколько программ для школьников разного возраста, пытаясь задеть те струны детской души, которые могут разбудить потребность к чтению. Для начальной школы методика называется «Хорошее время читать» – дети становятся обладателями «Портфеля читателя», за каждую прочитанную книгу из списка и выполненные задания они получают жетоны и все выше поднимаются по «лестнице успеха».

– Обычно программа рассчитана на несколько месяцев, занятия и обсуждения проводятся во время внеклассного чтения, – говорит Татьяна Галактионова. – Учителя всячески подстегивают соревновательный элемент – у кого больше всего жетонов, кто выше поднялся по «лестнице успеха»? Проводятся выставки, беспроигрышные лотереи, игра в читательские «крестики-нолики» – чтобы заполнить поле, нужно ответить на вопрос, связанный с прочитанной книгой, или разгадать ребус.

Школьники постарше участвуют в проекте «Реклама книги» – выбирают книгу по вкусу и создают рекламный ролик про нее. Еще один популярный проект – «Горячая десятка», когда ученик выбирает десять книг, которые больше всего повлияли на его жизнь, и презентует их своим одноклассникам. Read and art – конкурс рисунков, фотографий и видеоклипов на тему чтения. «Книга на сцене» – песни, танцы, пантомима, музыкальные номера на тему чтения.

– Изначально петербургский проект уже давно стал общероссийским, а наши методики успешно применяются в десятках российских городов, – с гордостью рассказывает Татьяна Галактионова. – Учителя и родители, которые оказываются причастны к этому, фиксируют положительную динамику. В чем это выражается? Например, если до проекта дети обсуждали на переменах блокбастеры, ужастики, стрелялки, то постепенно тот или иной сюжет или книга становятся темой для разговоров. Еще дети начинают обмениваться книгами, это становится престижным.

БАБУШКИНЫ КНИЖКИ

«Успешное чтение» сейчас существует на волонтерских началах – российские учителя-энтузиасты, услышав про эту программу, просят прислать им учебные пособия и рабочие тетради для школьников.

– С помощью издательства «Просвещение» мы хотим выпустить учебно-методическое пособие для пятиклассников, – делится планами Татьяна Галактионова. – Идея такая: портфель читателя для пятого класса будет посвящен теме семейного чтения и будет называться «Книжное дерево моей семьи». Какие книги в 10 лет читали бабушки и дедушки, какие книги в этом же возрасте читали мамы и папы, что читают сами пятиклассники. Цель – создать в семье повод для разговора о книге и чтении. Чтобы бабушка сняла с полки какую-то книжку, рассказала, чем она интересна, может быть, прочитала вместе с внуком. А бабушка, может быть, прочтет историю о Гарри Поттере, чтобы говорить с внуком на одном языке.

В Петербурге есть идея перевести программу «Успешное чтение» на «официальные» рельсы, предложить ее в школах почти как обязательную.

– Мы всегда были «вне системы», теперь с коллегами собираемся разработать надпредметную программу для школ, – говорит Татьяна Галактионова. – С одной стороны, это хорошо, но с другой стороны, есть определенные риски. Одно дело, когда «успешно читают» учителя со своими классами по своей воле, а другое – когда указание приходит сверху. Главное, чтобы чтение не превратилось в «обязаловку», а оставалось удовольствием…

За предоставленные материалы исследований редакция благодарит кафедру педагогики РГПУ имени А.И. Герцена.

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ НАРОДА

БЕСЕДОВАЛА
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

В СЛЕДУЮЩИЕ ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ МОГУТ ПОЯВИТЬСЯ АРТИКЛИ И МОЖЕТ ИСЧЕЗНУТЬ СРЕДНИЙ РОД. О БЛИЖАЙШЕМ И ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАЗМЫШЛЯЕТ ВИТАЛИЙ КОСТОМАРОВ – ИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫКОВЕД, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ПРЕЗИДЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА.

– ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, РУССКИЙ язык деградирует?

– Выбросьте слово «деградирует» по отношению к языку. У нас часто говорят: «Ах, язык портится!» Да ничего с ним не делается! Он великолепный, звучный, богатый. Ножом можно вырезать из дерева удивительные вещи, а можно лишить жизни человека. Языком можно пользоваться во благо и во зло, по делу и всуе, умело и бездушно. Язык отражает настроения, потребности, притязания нас с вами. В нем больше 50 слов, выражающих мужское восхищение женщиной, сегодня же обходятся одним – «сексапильная». В свое время меня чуть с работы не выгнали, потому что я сказал, что не понимаю фразы «Русский язык – язык коммунизма». Разве на русском языке нельзя капиталистическую идеологию изложить? «Коммунистический манифест» написан по-немецки, главы марксистского «Капитала» – по-английски. Меня спасла ссылка на Сталина, который сказал, что язык, как явление особого типа, не относится ни к экономическому базису, ни к идеологической надстройке. Так что грех обвинять язык за ограниченность своих интересов, за скудость своей мысли.

– Но ведь язык меняется?

– Конечно, каждую секунду. Но только он намного сложнее, чем нож, компьютер, часы. Я, например, вижу, как бежит секундная стрелка. Минутную стрелку, быть может, я увижу, а часовую не увижу точно. Но поверьте, она движется даже на моих наручных часах. Мы можем судить о движениях языка. Тем более что иногда он дремлет, а иногда спешит, бурно меняется. Вот сейчас он бурно развивается. Срочно бежать к часовщику? Не стоит – по крайней мере, пока.

– И все-таки, вы знаете, в какую сторону будет двигаться эта часовая стрелка?

– Никто этого не знает. Можно лишь предполагать. Приведу два примера, которые что-то предсказывают на будущее. Звучащий язык дает возможность общаться лишь камерно, контактно, поэтому люди изобрели письменность. Умение условно буквами опредмечивать результат звукового общения означает возможность хранить и передавать текст в пространстве и во времени, создать две гениальные институции – почту и библиотеку. При этом, компенсируя то, чего текст не передает (интонацию, мимику, жесты, движение, цвет, все неязыковые носители смысла), люди усложнили сам язык. Создали сложную систему союзов, союзных слов, предложений, словосочетаний, новых слов, синонимов, аналогических конструкций. Этот книжный язык, гениальное творение нескольких столетий и многих поколений, справедливо обожествляется как образец правильности, но несправедливо принижает начальную разговорную разновидность языка как неорганизованную, стихийную. Технический прогресс, позволяющий фиксировать акты общения в их полноте, устраняет эту несправедливость. Он показывает, что и в звуке язык не хаотичен (иначе в разговоре мы не понимали бы друг друга), что обе разновидности языка достойны. Более того, тексты радио, кино, телевидения, Интернета, особенно его социальных сетей, обладают даже преимуществами – большей, пусть имитированной, естественностью, легкостью восприятия, красочностью. Не зря дети их предпочитают, считая чтение избыточно сложным, трудоемким, скучным. В самом деле, умение читать (то есть дешифровать!) требует особого умения, запаса знаний и личного опыта, напряжения ума и чувств. Надо долго, упорно

учиться, чтобы оно стало приятной потребностью. Получать информацию с экрана телевизора, дисплея компьютера куда проще. Даже библиотеки из хранилищ книг незаметно превратились в карто-, фильмо-, кассето-, флешкотеки.

– Что сейчас происходит с книжным и разговорным языком?

– Близкие родственники, они все больше расходились, хотя и обогащали друг друга. В нашу эпоху на месте их противопоставления происходит явное сближение, что, разумеется, как и все новое, многих раздражает. Скажу смелую вещь: мы перешли в другую эру. Нанесен сильный удар по многовековой монополии письменности. Мы еще не понимаем, к чему пришли, слишком мало времени прошло. Еще пять лет назад мы восхищались только блогосферой – скайпа и фейсбука не было. Гуттенберг вряд ли поверил бы, что благодаря его изобретению каждый день утром и вечером люди будут получать напечатанную газету. Мелочь, но все же: почта уже не принимает телеграммы. Книжной и разговорной разновидностям суждено взаимодействовать и взаимопроникать. Будем надеяться, что они не сольются, но лишь изменят наши представления о норме, о правильности, сохраняя свои семантические и стилистические оттенки.

– Что книжный язык стал более «разговорным» – понятно. Поясните, как разговорная речь становится ближе к книжной. Кажется, культура речи не растет нигде.

– Давайте разговор о культуре отложим, есть минимум 300 определений слова «культура». К тому же не надо связывать общее падение культуры с языком. Что касается «книжности» нашей речи… В простом разговоре мы все больше и свободнее употребляем термины «электричество», «напряжение 220 вольт», «микроволновая СВЧ-печь», «предохранитель», «переключатель», «трансформатор», «зарядное устройство», «выделенная полоса общественного транспорта», книжные обороты «в связи с этим», «таким образом» и т.д. В письменной речи, наоборот, мы стремимся даже передавать разговорную интонацию. Приведу заголовки из «Российской газеты»: «Почта России – модернизация или ликвидация?», «Весна: опять подтопление деревень!». Это что за синтаксис? Разговорный. Всем ли это нравится? Конечно, нет.

– Орфографию упрощать нужно?

– Конечно! У нас сейчас есть мнения, что единственное, что с орфографией нужно делать, – это вернуть букву «ять»! Зачем?! Послушайте, уже триста лет, как нет никакой разницы в звуке слов «бес» и «лес». А писать надо было «бес» через «е», а «лес» через «ять». Таких слов, которые нужно было просто запомнить, было чуть менее сотни. По легенде, известный академик, учивший будущего царя Николая II словесности, на вопрос наследника, зачем алфавиту эти две буквы, ответил: «Для того, Ваше Высочество, чтобы можно было сразу отличить грамотного человека от неграмотного». Наше общество устало от изменений. Но славное время не вернется от того, что будем писать «Пересветь» с «ером» на конце, но, тем более, без «ятя». Упорядочить кое-что, уменьшить количество исключений можно: «цып-цып-цып» мы пишем через «ы», а «циркуль» почему-то по-другому. Произносим «жульен», а писать рекомендуют «жюльен». Почему надо писать «метеный пол» с одним «н», а «подметенный» с двумя? Кстати, рассуждения об орфографии стоит теперь вести с учетом нового соотношения разговорности и книжности.

– Прежде чем перейти ко второму примеру, объясните, почему «не надо связывать общее падение культуры с языком». Ведь как я мыслю, живу, так и говорю.

– Сложный вопрос. Думаю, нужно различать цивилизацию и культуру. В цивилизации всегда есть прогресс: автомобиль удобнее телеги, реактивный самолет лучше винтового. В культуре – другой принцип. Можно ли с уверенностью сказать, что трагедии Софокла отсталые по сравнению с Шекспиром, а Вампилов прогрессивнее Софокла и Шекспира, вместе взятых? Важнейшей частью культуры является религия. Можно пошучу? Культуру придумал Бог, а цивилизацию – Дьявол.

Мы с вами живем в двоичном мире, и эти две силы всегда борются друг с другом. Диалектика Гегеля: плюс и минус, материализм и духовность. Мы привыкли полагать, что язык – это средство выражения культуры, но он и средство выражения цивилизации. Он лепит и информацию, и образы.

– Выходит, «падения культуры» происходить не может?

– Не то что может, но и происходит у нас на глазах. Вот мы сидим с вами в семизвездочной гостинице, я позволил себе прийти сюда чуть ли не в джинсах, а раньше меня бы без фрака сюда не впустил швейцар. Это нынешний уровень культуры, явление общемировое. Он находит отражение и в устной, и в письменной речи.

– И при этом вы говорите, что язык не деградирует?

– Ни в коем случае не деградирует. Язык, не являясь ни частью культуры, ни частью цивилизации, особое явление, без которого нельзя жить, как без воздуха, без которого задохнешься. В его запасниках обретается все, что хотят говорящие (культурные и даже бескультурные) в зависимости от своих нужд и желаний. Н.В. Гоголь сравнивал его с огромным, «едва берега имеющим океаном». Мы любим эту цитату: вот какой у нас богатый, замечательный океан. Но мы забываем, что сравнение это глубже. Океан действительно безбрежный и бездонный, поэтому в нем есть все: наряду с сокровищами еще живые и дохлые рыбы и киты, утонувшие пароходы, грязь, медузы, вонь. Мы вылавливаем из него так называемый литературный язык. Кстати, это определение неточное: говоря «литературный», думаем прежде всего о художественной литературе, хотя книжный язык намного богаче: на нем и научная литература, и детская, и иностранная, да и просто нормальный разговор. Лучше было бы назвать его «образованным» – по двум значениям глагола «образовать»: «сделанный, рукотворный» и «свойственный просвещенным людям». В России в его создании особая роль исторически принадлежит поэтам и писателям, отчего хорошо подчеркнуть это и в термине «литературно-нормативно образованный язык». Состав его, принятый стандарт, конечно, меняется в зависимости от интересов и культуры (если точно определить, что подразумевается под нею). Но эта связь опосредована и, видимо, не очень обязательна. Мы ведь вообще употребляем в среднем не более 8–10 тысяч слов.

– Ежедневно?

– В течение жизни. Я говорю об активном употреблении. Наш пассивный запас слов, которые мы узнаем, зависит от того, чем мы занимаемся, много ли читаем. В сочинениях и письмах Александра Сергеевича Пушкина встречается 24 тысячи слов. Сколько он их произносил, мы можем только догадываться. Это вдвое больше, чем у образованного русского человека. Больше слов нашли только у Шекспира – 28 тысяч.

Все слова в языке выстроены в организованную иерархическую систему, в которой есть словарь, грамматика (морфология и синтаксис), фонетика, стилистика. Все эти уровни языка, или под-

системы, находятся в сложном взаимодействии, что и составит содержание второго моего примера. Я буду говорить о грамматике – способе, которым слова соединяются, когда мы говорим. В русском языке слова объединяются изменением одного из них, то есть флексией. Если мне нужно объединить слова «ножка» и «стол», я говорю «ножка стола». Или «ножка от стола», особенно если она отломана. В английском языке слова почти не изменяются, а их связи определяются порядком слов, предлогами, артиклями, здравой логикой. Языки со словами, в которых главным способом соединения слов является флексия, называются флективными.

– ***Русский язык – флективный.***
– Да. Любой профан воспринимает его как такой, где слова склоняются и спрягаются. Ученые классификации также называют его флективным, английский, например, аналитическим. Оказываясь под влиянием других языков, русский развивает черты аналитизма. Возникает вопрос: не теряет ли он при этом свою самобытность?

– ***Это явление в современном языке уже есть?***
– Рассмотрим пример. Русская грамматика привыкла к тому, что существительные, которые кончаются на «о» или «е», среднего рода. Ну, какие?

– ***Кофе.***
– Пример не убедительный. Слово иностранное, появилось в приемлемой форме мужского рода, склонялось (у Г.Р. Державина: «А я, проспавши до полудня, курю табак и кофий пью»), отчего до сих пор грамотеи спорят, среднего или мужского рода последующее его превращение в «кофе». Я имею в виду собственно русские слова на -о, -е, которые грамматика относит к среднему роду и склоняет. В годы безумного увлечения Францией и ее языком мы позаимствовали массу слов с таким окончанием: «бюро», «манто», «какао», «казино», «табло», «трюмо», «безе», «варьете», «желе», «пенсне», «пюре», «резюме». Нам не хочется их изменять, мы даже часто пишем их по-французски, демонстрируя, какие мы образованные, и издеваясь над непросвещенными, говорящими «был в пальте», «шел из депа», «недалеко от метра», «был в кине». Извечное наше низкопоклонство перед всем иноземным оказывается сильнее флективной грамматики не только среди этих слов; не склоняем «авокадо», «гестапо», «манго», «медресе», «сомбреро», «гетто», «эскимо», «эсперанто», а также «Киото», «Монтевидео», «Сорренто», «Сакраменто», «Толедо», «Токио», даже «Гродно», «Ковно». Мало того что не склоняем, еще и род путаем: понятно, что «микадо» – мужчина (императорский трон в Японии женщины не наследуют), а «сопрано» – женщина (у мужчин такого голоса не бывает). Но вот что «метро» может осмысляться как слово мужского рода по аналогии с «метрополитен», смущает: от имени извозчика Л.О. Утесов пел: «но метро, сверкнув перилами дубовыми, сразу всех он седоков околдовал». Современный певец четко произносит «мое сердце остановилАсь, мое сердце за-мер-лА… и снова пошлА». Нельзя не заметить, что в конце XVIII века и русские слова среднего рода приобретали мужские формы: «гнезды», «кушаньи», «чувствы», «средствы» (еще и у Тютчева: «для них и солнцы, знать, не дышат») вместо «гнезда», «кушанья», «чувства», «средства» (в просторечии даже с ударением на -а); до сих пор многие сомневаются: «щупальца – щупалец» или «щупальцы – щупальцев».

– ***Неужто иностранных слов среднего или неизвестно какого рода больше, чем русских?***
– Да, намного больше, если не учитывать производных вроде «домишко», «домище» и новейших, заимствованных чаще всего из английского языка (мы ведь живем в эпоху американомании): «евро», «нано», «песо»… Перестают склоняться многочисленные собственно русские названия, что молодежь считает вполне нормальным, а старшее поколение все еще упирается. Корней Иванович Чуковский, которого я спросил, считает ли он нормальным, что люди путают «ехать в Бутово» и «жить в Бутове», с раздражением воскликнул: «Если писатель скажет, что у него дача в Переделкино – есть такой писательский дачный поселок под Москвой, – я не смогу называть его русским писателем». Боюсь, нынешние школьники удивляются тому, что М.Ю. Лермонтов не нашел рифму, декламируя без изменения слово «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу **отдана**? Ведь были ж схватки боевые, да, говорят, еще какие! Недаром помнит вся Россия про день **Бородина**».
О чем свидетельствует второй мой пример? Громадная масса слов нерусского происхождения, не только имена среднего рода, но и еще более «несъедобные» для нее на -у («шоу» или «ноу-хау»), или, к примеру, «рок-н-ролл», давит на нашу флективную морфологию. Ей, бедняге, деваться некуда, потому что лексическая подсистема их доброжелательно принимает, мало заботясь о трудностях их грамматического освоения.

– ***Что в этом опасного?***
– Грамматика – это святое, самобытное, системообразующее начало, она определяет природу языка в целом. Изменится она, будет другой язык. Вы спросили, что будет с нашим языком. Два приведенных примера показывают возможные события в самом языке. В первом я не вижу опасности, так как это универсальный путь общечеловеческого языкового развития в глобализирующемся мире, не посягающий на врожденные особенности отдельных языков. Во втором вижу именно культурно-историческую (вас волнующую, если я правильно понял) опасность утраты этнонациональной особости вообще и в языке в частности, хотя его структура и система, строго говоря, независимы от культуры как таковой.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

БЕСЕДОВАЛ
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО
АНТОНА БЕРКАСОВА

ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ ИЗГНАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗАХ И ШКОЛАХ СТРАН СОДРУЖЕСТВА ОН СНОВА ТУДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ. О ТОМ, ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИСХОДИТ, О БОЛЕЗНИ ОТРИЦАНИЯ РОДИНЫ У ДИАСПОР, О ПЕРВОМ И ВТОРОМ СОРТЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (МФГС) ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ СНГ АРМЕН СМБАТЯН.

– АРМЕН БАГРАТОВИЧ, МФГС УТВЕРЖдает, что пространство русского языка в странах Содружества расширяется и на его основе создается общее культурное пространство, а социологи приводят пугающие цифры: в России, по разным данным, от 20 до 40 процентов трудовых мигрантов живут, не зная русского языка…

– Проблема, разумеется, есть. Но она не должна затенять благоприятную тенденцию – новый виток развития русского языка. После первых и трудных лет независимости в СНГ осознали, что русский язык им нужен. Как инструмент. Как доступный способ совместно освоиться в глобальном мире. Да, влияние русского языка снижалось в первые годы независимости в новых государствах. Теперь, когда эйфория национальной самодостаточности – не у всех, но у многих – постепенно отходит на второй-третий план, многие страны и народы начинают понимать, что им рынок русскоговорящего пространства нужен. Он дает выход в мир и заработки.

– Тогда почему в потоке трудовой миграции растет число тех, кто не говорит или почти не говорит по-русски?

– Откуда его будут знать трудовые мигранты, если русскоязычные, в том числе преподаватели, уехали или уезжают из их стран? Я недавно был в Узбекистане. В сельской школе под Ташкентом. Там русский язык преподает молодой парень, который выучил его на стройке под Москвой. Какому русскому языку он научит соотечественников? За годы первых лет независимости молодых государств утеряны кадры, отстала от времени структура преподавания.

– То есть новый тренд – страны СНГ обратились к России с просьбой о выделении им преподавателей русского языка – продиктован необходимостью заработков?

– Чем это плохо? В начале 90-х годов действительно была агрессия против русского языка, но не конкретно против него, просто это был эффект советского негативизма. Все плохое, что было связано с СССР, – дефицит, межнациональные конфликты, оккупация, как считали некоторые страны, – воспринималось через русский язык. Двадцать с лишним лет спустя, когда улеглись страсти, началась переоценка ценностей. Эти годы Россия, конечно, хотела сохранить влияние русского языка на русскоговорящую аудиторию бывшего СССР. Не будем лукавить, это абсолютно нормальный способ влияния. Но инициатива, исходившая только от России, воспринималась как политика. И лишь сейчас национальными элитами начинается мучительное осознание того, что русский язык – это не только политика и влияние, но и гораздо больше и большее – возможность донести информацию до соседей и шанс заработков, шанс давать качественное образование своим детям и просто способ общения.

– Почему не английский язык, ведь курс именно на его развитие взяли постсоветские страны?

– Практика показала, что все происходящее в мире – развитие наук, искусства и разных областей высоких технологий, – к сожалению, чтобы донести до стран Содружества, чтобы об этом знали и читали, надо все переводить на национальные языки. Что оценивается в несколько миллиардов долларов. Найти такое количество средств и кадров невозможно. Предположим, пришел на

помощь английский язык. Им владеют мизерные 1–2 процента от численности нации. Но даже не все продвинутые ученые могут читать специальную литературу в своей области на английском, а изучать свое направление могут и вовсе единицы. Единственная доступная возможность – приобщаться к мировым научным, информационным и прочим основным тенденциям развития через русский язык. Из которого, кстати, в языки народов стран Содружества приходят научная и техническая терминология, просто слова нового века.

– Почему именно Таджикистан первым обратился с просьбой направить к ним русистов из России?

– Там тяжелее всего. Таджики должны общаться со своими соседями – киргизами, узбеками, туркменами, которые принадлежат к тюркской группе языков, совершенно непохожих на фарси, на котором говорят таджики. На границе люди, которые торгуют картошкой или помидорами, не понимают друг друга. На английском они заговорят? На немецком? Вот и получается, что простой народ, если он не говорит по-русски, выпадает не только из информационного поля, но и из всякого развития.

– Опять начнутся упреки в «имперскости» России и ее стремлении не мытьем, так катаньем подчинить независимые страны?

– Умные люди осознали, что принципы соседства меняются на наших глазах. России выгодно, чтобы страны-соседи выкарабкались из бедности и встали на ноги. Ведь приятнее и выгоднее соседствовать и общаться с состоятельным партнером, чем с бедным.

– То есть продвижение русского языка – это не политика, за которую россиянам уже приходилось сталкиваться с антирусскими настроениями в этих странах?

– Продвижение русского языка – это и политика тоже. Это хорошо понимают все стороны процесса сближения, которым он взаимовыгоден.

Только на этих началах возможно продвижение вперед. Это понимают все страны, и они задают только тот тон и настрой сближения, который бы их устраивал. Пока активно за дело взялся только Таджикистан. Но интерес выражают и другие. Узбекистан изучает ситуацию. У Киргизии есть интерес к преподавателям русского языка из России. Когда случилось землетрясение в Оше, МФГС вместе с гуманитарной помощью отправил туда несколько тысяч книг на русском языке. Не представляете, какой колоссальный интерес был не к теплым одеялам, палаткам – к книгам! Мать нашего сотрудника Сергея Алещенко, всю жизнь собиравшая серию книг «ЖЗЛ», свою библиотеку подарила Киргизии. Мне такое отношение русского человека к тем, кто хочет знать русскую культуру, показалось символичным.

– На какие сроки и на каких условиях российские преподаватели едут преподавать русский язык?

– МФГС – международная организация, поэтому вот так, напрямую, мы не формулируем задачи. Это предмет переговоров между странами, чему мы содействуем. У нас простая политика: мы стараемся быть полезными тогда, когда у стран есть предложения и инициатива сотрудничества исходит от них. В Таджикистане первая группа учителей работает год и готовится ко второму учебному году. Как долго продлиться сотрудничество? Не знаю. Решение за таджикской стороной.

– На ваш взгляд, насколько оправданно привлечение российских преподавателей в таджикские вузы и школы, если местным специалистам власти отказывают в трудоустройстве? Конкретная история. На личные средства служащая одного из отелей в Душанбе окончила факультет русского языка и литературы Самарского педагогического университета. Приехала в Душанбе, но с нее в одном из вузов запросили 1500 долларов за прием на работу (притом что у нее у самой не оплачен кредит в 35 тысяч рублей за учебу), в другом месте – 1000 долларов. Когда она сказала, что оплачивает российский кредит за учебу, ей ответили: «Вот и езжай в Россию». Зачем россиянам тратить свои педагогические кадры на иностранцев, если они не могут распорядиться своими?

– Если брать конкретные примеры, то негатива будет много. Но мы ищем и находим людей, мыслящих позитивно и смотрящих вперед. Желательно на несколько шагов вперед. В этих странах таких людей много. Важно их найти. Но в этих странах, как и на всем постсоветском пространстве, есть серьезная болезнь – коррупция. А в ее основе – плохая жизнь. Советская инерция в самом плохом смысле слова в этой области продолжается. Она наложилась на становление государственности и рыночных отношений у наших соседей. Мы испорченные люди: надеемся на то, что будущие поколения смогут перебороть коррупцию, но ее барьер преодолеть надо нам. Везде берут взятки, в том числе при устройстве на престижную работу. У кого-то получается обойти этот барьер, у кого-то – нет. Не к тому пошел, папа не смог договориться с директором школы или девушка из богатой семьи, а в русской школе работать престижно, «за престиж» берут «налог». Или город маленький, все всех знают, директор не хо-

ТИТУЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО
На каком языке вы говорите в семье?

Страна	На русском	На титульном	На русском и титульном	Другое
Белоруссия	69%	7%	23%	1%
Казахстан	45%	37%	15%	3%
Латвия	36%	59%	5%	–
Украина	35%	43%	20%	2%
Эстония	30%	68%	2%	–
Молдавия	20%	66%	8%	6%
Киргизия	17%	60%	6%	17%
Таджикистан	15%	83%	2%	–
Узбекистан	14%	81%	4%	1%
Азербайджан	6%	81%	12%	1%
Литва	5%	87%	2%	6%
Армения	3%	91%	6%	–
Грузия	0,5%	88 %	4%	7,5%
Туркмения	Опрос не проводился			

Источник: исследовательское агентство «Евразийский монитор».

чет деловых отношений именно с этим кланом-семьей. Обстоятельств – масса. Это цепочка, которая приводит к доминированию негативизма. Преодолеть его, как обществу в целом, так и отдельной личности, например девушке-таджичке, желающей преподавать русский язык, это как раз умение противостоять обстоятельствам, чем и измеряется зрелость общества и личности. Надо искать другой выход. А не ныть: «Вот на работу не берут…» Часто я слышу такие истории. Часто эти люди уезжают из своих стран в Россию, но они обманывают не столько окружающих, сколько себя. Ясно зачем – чтобы оправдать свое отсутствие в своей стране. Это поголовное «заболевание» диаспор. Диаспора всегда критикует родину, «недооценившую» его или ее профессиональные или деловые качества. Это тоже болезнь. На нее надо смотреть многомерно. Как критично – люди уезжают не от хорошей жизни. Так и философски, на несколько шагов вперед, – как сделать так, чтобы остановить идущую деградацию в странах, откуда уезжают граждане? Без языка, русского языка, как выясняется, этот процесс усугубляется.

– Как снизить коррупционное давление и отток диаспор, чтобы помощь российских преподавателей русского языка, как эстафетная палочка, была передана местным преподавателям-русистам?

– Это деликатная проблема. Ведь пока получается, что во многих странах есть первый и второй сорт преподавателей русского языка. У преподавателей русских школ – современные учебники, финансирование из России и растущая очередь желающих. У национальных школ – старые советские учебники, которых не хватает, и острый дефицит учителей. У приезжающих россиян изначально условия, включая оплату труда, будут лучше, чем у тех, кто худо-бедно преподает русский язык всю жизнь. Здесь надо общаться с руководством стран, с министерствами образования, договариваясь о более или менее равных условиях для профессионального роста. МФГС свою работу начал с мастер-классов и стажировок для местных учителей, с тем чтобы погружать их в языковую среду, культуру и новые методики преподавания. Ведь не имеет смысла и прагматичной пользы учить иностранцев тому русскому языку, который учат в России, – орфографии и чистописанию. Народам СНГ нужен сначала русский разговорный язык, а потом – письмо. А не наоборот, как это сегодня происходит в национальных школах. Там учат писать по-русски, а до разговорной практики дело просто не доходит. Хотя остро стоит вопрос о том, что надо осваивать новые методики преподавания и новые технологии изучения русского языка.

– Но ведь выросло целое поколение азербайджанцев и армян, приднестровцев и молдаван, русских и грузин, таджиков и узбеков, которые разъединены и никогда не общались. Если вы, армянин Армен Смбатян, можете сесть не только за стол переговоров с азербайджанцем Поладом Бюль-Бюль оглы, но и за столик в ресторане, то эти молодые люди не просто лишены такой возможности. Они не знают, на каком языке понимать друг друга. Захотят они говорить на русском?

– С Поладом Бюль-Бюль оглы мы не раз наблюдали, как азербайджанцы и армяне в России не только общаются, но и умело ведут совместные дела. Значит, можно договариваться? Просто, как показывает опыт и многочисленные миссии посредничества, надо говорить напрямую. Без посредников. Это путь не только к договороспособности, но и к примирению и добрососедству. Надо общаться. На русском, на английском, на родных языках, но – напрямую.

– По данным ВЦИОМ, если до 40 процентов трудовых мигрантов в России не знают русского языка, то среди трудовых мигрантов из Средней Азии этот показатель доходит до 58 процентов.

– Это и есть элемент деградации. К счастью, он не пустил глубокие корни. Все зависит от нас, нашего здравомыслия и прагматизма. Никто не собирается навязывать русский язык как единственное средство межнационального общения или инструмент влияния. Более того, мы спокойно относимся к тому, что везде снижается доля владеющих русским языком. Если такова реальность, мы ее принимаем. Но там, где есть возможность и желание говорить по-русски, мы будем этому содействовать.

– Где еще есть спрос на возвращение в обиход русского языка?

– В общем, во всех странах Содружества. Просто если, например, в Армении где-то в отдаленных районах местное руководство не говорит по-русски, конечно, оно против расширения влияния русского языка. Потому что местная власть уже не понимает по-русски так, как это было в СССР. Но это не политика страны, а страх отдельных руководителей за свое благополучие и пост. Если же руководитель образован, он обязательно говорит по-русски. Это новая норма. И не только в Армении. Той же Армении повезло, что сегодня в стране у власти много выходцев из Нагорного Карабаха. Они русскоязычные и русскоговорящие. И они смогли постепенно вернуть русскому языку статус востребованного языка межнационального общения. Кстати, в Азербайджане тоже высок статус русского языка. В Баку всюду слышна русская речь, много русских школ и есть потребность и желание говорить по-русски. Но если, например, Казахстан и Азербайджан готовы к расширению сферы применения русского языка, то Узбекистан, Украина или Молдавия относятся к новому спросу на русский язык избирательно и аккуратно, предпочитая поднимать статус государственных языков. Что, на мой взгляд, надо уважать, учитывать и принимать как данность.

СИБИРСКИЙ СТРОЙ

АВТОР
МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

НЕПОСТИЖИМАЯ ПЛАНЕТА ЯЗЫКА... ЖИВАЯ И ТРЕПЕТНО-ЧУТКАЯ... С ОДНОГО ЕЕ ПОЛЮСА – ЖЕСТОКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОД НАПОРОМ НОВОГО ВРЕМЕНИ, С ДРУГОЙ – ЕГО СКРЫТАЯ ПОДСНЕЖНАЯ ЖИЗНЬ В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ. К ПРИМЕРУ, В ЗАПОВЕДНОЙ СИБИРСКОЙ ГЛУБИНКЕ. НЕ ПОРА ЛИ СНОВА ВСЛУШАТЬСЯ В ЭТИ РОДНИКИ ЖИВОГО ЕЩЕ СЛОВА? ЧТОБЫ ВСПОМНИТЬ, КАКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОКРЫТЫ В ЯЗЫКЕ И КАКИМ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМ СЛОВО МОЖЕТ БЫТЬ. КАК МНОГО ЗНАЧАТ СМЫСЛОВЫЕ ОТТЕНКИ, КАК СЛОВА ЖИВУТ И КАКУЮ ТВОРЧЕСКУЮ РОЛЬ МОЖЕТ ВЫПОЛНЯТЬ ЧЕЛОВЕК – НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА. И ЧТО ЖИВ ЭТОТ САМЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК – А ЗНАЧИТ, И ЕСТЬ ЧТО ЗАЩИЩАТЬ!

И **МОЖНО В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ОТДЕЛАТЬСЯ** прописными истинами о прижившихся иностранных словах, вроде «контора» или «школа», если бы не последняя словесная интервенция. Ее несметная конница ввезла на своих спинах отнюдь не дефицитную терминологию, призванную облегчить жизнь специалистам новых технологий, а западную идеологию с ее системой ценностей. Живая и удивительная природа слова наглядно проговаривается об этом в терминах, вроде «менеджер», повально употребляемого вместо традиционного для России «управляющего». Отличие «менеджера» от «управляющего», несмотря на «юридическую» тождественность, на мой взгляд, в самом духе, исходящем от подобных слов. Духе бизнеса, то есть зарабатывания денег. Не зря главной мотивацией при обучении менеджеров ставится личное обогащение, а не управление в его исконном смысле. Вдумаемся, что такое управление в русском понимании. Возьмем, к примеру, управление судном. Это навигация, выбор на*правления*, путь, ответственность… Нынче слово «управленец» берется как синоним «менеджера» и употребляется уже в новом, привнесенном смысле.

Чем отличается американское слово «администрация» от привычного русскому уху «правительства»? «Администрация» несет оттенок некой сугубо формальной и демонстративно заниженной (ах, не ущемить бы какую свободную личность!) роли государства, милостиво устранившегося от важных аспектов общественной жизни, будто бы оставленных на совести вольных индивидуумов. «Правительство» же предполагает именно *правление* страной и народом, управление, направление (однокоренные слова: «правота», «правда», «правило»). Некое опережающее знание о пути и ответственность за этот путь перед Богом и народом – словом, все то, что испокон было свойственно русской имперской традиции.

Говоря о состоянии русского языка, не будем впадать в подсчет надругательств над ним, начиная с всевозможных «фандрайзингов» и заканчивая целой кухней называния коммерческих товаров заморской рецептуры – всяких «дляносов» и «вкуснoффых», за которые горе-словотворцев впору наказывать…

Не побоюсь повториться, если в который раз заявлю о необходимости введения гражданского обращения «сударь» и «сударыня» как наиболее приемлемого да и просто замечательного по звучанию, теплу и уважительности. Робкая попытка продвижения «господина» и «госпожи» ничего, кроме недоумения и раздражения, у народа не вызвала, так как со словом «господа» у большинства населения ассоциируется нечто антинародное и паразитическое – из области господства одних над другими. Мой знакомый охотник-промысловик говорил: «Да если не чувствую я себя никаким господином, так зачем же буду им называться?»

Как же быть с этим самым «господином» в дореволюционной России? Да никак… Просто после всего, происшедшего с нами в XX веке, говорить о возвращении к сословному делению, принятому в прежней России, вряд ли имеет смысл. (Что касается «сударя»: традиционно именно нота *уважительности* была главной в этом производном от слова «государь». Поэтому не следует искать здесь какую-либо общественно-политическую окраску, связанную с понятиями «государь», «государство», «суд» и прочее, включая иностранный термин sudarium. – **Прим. авт.**)

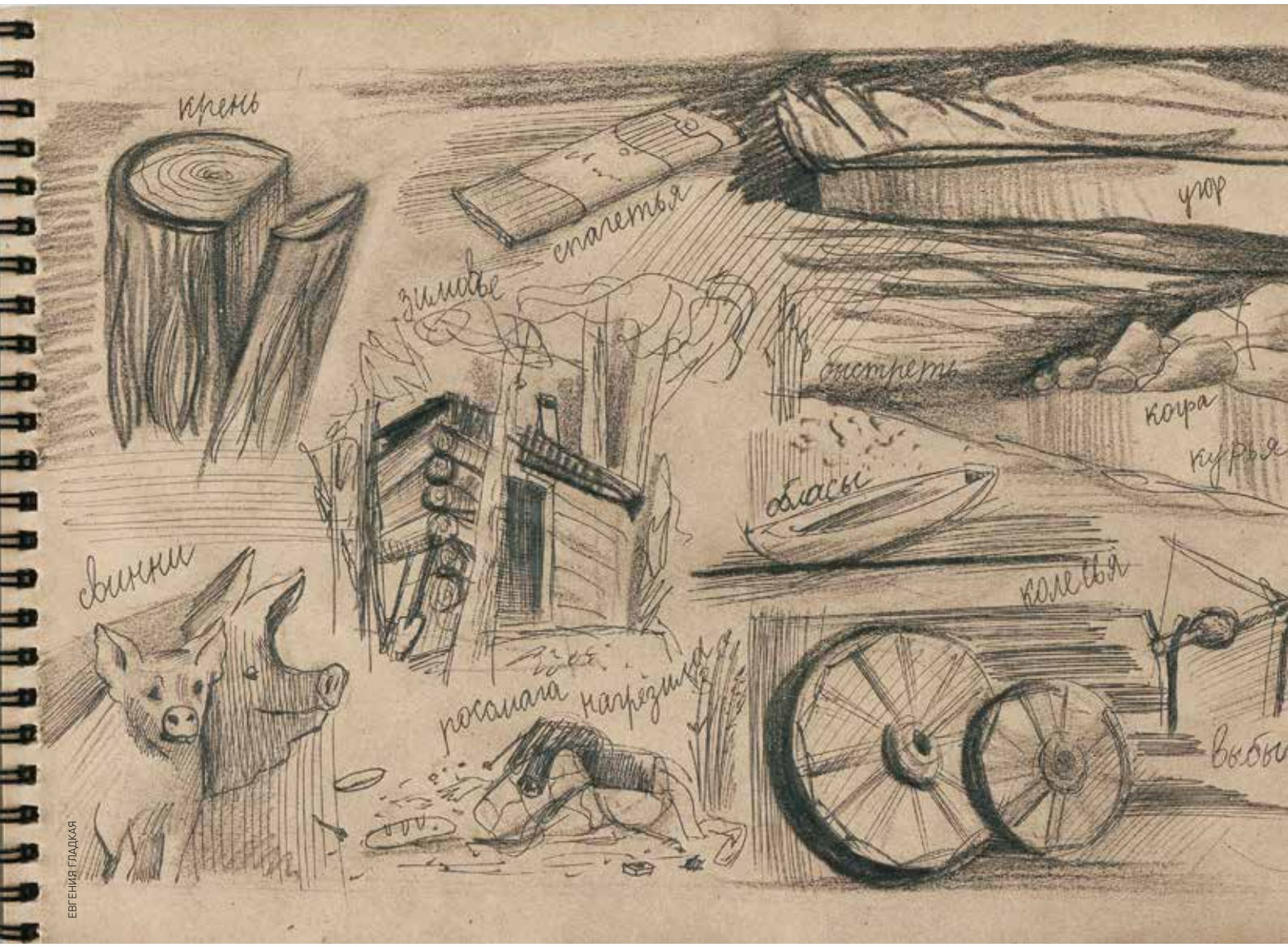
Словом (хороший оборот!), обязанность и государства, и гражданина – проявлять особенное внимание, строгость и ответственность в отношении к языку и понимать, что стоит за *словом* вообще.

Наш язык понес огромные потери после преступного упрощения его в 1917 году. Всем известно, что до коммунистической реформы в нашем языке было 36 букв, а в «классической» старославянской кириллице – вовсе 43. Уничтожение каждой буквы – это потеря языкового оттенка. Примитивный язык приводит к примитивному мышлению. Упрощение языка – путь к национальной деградации, хотя именно упрощение и объявлялось главной целью данной реформы.

Введение алфавита вместо азбуки – это посягательство на сакральную сущность языка. Вспомним, что за каждой буквой азбуки стояли важнейшие смысловые материки: Аз – я, Буки – буквы (Боги), Веди (ведать), а дальше и объяснять не надо: Добро, Есть, Жизнь...

И если вглядеться в древнерусскую, старославянскую и церковнославянскую языковую глыбь, то так и замрешь, завороженный огромными возможностями, которые упускались при каждом упрощении. Удивительно, почему в школах не изучают старую азбуку (хотя почему-то изучение так называемых мертвых языков считается незыблемой составной классического образования) – такое обращение к прошлому было бы очень полезно.

Великой школой и сокровищницей русского языка является наша литература. Пушкин, Гоголь, Толстой, Лесков,



ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Бунин. Из писателей последней эпохи – Астафьев и Распутин. Все эти мастера чувствовали сохраняющую и животворную роль народного языка и питались его родниками. И в наши дни именно язык русских деревень еще противостоит технологической атаке, которой подвергаются города, где сотнями вводятся без всякого контроля чужеродные слова, которым можно подыскать отечественную замену – была б на то воля.

Русская деревня – это та заповедная территория, где еще жив русский язык как носитель национального духа. И, конечно, самые глубинные и нетронутые места – это Сибирь и ее наиболее удаленные уголки. Здесь, в поселках, деревнях, станках, еще звучит речь русского времени, здесь сам язык еще говорит на другом (богатом и гибком) языке, и ты испытываешь ощущение, будто попал на сто лет назад… Точно так же, как, оказавшись в старообрядческом поселке и поднявшись на угор, замираешь… Тебя буквально ошатывает могучей волной времени при виде бородатых мужиков в рубахах с расшитыми воротами и женщин в сарафанах и платках.

Язык, на котором говорят жители Енисея, имеет несколько истоков. Чую в нем самое малое четыре ноты: северорусскую (поморскую), сибирско-енисейскую, тюркскую и самоедскую (кетскую и эвенкийскую). Русская нота пришла во времена освоения Сибири через морской Север. На Енисее, так же как и в Архангельской, Вологодской областях, проглатывают-подрубают окончания глаголов: «быват», «заедат», «токо громоток делат». Здесь называют ветра кратко: «север», «запад», причем обязательно по-старинному – «сивер». «Угором» зовут высокий берег понад рекой. На угорах стоят деревни на Енисее.

Тюркские слова вроде бы тоже есть – «тузлук» (рассол для рыбы), «ястык» (пласт икры), а как возьмешься считать – не так и много их в обиходе. Так же как кетских и эвенкийских слов. Таких как, к примеру, «голомуха» – от эвенкийского «голомо» (род таежного на скорую руку жилища). «Пущальня» (точного происхождения не могу сказать) – ставная сеть. Слово это связано с северными народами. В одной из ссылок обозначено долганское происхождение. В сборнике кетских сказок оно указано в словаре.

Теперь о сибирско-енисейском замесе…

Вообще, в Туруханском районе на берегах Енисея как основное население, так и говор традиционно русский. Его можно подразделить на чисто енисейский и… назовем так – общесибирский. На общесибирском говорит целое пространство, городская и Южная Сибирь на разных широтах, население Иркутска, Красноярска и Новосибирска.

Сибирский говор – это обязательно вместо «чего» – «ково». «Ково ревешь?» («реветь» – кричать, звать. «Пореви меня по рации»). «Знатьё» – «знать бы заранее» («кабы знатьё – дак…»). Вместо «желтый» сибиряк скажет «с желтá», вместо «вроде» – «подвид». («Блесна на подвид битюря». – В.М. Шукшин).

«Шаить» – означает «медленно гореть», «тлеть». Шаят всегда сырые дрова. Какая звукопись! Так и слышится шипение капель на торце мокрого полена. Вместо «повесить» сибиряк обязательно скажет «повешать». «Язви тя!» – крикнет в сердцах заполошная хозяйка, опрокинув ящик с рас-

садой. На Енисее еще говорят: «От, яскорь тебя!» Что это значит, не могу сказать.

Есть еще характернейшее «чо моя?» – производное от «чо, моя хорошая?». Так обращались к близким, к доченьке, к матушке, а потом выражение перенеслось на любого собеседника. И бывает, маленькая усохшая старушка скажет здоровенному мужику: «Чо моя?» Мол, что у тебя? Какие трудности-заботы? Болезни-печали?

Таежная избушка называется «зимовьём». С отменой буквы «ё» многие образованные люди, усвоив из литературы «зимовье» как нечто «сибирское», произносили его с ударением на «о», и это ударение вошло даже в песни, написанные горожанами (у Визбора «В чахлой тайге заметает зимóвье»).

Очень типично общесибирское слово «у́росить» – значит «капризничать». Так говорят про ребенка.

А вот удивительное выражение, которое я слышал только на Енисее: «грезить». Оно вовсе не из высокого штиля – грезы и мечты здесь ни при чем. «Грезить» – это безобразничать, разорять («зорить»), бедокурить. «Росомага (росомаха) нагрезила». Значит, росомаха набедокурила, разорила ловушки, сняла приваду и сожрала попавшихся соболей. «От (вот) греза» – так могут ласково сказать про нашкодившего ребенка.

Замечательно слово «быстерь», означающее быстрину на реке. Хариуса здесь зовут «хайрюз». Вместо «им», «ими» говорят – «имя́». Вместо «две или одну» скажут «двуё или однуё». «Просторечье», – скажет лингвист. «Богатство и гибкость», – скажет поэт.

«Шаглы» – это жабры. Невразумительного человека могут прозвать «бесшаглым». «Корга» – каменистая гряда, вдающаяся в реку (не путать с беломорскими коргами). «Курья» – заводь.

Особо произносятся слова, заканчивающиеся на «-ьи», «-ью» – «ночью» звучит как «ноччю», «свиньи» – как «свинни». Звучит с каким-то замечательным оттягом.

«Кутит» – это закручивает (в сани) ветер и снег. «Быгать» – так говорят про мясо, которое выветривается, вымораживается на воздухе. «Выбыгала» – привада. Слово «дивно» означает «порядочно», «довольно», «много». «Вередить» – повредить. «Вередила палец». «Изнахратить» – испортить, изуродовать. Необыкновенно звучное, выразительное словцо! Что такое «нюховитый», думаю, объяснять не надо. По этому же лекалу сработано «воровитый». В городской речи из этого кроя выжило, например, «деловитый».

По-особому произносится множество слов: «отдал» – «ондал». «Опять» – «опеть». «Разве» – «разле». «Мимо» – «нимо». «Порознь» – «порозь». «По отдельности» – «нарозно».

«Провьянтом» моя соседка называла боеприпасы – порох, гильзы, капсюля, пыжи. Удивительно старинным духом веет от этого оборота!

За словом «оборот» потянулось словечко «оборотний» – «оборотняя стерлядка» – стерлядка, которая уже прошла вверх, а теперь «катится» обратно. А вот закупать продукты называется «снабжаться». В этом «снабжении» – большая капитальная закупка, деревянная лодка, полная мешков с мукой, всякого товара. «Снабжаются» на промысловую охоту, на долгую зиму.

«Виска» – это протока (между озером и рекой). Ручей произносится как «ру́чей». Переехать на ту сторону Енисея называется коротко: «через». «Поехал через». У рукавицы большой палец – «напалок». Голенища у бродней (енисейской обутки) – «ноговицы» (скроено по выкройке «рукавицы»). «Пальник» – тетерев-косач (от слов «черный», «паленый»).

На Енисее есть целая, так сказать… поднародность – *сельдюки*. О них Виктор Астафьев писал в «Царь-рыбе». Считается, что «сельдюк» происходит от названия туруханской селедки – ряпушки, которую так любят промышлять по осени жители Енисейского Севера. Сельдюки – потомки русских переселенцев, к которым, возможно, подмешалась кровь коренных жителей, кетов и эвенков. Вообще же, они абсолютно русские и по облику, и по фамилиям (Хохловы, Поповы, Никифоровы, Плотниковы). Сельдюки – главные носители енисейского говора. Все это «ихнее» – и «сивер», и «быват», и «здравствуй-ка», но главная особенность – что шипящие они произносят по-своему: вместо «ш» – «с», вместо «ж» – «з». «Сто ты парень». «Зырный». «Последний санс». Еще они говорят вместо «л» – «в». «На вызах убезала» (на лыжах). Мягко произносят «л» – «бутыука».

У Валентина Григорьевича Распутина в повести «Живи и помни» описывается говор одной из ангарских деревень: там, к примеру, слово «сучка» произносилось как «щуцка». Что-то родственное с сельдючьим выговором есть в этом переворачивании шипящих на Ангаре, сестре Енисея.

Масса слов связана на Енисее с мастеровой культурой. С предметами быта, охотничьего промысла, рыбной ловли. «Шарга» – расслоенные на плоские волокна стволики черемухи, которые использовались для плетения и скрепления различных частей снаряжения.

«Гартьё» – кедровая щепа, из которой делали «морды» (ловушки на животь – мелкую рыбешку, используемую в качестве живца). Очень енисейским показалось мне когда-то слово «кляч» – веревка из черемуховой коры, снятой в виде лент. Перед рыбалкой кляч замачивали в Енисее. Каково было мое удивление, когда у Гоголя во второй части «Мертвых душ» я натолкнулся на этот самый «кляч» – герои использовали его для рыбалки.

Долбленые лодки, которые на Енисее называются «ветками» и вовсю в ходу здесь, были в старину широко распространены по всей Руси и назывались «обласами». Все это еще раз подтверждает, что Сибирь – это действующий запасник русской традиции.

Самое главное и удивительное, что почти у каждого здешнего человека была своя система, свой неповторимый речевой строй, которым он (и каждый на свой лад) прокладывал дороги внутри языка. Примечательно, что взаимоотношения с грамотностью могли быть обратными – чем слабей грамотность, тем поразительней языковое творчество. Несомненно, одно с другим связано прочно и парадоксально. Выходит, грамотность в некоторых случаях блокирует творческое речевое начало.

Вспоминаю моего соседа дядю Гришу, Царствие ему Небесное. Григорий Трофимович Попов был одним из самых испоконнейших и по судьбе, и по духу енисейских жителей. Без тайги и особенно реки, Батюшки-Анисея, он себя не мыслил. Единственная поездка в город стала для него страшным испытанием. Он жил рекой – вслушивался, всматривался, вчуивался в Енисей, каждое его дыхание ловил-переживал. Был ему Енисей как огромный термометр-барометр всей жизни, да оно и понятно – рыбак есть рыбак… Вечная зависимость от погоды у огромной воды. «Запад ли верховка (юг) задует?» «Чо вода делат – прибыват или падат?» То на прибылую воду сети плесенью забьет, то сивер так закатат, что *через* не перейти. Как-то он сказал (речь зашла про Красноярск): «Город-то ране в Енисейска был». Город для него был с большой буквы – образ центра, енисейской столицы – независимо от названия.

Есть такое понятие «крень». Это особо плотная и смолистая древесина с одного бока дерева. Ее избегают при выборе лесины на изделие. Дядя Гриша высказал по этому поводу собственное мнение: что раньше делали из кренёвой стороны ствола полозья для нарт, что к такому полозу не «подлипат» снег, что он катится отлично, и вообще, настолько кристаллически-крепкая эта самая крень – что «дас топором – как соль отлетат!».

Есть еще один мой односельчанин – единственный ныне здравствующий ветеран Великой Отечественной Анатолий Семенович Хохлов. Разговорились с ним про березовые заготовки для нарты (для полозьев). Дядя Толя сказал, что, вообще, береза «кать имет хорошую», если только не «вертлявая». «Кать» он произвел от слова «катиться». А витую (свилеватую) березу назвал «вертлявой», будто она вертится (под топором, допустим). С глаголом «катиться» связан еще один термин: «некать» – пора или, скорее, состояние снега с шершавой поверхностью, который не дает катиться полозам и лыжам. Некать бывает в сильный мороз. Образовано по тому же принципу, что и «небыль», «нетель», «нерусь». Еще хорошее слово есть, обозначающее род верховой воды: «поводь».

В русском языке окраску однокоренным словам придают многочисленные суффиксы, приставки и окончания. И оказывается, у одного слова они остались, а у другого незаслуженно забылись, стерлись. Множественное число от слова «дерево» – «деревья» – звучит привычно, а вот от слова «колесо» – «колесья» – уже по-старинному. На Енисее такое словообразование в порядке вещей. Старики говорят: «Поднял капканья», то есть насторожился. Точно так же брат Григория Трофимовича, дядя Петя, пожаловался, что на «Красноярска нету-ка билетьев нисколь». Соседка Серафима Ильинична Никифорова однажды сказала, что в магазин «привезли спагетья». Насколько сильны у этих людей правила жизни языка! Они и новые слова гнут по-старинному!

И вот слово уже видится со всеми связями, жилами. Так енисейские старики учат нас помнить старинные языковые скрепы, что будто черемуховой шаргой сшивают понятия, людей, эпохи. И стыдно перед этими носителями национального духа за современное состояние языка.

Слово, по нашей вине порвавшее связи с миром, как озеро, потерявшее сообщение с рекой, его породившей. Не так ли зарастают тиной и ряской виски, связывающие душу с родным и кровным?

Как руки, тянутся от каждого слова лучи смыслов, напоминают о великих взаимосвязях в Русском мире, о том, что, если не убережем язык, останемся окруженными словами-инвалидами с ампутированными конечностями, превратимся в одну огромную культю и так и будем доковыливать на иностранных протезах.

Вначале было слово – не зря богоданный русский язык напоминает нам об этом в повседневном слове «спасибо», в котором заложено целое мировоззрение. Оно и держится на смысле: «Спаси, Бог».

АПОСТОЛЫ СЛАВЯН

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АВТОР
ЛАДА КЛОКОВА

В МОНАСТЫРЕ ПОЛИХРОН ДВА БРАТА ДЕНЬ ЗА ДНЕМ ИСПИСЫВАЛИ ЛИСТЫ ПЕРГАМЕНТА, ЗАТЕМ СОСКАБЛИВАЛИ СТРАННЫЕ, УДИВЛЯВШИЕ МОНАХОВ ЗНАЧКИ И ВНОВЬ ПОКРЫВАЛИ ПЛОТНЫЕ СТРАНИЦЫ НЕПРИВЫЧНЫМИ БУКВАМИ...

МОЖНО ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ПРИблизительно так 1150 лет назад создавали первую славянскую азбуку братья Мефодий и Константин Философ. Ученые до сих пор спорят, где находился монастырь Полихрон, хотя большинство склоняется к берегам древнего Геллеспонта, который сегодня мы называем Дарданеллами. Здесь же, видимо, появилась и первая книга на славянском языке – краткий Апракос, начинавшийся словами Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Русский «Хронограф» 1512 года сухо сообщает: «Константин Философ и брат его Мефодий перевели святые книги с греческого на славянский, у болгар же и у словен, и у сербов, и у босняков, и у русских – у всех них один язык». До наших дней сохранились и более древние славянские источники, гораздо ярче живописующие жизнь великих братьев. Другое дело, что они носят легендарный характер. Правда, тут на помощь приходят документы на латыни – письма Анастасия Библиотекаря и римских понтификов, арабские хроники и даже письмо хазарского кагана Иосифа к раввину Хисдаи. Они подтверждают отдельные факты, изложенные в Житиях святых равноапостольных Мефодия и Кирилла (Константин перед смертью принял монашескую схиму и имя Кирилл. – **Прим. авт.**). Но есть загадка, до сих пор волнующая историков: Мефодий и Константин играли не последнюю роль в дипломатии Восточной Римской империи, к тому же Философ был близок к императору Михаилу III, но византийские источники молчат о братьях. Не упоминает о них даже константинопольский патриарх Фотий – учитель и друг Константина, оставивший богатое эпистолярное наследие...

ВТОРОЕ ОКО ИМПЕРИИ

Фессалоники славились на всю империю своими оружейниками и мастерами, выплавлявшими изящные безделушки из стекла. Здесь строили едва ли не лучшие суда в Византии, изготавливали прекрасные шелковые и льняные ткани и виртуозно выделывали кожи…

С тех пор как в 315 году до н.э. македонский царь Кассандр основал Фессалоники, назвав его в честь своей жены – сводной сестры Александра Македонского, – город немало повидал на своем веку. На его старых торговых улицах было не протолкнуться: здесь звучала греческая, сирийская, еврейская, персидская, славянская, армянская речь… Это как раз славянские племена, перекочевавшие с севера на Балканский полуостров, называли Фессалоники Солунью. А византийские писатели именовали город «вторым оком империи», «надзиравшим за западными провинциями». Надзирать приходилось неусыпно: в Солуни квартировал византийский гарнизон, выдерживавший частые осады все тех же славян. В нем и служил друнгарий (офицер византийской армии. – **Прим. авт.**) Лев. Его жену Марию одни исследователи считают славянкой по происхождению, другие – представительницей знатного византийского рода. Впрочем, и сам Лев, скорее всего, принадлежал к высшей аристократии. Так, во время своей хазарской миссии при встрече с каганом Константин Философ, отвечая на вопрос, к какому роду он принадлежит, сказал: «У меня был дед великий и прославленный, который стоял близко к императору, но данную ему славу отверг и за это был изгнан. Придя в чужую страну, он там обнищал и меня породил. Я же, ища древней чести деда, не обрел ее, так как я внук Адама»…

Сколько детей было у Льва и Марии, мы не знаем. В истории остались только старший и младший сыновья: Мефодий, родившийся в 815 году, и Константин, появившийся на свет в 827-м. Какое имя получил старший сын при крещении – неизвестно, предполагают, что назвали его Михаилом (Мефодий – имя, полученное при монашеском постриге. – **Прим. авт.**). Когда Мефодию исполнилось 18 лет, он избрал военную карьеру. В Константинополе, где он служил, его приметили, и уже в 835 году Мефодий был назначен воеводой в одну из славянских областей империи. Здесь он пробыл десять лет и, вероятно, действительно выучил язык местных жителей, как сообщает его Житие. В какой именно области служил Мефодий – неизвестно. Затем Мефодий неожиданно принимает постриг и уходит в монастырь…

А Константин с малых лет поражал окружающих своими способностями и блестящей памятью. С детства он тяготел к богословским и философским занятиям, рано начал писать стихи, любил читать труды Григория Богослова. В школе был первым учеником. В 840 году в Фессалоники прибыл новый архиепископ – знаменитый Лев Математик, один из самых великолепных умов эпохи, блестяще образованный ученый, которого подозревали в занятиях магией и чародейством. Лев Математик, скорее всего, замолвил словечко логофету (высшему чиновнику царской канцелярии. – **Прим. авт.**) Феоктисту о солунском вундеркинде, так что для продолжения образования Константина доставили в Константинополь. Произошло это, видимо, не ранее 843 года, когда Математик, оставив епископскую кафедру в Солуни, вернулся в столицу.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

В 842 году скончался император Византии Феофил – убежденный иконоборец. Несмотря на то, что большая часть населения столицы стояла на позициях иконопочитания, Феофил пользовался уважением народа. И было за что. Так, однажды он приказал сжечь на городской площади груз торгового судна, принадлежавшего его жене Феодоре, заявив, что императорской семье не подобает вести торговлю. В другой раз публично высек бичом ее брата, который притеснял соседей, уверенный в своей безнаказанности. Наследником Феофила стал его сын – малолетний император Михаил III, регентшей при котором была Феодора. Фактическим же правителем империи являлся Феоктист. Житие Кирилла утверждает, что юный Константин стал старшим товарищем мальчика-императора, помогавшим ему в обучении. А свое образование Константин продолжил в Пандидактерионе – университете, основанном в 849 году в Магнаврском дворце Феоктистом и дядей малолетнего императора Вардой. В Магнавре, где учились только аристократы, преподавали математику, астрономию, грамматику, риторику, геометрию, музыку, античную и христианскую философию, богословие и историю. Работали здесь лучшие учителя того времени – будущий константинопольский патриарх Фотий, Лев Математик, Феодор, Феодегий, Комитас…

В середине IX века империи приходилось выдерживать тяжелый натиск славян и арабов, в Константинополе же продолжалось противостояние партий иконоборцев и иконопочитателей, плетущих интриги вокруг императорского трона. В это же время Византия переживает и очередной расцвет культуры, образованные люди востребованы властью. Константина заметили, видимо, на него возлагались большие надежды: логофет Феоктист поселяет юношу в своем доме и уговаривает жениться на своей крестной дочери – девушке из богатой и благородной семьи. Константин отказывается и становится священником. Его назначают хартофилаксом (хранителем библиотеки. – **Прим. авт.**) при церкви Святой Софии, он исполняет обязанности первого секретаря константинопольского патриарха Игнатия. Однако скоро тайно сбегает из столицы. Что случилось – неизвестно, но позже в одном из своих писем будущий антипапа Анастасий Библиотекарь, знавший Константина лично, писал, что Игнатий очень негативно относился к светской литературе, презирая тех, кто ею занимался. Возможно, Константин бежал из-за разногласий с патриархом.

Его искали полгода и наконец обнаружили в одном из маленьких монастырей. Константин отказался вернуться к обязанностям хартофилакса, но согласился возглавить кафедру философии в Магнавре. Довольно быстро распространилась слава о блестящем молодом преподавателе, и с этого момента его начинают называть Константином Философом.

В 856 году Варда, дядя императора Михаила III, организовал убийство покровителя Константина логофета Феоктиста, а свою сестру императрицу Феодору постриг в монахини. Теперь именно он стал фактическим правителем империи. Но судьба – дама капризная: спустя десять лет Варда погибнет в результате заговора, устроенного фаворитом Михаила III – будущим императором Василием Македонянином…

ДОЛЯ МИССИОНЕРОВ

Незадолго до смерти Феоктист отправил Константина в его первую миссионерскую поездку к арабам – «саракенам» или сарацинам, как их называли в Византии. Исследователи указывают, что миссия могла состояться только в те моменты, когда между империей и арабами действовали недолгие перемирия – 845, 855–856 и 859–860 годы. В 845 году Константин был слишком молод, в 859–860 годах арабскую миссию возглавлял старый и хитрый дипломат Атрубилис. Значит, поездка Константина состоялась в 855–856 годах. Известно, что вместе с Константином отправился асикрит (секретарь царской канцелярии. – **Прим. авт.**) Георгий. По Житию святого, миссию возглавлял Константин, а Георгий был его помощником. А вот арабская хроника Абу-Джафара Табари указывает, что главой миссии был Георгий, целью которого был обмен военнопленными. Константин же должен был вступить в богословский диспут с арабскими учеными. Поездка завершилась успешно: на берегах киликийской реки Лам произошел обмен пленными, а Философ победил арабских богословов в споре, продемонстрировав при этом знание Корана.

Но по возвращении в Константинополь Константина ждал не триумф, а опала. Убит покровитель Феоктист, его сторонники бегут от преследования Варды. Философ тоже покидает столицу и укрывается в монастыре у брата. Чем там занимался Константин – неизвестно, Житие ограничивается кратким «беседовал с книгами». Правда, «беседовать» с фолиантами ему пришлось недолго: уже в 860 году император Михаил III призывает Философа в Константинополь и поручает ему хазарскую миссию.

Хазарский каганат был одним из основных политических игроков в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье. В предыдущем веке хазары, столицей которых был город Итиль (нынешняя Астраханская область. – **Прим. авт.**), отвоевали у Византии часть Крыма и продолжали угрожать империи, так что Константинополь предпочитал поддерживать с каганатом союзнические отношения. Хазары исповедовали иудаизм, но в IX веке в каганат постепенно начинают проникать христианство и ислам. Богословские диспуты были одним из любимых развлечений правителей, а потому неудивительно, что каган направил в Константинополь послов, предложив Михаилу III прислать в Итиль ученого мужа. По сообщению Жития, в письме кагана говорилось: «Если в споре он победит евреев и сарацин, мы перейдем в вашу веру».

В состав миссии, которую возглавлял Константин Философ, вошел и его брат: «Кирилл же уговорил своего брата Мефодия идти с ним, потому что тот знал славянский язык», – сообщает «Проложное житие Мефодия». Подготовка к миссии шла в Херсонесе Таврическом, куда византийское посольство добралось осенью 860 года и пробыло до конца зимы 861-го. Именно здесь Константин организует успешные поиски мощей святого Климента, папы римского. Климент, живший на рубеже I–II веков, за активную миссионерскую деятельность был отправлен римским императором Траяном в Херсонес, куда нередко ссылали первых христиан и уголовников. Римского первосвященника отправили работать на местные каменоломни, где он продолжал проповедовать. В конце концов наместник Херсонеса подверг его жестоким пыткам и мученической смерти: Климента привязали к якорю и бросили в море. По преданию, море чудесным образом отступило, открыв тело святого в 300 метрах от берега. Согласно Житию, Константин с местным епископом и клиром отыскал мощи святого Климента на крохотном острове в море недалеко от берега. Мощи были торжественно перенесены в соборную церковь, а часть их Константин взял себе. Заметим, что в следующем веке, когда великий князь Владимир завоевал Корсунь (так на Руси называли Херсонес. – **Прим. авт.**) и принял здесь крещение, он забрал голову святого Климента в Киев. В столице Древней Руси мощи, скорее всего, находились в Десятинной церкви и, видимо, погибли в страшном пожаре во время разорения Киева Батыем. Кстати, именно после Крещения Руси князем Владимиром в 988 году в стране началось распространение грамотности и книг…

Икона Святых Кирилла и Мефодия

Пока Константин находился в Херсонесе, он выучил иврит, поскольку считал, что вести диспут с иудеями без знания языка, на котором был написан Ветхий Завет, недопустимо. В Херсонесе жила довольно большая еврейская община, в которой Константин и нашел себе учителя. Кроме того, в Житии есть и одно загадочное сообщение о херсонесском периоде: «И нашел здесь Евангелие и Псалтырь, написанные руськими письменами. И нашел человека, говорящего на этом языке. И беседовал с ним, овладев силой речи, опираясь на свой язык, установил различие гласных и согласных, молясь Богу, скоро начал читать и говорить». Ученые до сих пор ломают копья по поводу этого абзаца. Самые смелые утверждают, что это и есть свидетельство существования древнеславянской письменности до Кирилла и Мефодия, хотя никакие иные убедительные доказательства этого тезиса не найдены до сих пор. Другие считают, что этот отрывок – поздняя интерполяция. Третьи уверены, что это – ошибка переписчика: читать нужно не «руськими», а «сурьскими», то есть «сирийскими письменами»…

Весной 861 года миссия отправилась к хазарам. Константин Философ при дворе кагана вступил в диспуты с иудеями, язычниками и сарацинами и в каждом одержал победу. Как бы то ни было, хазары остались иудеями, а каган пожелал отблагодарить Константина богатыми дарами. Но Философ отклонил их и взамен попросил освободить пленных соотечественников. Осенью 861 года миссия вернулась в Константинополь с двумя сотнями освобожденных из плена византийцев. Император принял Константина, но затем, по неизвестным причинам, Философ был удален от двора, лишен кафедры в университете и стал скромным преподавателем при церкви Двенадцати апостолов. Мефодий же был назначен игуменом монастыря Полихрон. Вскоре и Константин перебрался в обитель к брату…

СЛАВЯНСКАЯ ГРАМОТА

IX век стал временем расцвета первого в истории крупного славянского государства – Великоморавской державы, в состав которой входили территории нынешних Венгрии, Словакии, Чехии, а также Малая Польша, часть Украины и Силезия. Великая Моравия, просуществовавшая менее ста лет, уже была христианизирована, находясь под протекторатом римской церкви (до Великой схизмы 1054 года, окончательно расколовшей церковь на католиков и ортодоксов, христианская общность Запада и Востока считалась единой. – **Прим. авт.**). Богослужение здесь проходило на латыни, епископы назначались римскими папами, в священнической среде преобладало баварское духовенство. Моравский князь Ростислав, противодействуя попыткам короля Восточно-Франкского королевства Людовика II Немецкого поработить Моравию, изгнал баварских патеров и направил послов в Рим с просьбой прислать учителей для подготовки местных

Святые Кирилл и Мефодий с учениками. Фреска монастыря Святого Наума в Македонии

священников и ведения богослужений на славянском языке. Римской курии эта идея не понравилась. Тогда в 863 году Ростислав отправил послов в Константинополь. Империя откликнулась мгновенно: во-первых, византийская церковь не возражала против организации службы на местных языках, во-вторых, союз с Моравией укрепил бы позиции Константинополя в Центральной Европе и помог бы Византии противостоять новым натискам болгар и русских.

Михаил III призвал Константина Философа и изложил ему суть проблемы. Слависты сходятся на том, что именно в 863 году и был создан первый славянский алфавит – в Константинополе или в монастыре Полихрон. Большинство склоняется ко второму варианту: из Житий известно, что над алфавитом работали оба брата (в основу нового алфавита было положено греческое скорописное – минускульное – письмо. – **Прим. авт.**). «Паннонские жития» Кирилла и Мефодия единодушно сообщают, что азбука была создана очень быстро. Но помимо азбуки нужно было создать новую терминологию, переведя греческие слова из богослужения на славянский язык. И перевести Апракос, необходимый для службы. Поэтому многие исследователи предполагают, что братьям помогали монахи Полихрона – выходцы из местных славян…

Уже в конце 863 года братья, возглавляющие миссию, направляются в Великую Моравию. Они везут с собой славянский алфавит, скорее всего, Апракос, письмо Михаила III Ростиславу и богатые дары. Ростислав с почетом принял византийцев и предоставил им полную свободу действий. Жития утверждают, что Константин и Мефодий находились в Моравии 40 месяцев, то есть до весны 867 года. Результаты миссии были очень впечатляющими, так что римский папа Адриан II с явным сожалением писал Ростиславу: «Император послал вам блаженного Константина Философа вместе с братом, прежде чем мы успели послать кого-либо». Но не стоит думать, что миссия братьев была легкой: нужно было организовать службу на местном языке, объяснять нововведения населению, продолжать перевод богослужебных книг, готовить смену, да еще противостоять интригам все того же баварского духовенства. К тому же волей-неволей приходилось действовать с оглядкой на Рим, ведь Моравия находилась под церковной властью папы. А это было непросто. Хотя еще на Франкфуртском соборе в VIII веке, да и на более поздних соборах, римская церковь разрешила читать проповеди на местных языках, но на деле это не поощрялось. Положение усугубилось после того, как в 864 году Ростислав потерпел поражение от объединенных сил немцев и болгар: в Моравии вновь активизировалось баварское духовенство, стоявшее на позициях триязычия. Его сторонники держались учения Исидора Севильского, изложенного им в VII веке в «Этимологиях»: «…три языка священные: еврейский, греческий, латинский, которые во всем мире больше всего возвышаются. Это потому, что на этих трех языках на кресте Христа Пилатом была написана Его вина». Православные богословы считали это учение еретическим и называли его сторонников «триязычниками-пилат-

Базилика Святого Климента в Риме

никами». Римская церковь признавала священными три языка, но на практике использовала только латынь. Так, папа Иоанн VIII в 880 году пишет Святополку I, следующему после Ростислава князю Великой Моравии, что не запрещает богослужений на славянском языке, но далее добавляет: «При всем том повелеваем, чтобы в церквях вашей земли для большего почитания Евангелие сперва должно читаться на латинском языке и лишь после того на славянском языке для народа, который не понимает латыни».

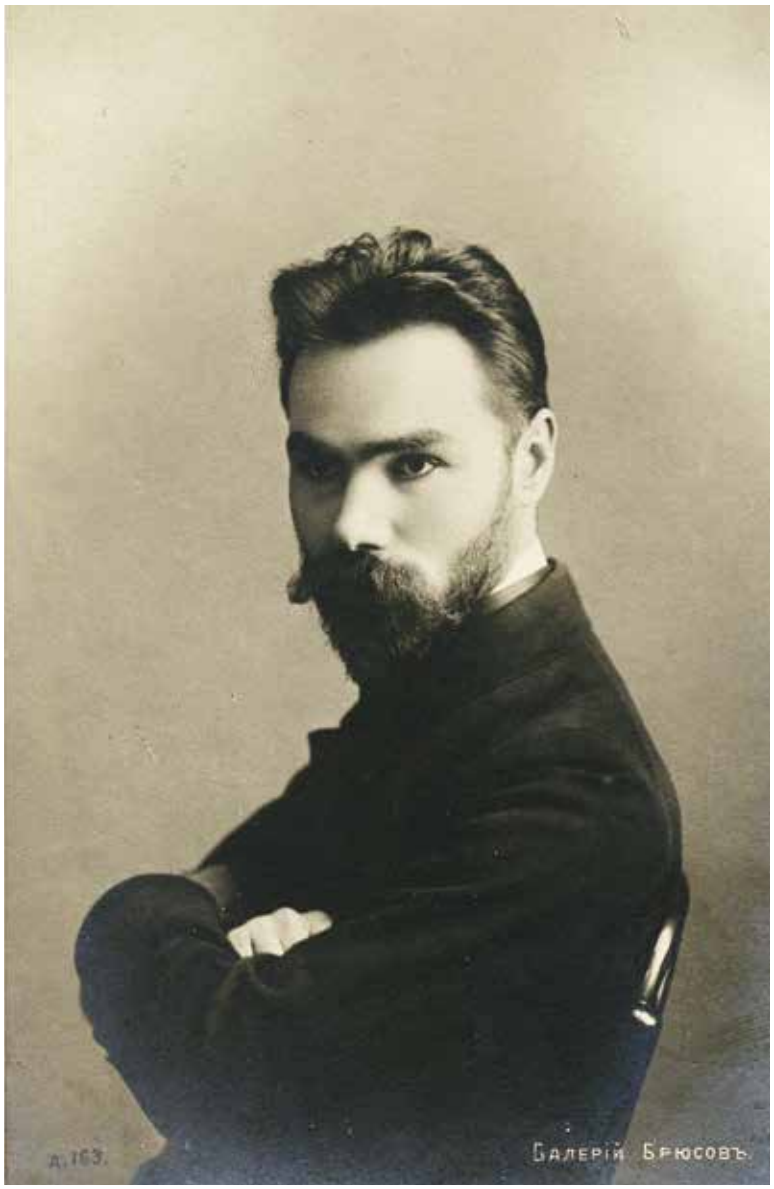
Константин и Мефодий подготовили многих учеников из местных славян, среди которых Жития особо выделяют Горазда, Наума, Ангелария, Савву и Климента (будущий святой Климент Охридский, основатель знаменитой Охридской книжной школы, просветитель и болгарский архиепископ. – **Прим. авт.**). Но братья столкнулись с серьезной проблемой: поскольку ни один из них не имел сана епископа, они не могли рукополагать учеников в священство. В 867 году братья отправились в Венецию, чтобы оттуда следовать в Константинополь. С ними ехала большая группа учеников, для того чтобы принять священнический сан в столице Византии.

Братья надолго задержались в Венеции. Причина их остановки неизвестна, но многие ученые предполагают, что она могла быть связана с резким ухудшением взаимоотношений между Римом и Константинополем. Папой в этот момент был Николай I, а константинопольским патриархом – святой Фотий, наставник Константина Философа. Фотий резко обличал пап, упрекая их во властолюбии, он же первый осудил Рим за добавление к Символу веры слов «и от Сына», к тому же интересы двух престолов вошли в резкое противоречие по вопросу юрисдикции над Болгарией и Южной Италией. В 863 году Николай I отлучил Фотия от церкви, а Фотий анафематствовал папу в 867-м. В том же году в результате заговора был убит император Михаил III, на престол взошел Василий Македонянин. Новый император сместил патриарха Фотия и вернул на патриарший трон Игнатия – того самого, от которого в юности сбежал в монастырь Константин. Не исключено, что братья действительно решили переждать в Венеции. Тут, кстати, и пригодились мощи святого Климента, которые Константин везде возил с собой. Папа Николай I, получив сообщение о мощах святого Климента, пригласил братьев в Рим, куда они с учениками прибыли в конце 867-го или начале 868 года. К тому времени Николай I скончался, и папой был избран Адриан II. Новый понтифик торжественно встретил братьев, признал славянскую литургию и освятил книги на церковнославянском языке. Братья поселились в греческом монастыре в Риме вместе с учениками, которые наконец-то были рукоположены в священников. Константин продолжал участвовать в диспутах, но в конце 868 года тяжело заболел, перед смертью принял схиму и имя Кирилл. Житие свидетельствует, что даже в смертный час Кирилл молился Господу: «Уничтожь триязычную веру…» Скончался Кирилл 14 февраля 869 года и был похоронен в базилике Святого Климента в Риме…

А Мефодий в 870 году в Риме был посвящен в сан епископа и назначен архиепископом Паннонии, ставшей вторым после Великой Моравии центром развития славянской письменности. Здесь, как и в Моравии, Мефодий вновь столкнулся с противодействием католического духовенства: в 873 году его сажают в тюрьму, издеваются, избивают, держат в холод под открытым небом. А ведь Мефодию в это время уже перевалило за 50… Только заступничество нового папы, Иоанна VIII, помогло вызволить Мефодия из заточения. Этот же понтифик официально признал славянскую литургию и разрешил ее в Паннонии и Моравии, в которой правил Святополк I, ориентировавшийся на немецкое духовенство и выступавший за богослужение на латыни. И именно в Моравию после освобождения прибывает Мефодий, где вместе с двумя учениками начинает перевод на славянский язык Ветхого Завета. Он успевает закончить свой труд незадолго до смерти. 6 апреля 885 года Мефодий умирает, оставив около 200 славянских священников, дьяконов и иподьяконов. Где похоронили Мефодия – в Велеграде или Девине – точно неизвестно.

***

Если вам доведется побывать в Риме, не поленитесь найти базилику Святого Климента, стоящую между Колизеем и Латеранским собором. Здесь можно поклониться одному из двух апостолов славян – святому Кириллу. Благодарность солунским братьям, канонизированным православной и католической церквями, безмерна: выразить ее словами вряд ли возможно…



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В ЗВОНКО-ЗВУЧНОЙ ТИШИНЕ

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

БЫВАЕТ ТАК, ЧТО ПОЭТ СЧИТАЕТСЯ ВИДНЫМ И ЗАНИМАЕТ НЕЗАУРЯДНОЕ МЕСТО В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, НО ПРИ ЭТОМ ЕДВА ЛИ КТО-ТО НАЗОВЕТ ЕГО ЛЮБИМЫМ ПОЭТОМ. ТАКОВА, ПОЖАЛУЙ, ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА.

ОН ДАЖЕ НЕ ПОЭТ ДЛЯ поэтов, как Хлебников. Он поэт для историков и теоретиков литературы. Одни современники полагали, что он больше всего на свете любил литературу, а себя – разве что как ее часть. Другие ядовито вспоминали, что больше всего на свете он любил себя в литературе и хотел остаться в ее истории мэтром, вождем, гуру. Как бы то ни было, мэтром и вождем он остался, а стихи его наизусть, пожалуй, мало кто учит: они не предназначены для того, чтобы носить их в душе.

ВЕРНЫЙ ВОЛ

Он был рожден в среде самой непоэтической: его дед, родом из крепостных крестьян помещика Брюса, выкупил себя и семью из крепости и стал торговать пробкой. Отец Брюсова, Яков Кузьмич, был типичным демократом-шестидесятником; ребенка растили атеистом и позитивистом, сказок и библейских историй ему не читали – может быть, отсюда его безвоздушность, безблагодатность какая-то: поэзия без музыки, без чуда, сплошная алгебра, поверяющая гармонию, – Сальери, а не Моцарт. В самих его поэтических занятиях было что-то анатомическое, какое-то копание в трупе разъятой музыки. Даже когда он писал о любви, заметила Зинаида Гиппиус, в этом было что-то некрофильское.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Яков Кузьмич Брюсов (1848–1907), отец поэта

Для него, кажется, не было ничего святого, кроме литературы и познания. Алхимик, который хочет не столько обогатиться, сколько все знать; коллекционер, стремящийся к полноте коллекции, – это Брюсов в поэзии. Недаром его поэтические затеи включали в себя книги-каталоги «в порядке исчерпания всех возможностей»: «Опыты» вобрали все метрические возможности стиха – от ямбов и хореев до пэонов и гендекасиллаба, и читать это все можно только для подготовки спецкурса по русскому стихосложению. Не книга, а альбом ученицы курсов кройки и шитья – аккуратный, с разноцветными квадратиками ткани: вот рулик, вот подкройная обтачка… или кляссер филателиста: тут флора, тут фауна, тут Польша, тут Республика Бурунди… Таким же кляссером должна была стать и другая его книга, «Сны человечества», – сборник стилизаций, имитирующих все возможные литературные формы, от античной лирики до современной уличной частушки.

В своем стихотворном собирательстве Брюсов был невероятно упорен и трудолюбив: даже мечта в его стихах предстает не бабочкой или птичкой, как можно было бы ожидать, а волом: «Вперед, мечта, мой верный вол! // Неволей, если не охотой! // Я близ тебя, мой кнут тяжел, // Я сам тружусь, и ты работай».

Стихи он начал писать еще в гимназии, тогда же пытался издавать рукописный журнал. Время его юности было самое глухое, самое непоэтичное: в поэзии задавала тон бессильная печаль Надсона, выраженная в очень слабых стихах. Надсон даже нравился молодому Брюсову, но чуть позже, когда в любви к этому поэту призналась молоденькая сестра брюсовской жены, Бронислава Рунт, Валерий Яковлевич строго выговорил ей: Надсона читают только глупцы и кролики!

Пожалуй, от нытья, подтухшей гражданственности и вялого гнева, переполнявших русскую поэзию конца XIX века, его спасли хороший вкус и начитанность: Пушкин и Фет – славное средство против шаблонных рифм и атрофированных мышц стиха. Еще одним хорошим средством стали французские декаденты, которыми увлекся 17-летний Брюсов. Здесь была поэтическая смелость, дерзость, новизна – вообще здесь был виден выход из тупика, в который забрела русская поэзия, запутанная ложной дилеммой «форма или содержание», «чистое искусство или общественное служение», обрекшая себя на унылую гражданственность и печальные вздохи. Брюсов был одним из тех, кто поймал маятник поэзии на излете и качнул его в другую сторону: все равно, о чем петь! Быть может, все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов! И Господа, и дьявола хочу прославить я!

Не важно, кого славить, о чем петь, – лишь бы это были совершенные стихи, лишь бы в них была вложена сила, мастерство и страсть, лишь бы была мощь, а в какую сторону направлен ее вектор – безразлично.

Это, кажется, его и подвело. Кто славит и Бога, и дьявола – для того нет ни Бога, ни дьявола, а только материал для словесной игры. «Брюсов думал, что можно удачно сочетать оккультные знания и научный метод, – писала Гиппиус. – Трезвый и деловитый в повседневной жизни, Брюсов, кажется, хотел навести порядок и на потусторонний мир». Брюсов, ничтоже сумняшеся, влезал во все области запретного, изучал все человеческие пороки с храбростью юноши, убежденного в собственной неуязвимости, исследовал оккультизм с хладнокровием материалиста, – пожалуй, так вел бы себя естествоиспытатель, желающий доказать, что не существует никакой радиации, и спокойно лезущий под источник излучения.

Поливановская гимназия в Москве на Пречистенке, в которой с 1890 по 1893 год учился В.Я. Брюсов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВСЕ В ЖИЗНИ ЕСТЬ ТОЛЬКО СРЕДСТВО...

Он учился на историко-философском факультете Московского университета, учился запойно, поглощая книги, вгрызаясь в науку – недаром он замечал в дневнике, что и сто жизней не насытили бы сжигающей его жажды познания. В иную эпоху из человека, наделенного такой страстью к познанию, таким умом, такой работоспособностью и такой систематичностью, получился бы, наверное, второй Леонардо или Ломоносов. Может быть, гения и титана из Брюсова не получилось как раз потому, что у вектора не было направления – ему было все равно, в какую сторону плыть, чему служить; гениальные стихи получаются из любви, а вот любви-то ему и не хватило. Место любви у него занимали любопытство, интерес, страсть, секс... Позднее, уже став редактором журнала «Весы»,

Брюсов проповедовал в одном из его номеров: «Страсть – это тот пышный цвет, ради которого существует, как зерно, наше тело, ради которого оно изнемогает в прахе, умирает, погибает, не жалея о своей смерти. Ценность страсти зависит не от нас, и мы ничего не можем изменить в ней. Наше время, освятившее страсть, впервые дало возможность художникам изобразить ее, не стыдясь своей работы, с верою в свое дело. Целомудрие есть мудрость в страсти, осознание святости страсти. Грешит тот, кто к страстному чувству относится легкомысленно». И «юноше бледному со взором горящим», начинающему поэту, он, сам еще юноша, выдал три главных совета:

Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Названия его первых сборников – Chefs d'oeuvre («Шедевры») и Me eum esse («Это – я») – неплохо иллюстрируют первый тезис. Этих трех советов сам он придерживался неукоснительно – во всяком случае, насколько хватало самолюбия и самоконтроля. «Я хочу и по смерти и в море // Сознавать свое вольное «я»!» – это из стихотворения, озаглавленного «К самому себе». Пожалуй, сама эта традиция самоупоенного посвящения стихов себе любимому и началась с Брюсова.

Его поэзия идеально воплощала время: время перемен, тревоги, беспокойства, время масс, вершащих историю, – и Брюсов первым заговорил о скифах; время урбанизма – и Брюсов первым воспел город; время напряженных размышлений о будущем – и Брюсов заговорил о нем раньше футуристов и начал писать фантастику раньше признанных фантастов. Фантастика его мрачна: города не только восхищают изобилием товаров, услуг и чудес техники, но и утопают в пороках и кончают страшно; Брюсов с жутким упоением выписывает безобразные оргии, гибель, превращение людей в дикие животные стада – сейчас, конечно, и это выглядит пророчеством и предощущением грядущего. Фантастика Брюсова суховата, написана несколько суконным языком и выглядит переводом с иностранного – отчасти предвосхищая «переводы с несуществующего» Александра Грина, но без его полета, без цвета и аромата; если у Брюсова в фантастике и есть запах, то это не гриновский запах моря, леса, приморского города с его пакгаузами, акациями и старыми библиотеками в богатых домах – скорее, смесь бензина, пота, парфюма, стали и машинного масла.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Я. Брюсов и его жена И.М. Брюсова (урожденная Рунт). 1899 год

Брюсовская проза – деловитые размышления о пороке, бесстрастное погружение в бездну патологии. Будущее у него неубедительно и неприятно, настоящее (в «Последних страницах из дневника женщины») даже и тошнотворно; лучшее в его прозе – наверное, «Огненный ангел», где скупость и бесстрастность повествования отлично сочетаются с пышным средневековым антуражем, мистикой и оккультизмом; здесь как раз все приходит в равновесие. Общеизвестно, что в основу этой истории Брюсов положил реальный любовный треугольник – путаные и темные отношения между Ниной Петровской, Андреем Белым и самим Брюсовым. Белый покинул Нину после короткого романа – бежал от соблазна; Нина пыталась в него стрелять, но пистолет дал осечку. Ее отношения с Брюсовым были в высшей степени литературны, пропитаны темной страстью – или пафосом, который должен был изображать темную страсть. Совместные занятия оккультизмом и расширение границ чувственного опыта дали неожиданный результат: морфинистка Нина подсадила на морфий и Брюсова. Изданную несколько лет назад переписку Петровской и Брюсова местами неловко читать, до того она многословна и выспренна.

Совместное счастье было недолгим; создание «Огненного ангела» для Брюсова логично завершало отношения с Ниной: что еще, ведь текст уже закончен? Он объяснял ей в письмах: «Во имя поэзии – я, не задумываясь, принесу в жертву все: свое счастье, свою любовь, самого себя». Ходасевич, описавший историю отношений Брюсова и Петровской в «Конце Ренаты», не мог ему простить этого *жизнетворчества* – как потом не мог простить другой любовной истории, с молодой поэтессой Надеждой Львовой.

Надю Львову – он ее называл Нелли, написал даже «Стихи Нелли» от женского лица (имелось в виду – «Стихи к Нелли», «Стихи для Нелли») – он воспитывал, обучал, приручал и совершенно приручил. В июле 1913 года они вместе съездили в Финляндию – так же как раньше с Ниной Петровской. Он подарил ей пистолет – тот самый, из которого некогда стреляла Нина. Львова, влюбленная безоглядно, требовала от него такой же самоотдачи, а он был не готов рвать с женой, нарушать привычное течение жизни. Он не откликнул-

ся на ее просьбу прийти, когда ей было плохо, – и Львова застрелилась, оставив возлюбленному письмо. «И мне уже нет сил смеяться и говорить тебе, без конца, что я тебя люблю, что тебе со мной будет совсем хорошо, что не хочу я «перешагнуть» через эти дни, о которых ты пишешь, что хочу я быть с тобой. Как хочешь, «знакомой, другом, любовницей, слугой», – какие страшные слова ты нашел. Люблю тебя – и кем хочешь, – тем и буду. Но не буду «ничем», не хочу и не могу быть»… Брюсов не взял ни письма, ни рукописей – потрясенный, он сразу уехал в Петербург, а оттуда в Ригу, в санаторий, где приходил в себя полтора месяца.

А его жена, тихая, незаметная и верная Иоанна Матвеевна, просила друзей похлопотать, чтобы в печати не устраивали лишнего шума.

У него, символиста, теурга, оккультиста, исследователя потусторонних миров, всегда был теплый дом, любящая жена и пироги с морковью. Кстати, жена, когда надо было помочь ему с переводами армянских поэтов, выучила армянский язык.

ВОЖДЬ

Брюсов любил власть – над женщинами, над судьбами, над читательскими умами, над литературным процессом. Может быть, эта любовь помешала ему сделаться ученым и гениальным поэтом, но она же сделала его замечательным организатором, в каких всегда нуждаются эпохи перемен. Едва он почувствовал, какие возможности открывает для русской поэзии символизм, как тут же взялся за дело: вступил в переписку с Верленом, стал писать критические статьи о французских поэтах, организовал издание сборников «Русские символисты» – и в самом деле возглавил новое направление в поэзии.

Молодой Брюсов – двадцать с хвостиком – уже проявил недюжинное чутье и великолепную смелость, с которой бросил публике свое знаменитое «О, закрой свои бледные ноги». Не испугался критики, подставился под ее огонь, на несколько лет стал посмешищем не только для обывателя, но и для серьезной интеллигентской публики, увидевшей в этих сборниках только позу и кривлянье, только декадентство и вырождение. Владимир Соловьев высмеял «Русских символистов» в нескольких жестоких пародиях, сейчас уже не менее хрестоматийных, чем пресловутые «бледные ноги». Расхождение между Брюсовым и Соловьевым (и младшими символистами) было принципиальным: для Брюсова самоцельно искусство, для Соловьева, Блока, Белого – искусство служит высшим ценностям. Родись Брюсов веком позже, из него вышел бы обыкновенный постмодернист. «Это бесцельное искусство было его идолом, в жертву которому он принес нескольких живых людей и, надо это признать, – самого себя, – писал о нем Ходасевич. – Литература ему представлялась безжалостным божеством, вечно требующим крови. Она для него олицетворялась в учебнике истории литературы. Такому научному кирпичу он способен был поклоняться как священному камню, олицетворению Митры. В декабре 1903 года, в тот самый день, когда ему исполнилось 30 лет, он сказал мне буквально так:

– Я хочу жить, чтобы в истории всеобщей литературы обо мне было две строчки. И они будут».

Огромная эрудиция, начитанность, хороший вкус, несколько рабочих языков… плюс самоуверенность, цинизм, равнодушие к морали, некоторая коммерческая жилка – качества, может быть, не вполне подходящие для великого поэта, но очень подходящие для издателя и редактора журнала. «Весы», которые Брюсов начал издавать в 1904 году, ориентировались на лучшие европейские журналы – английский Athenaeum или французский Mercure de France, – да и были, собственно, вполне европейским журналом, авторитетно пишущим о литературе, живописи, музыке. Изначально предполагались преимущественно аналитические обзоры и критические статьи, но впоследствии «Весы» стали печатать и беллетристику, как традиционный толстый журнал.

«Весы» собрали лучшие литературные силы. В них публиковались не только признанные авторитеты – Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Николай Минский, Василий Розанов, – но и совсем молодой Корней Чуковский, в то время лондонский корреспондент «Одесских новостей», и гимназист Николай Гумилев, и Макс Волошин, присылавший из Парижа статьи о французском искусстве и литературе. Роль вождя и организа-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Я. Брюсов был первым переводчиком стихотворений Поля Верлена

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка журнала «Весы»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тора удалась Брюсову превосходно. «Брюсов был не только поэт; он был делец, администратор, стратег. Он деловито хозяйничал в «Весах», ловко распределял темы, ведя войну направо и налево, не брезгуя даже сомнительными сотрудниками, если у них было бойкое перо и готовность изругать всякого по властному указанию его, Валерия Яковлевича», – ядовито писала Гиппиус, вполне, впрочем, признавая его заслуги в деле создания целого литературного направления, выстраивания «фаланги».

После «Весов» Брюсов был директором Московского литературно-художественного кружка. При нем была библиотека с читальней и столовая, а также залы для карточной игры, доходами с которой кружок и жил. Каждый вторник проходили заседания, на которых литераторы читали доклады. «Бальмонт, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Мережковский, Венгеров, Айхенвальд, Чуковский, Волошин, Чулков, Городецкий, Маковский, Бердяев, Измайлов – не припомнишь и не перечислишь всех, кто всходил на эстраду Кружка. В Кружке происходили постоянные бои молодой литературы со старой», – вспоминал Ходасевич, впрочем, замечая, что все самое главное происходило вне кружка, а все осмысленное, что говорилось на его заседаниях, тонуло в прениях.

Дирекция Московского литературно-художественного кружка. Слева направо: И.А. Белоусов, И.И. Попов, В.В. Переплетчиков, С.К. Шамбинаго, В.Я. Брюсов (председатель с 1908 по 1920 год), С.С. Мамонтов, А.И. Леви, А.И. Южин, В.В. Пржевальский, Б.Н. Салтыков

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шарж В.В. Каррика на В.Я. Брюсова и А. Белого: «То как зверь они завоют, то заплачут как дитя»

ПАМЯТНИК

С 1909 года, когда перестал выходить журнал «Весы», начинается кризис символизма. Приходят молодые поэты, для которых Брюсов был непререкаемым авторитетом и вождем, а в его собственном творчестве начинается застой. Он повторяется, он чувствует усталость и исчерпанность тем, он пытается подводить итоги:

Пора сознаться: я – не молод;
скоро сорок.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла?
Что впереди? обрыв иль спуск?
но, общий ворог,
Стоит старуха-смерть
у каждого угла.

И раз за разом пишет вариации своего «Памятника» – не уверенно-спокойного, как у Пушкина, а тревожного и заносчивого.

То так:

Я дрожь души своей, ее вмещая в звуках,
Сумел на ряд веков победно сохранить,
И долго меж людей, в своих мечтах и муках,
В своих живых стихах, как феникс, буду жить.

То этак:

За многих думал я, за всех знал муки страсти,
Но станет ясно всем, что эта песнь – о них,
И, у далеких грез в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

Наступили новые времена, а он еще остался там – в 1903, 1905, 1909 годах. С началом Первой мировой он поехал на фронт корреспондентом «Русских ведомостей». Стихи военных лет – скучные и декларативные: не живые впечатления, а сплошная умозрительная геополитика:

Племен враждующих не числи:
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела.

Впрочем, есть и важное: Брюсов задумывается о том, что за силой станет Россия в этой европейской войне – дикой ордой или великим народом; Брюсов провидит крушение старого мира и появление нового:

Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!
Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!
Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы, –
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

В следующие «страшные годы борьбы» Брюсов на той стороне, на которой сила и власть. Георгий Чулков, комментируя строки «Я люблю тебя, Россия, за торжественный простор», замечал: «Брюсов пленялся торжественным простором, как он пленялся силою и властью. И ему было все равно, кто является носителем этой силы и власти, если они сами по себе были значительны и мощны».

Брюсов и при советской власти пытался стать главнокомандующим в литературе – хотя, конечно, его торжественность, архаичность, изобилие отсылок к мировой литературе не могли принести ему лавров первого советского поэта. Тем не менее и в океане народной страсти Брюсов, уже старый, седеющий, нашел свое место. Поразительно, как он, разрушенный наркотиками, крепко держал себя в руках, вполне справляясь с жизнью и работой – когда в чудовищном буйстве революционной стихии тонули и более здоровые, молодые, крепкие.

Он заведовал учреждениями: Комитетом по регистрации печати, Московским библиотечным отделом при Наркомпросе; затем литературным подотделом Отдела художественного образования при Наркомпросе. Возглавлял общество поэтов, которое проводило поэтические вечера в Политехническом. Преподавал в Московском университете. Наконец, в 1921 году он основал Высший литературно-художественный институт – прообраз будущего Литинститута. Он вполне нашел место в новой жизни, хотя не нашел новой гармонии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Я. Брюсов. Начало 1920-х годов

Он много экспериментировал с формой, его стихи советских лет, кажется, нарочито безобразны – невозможно даже вслух прочитать:

Так сдаться? Нет!
Ум не согнул ли выи
Стихий? узду не вбил ли
молньям в рот?
Мы жаждем гнуть
орбитные кривые,
Земле дав новый поворот.

Невозможно поверить, что этот скрежет исходит от автора изумительно музыкальных строчек: «Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра // Ты давно меня любила, как Озириса Изида, друг, царица и сестра… // И клонила пирамида тень на наши вечера».

Для пролетарской литературы это было слишком сложно; для модернистской – слишком дико, хотя в этом позднем Брюсове различимы мелодии Пастернака («И вдруг – открой окно. Весь день // Пусть хлынет, ранней мглой опудренный; // Трам, тротуар, явь, жизнь везде, // И вот – биплан над сквером Кудрина») и чуть ли не электроны Вознесенского.

Брюсов почти вписался в новый мир, даже вступил в РКП(б) – но был уже слишком утомлен и слишком нездоров. Он сомневается в себе, в жизни, в осмысленности прошедших лет. Мучается памятью прошлого, о чем написан жуткий «Дом видений». И с прежним любопытством заглядывает в будущее:

Будущее!
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано
прочитать!
Край, прикрытый прослойкой
туманов!
Храм, чья постройка едва начата!

Современники еще успели поиронизировать над чествованием Брюсова в 1923 году – в связи с 50-летним юбилеем: наконец-то его страсть к чествованиям была вполне удовлетворена! Но уже в 1924-м нестарый еще Брюсов умер от пневмонии.

А памятник ему полагается вовсе не потому, что он «дрожь души» вмещал в звуках, и не потому, что «за всех знал муки страсти»: ничья, кажется, душа не дрожит брюсовскими звуками, ничья страсть не говорит его голосом. Памятника достойна среда, которую он создавал. Есть такие поэты, без которых невозможны другие поэты – уже те, на чью музыку откликнется всякая человеческая душа. Но без кропотливых стараний Брюсова, без его великолепной и наглой самоуверенности, без его верного служения литературе, без его переводов и редакторских усилий не было бы безоглядного взлета Серебряного века.

И хочется найти что-то созвучное душе, чтобы не биографической справкой закончить рассказ о поэте, а стихами, – а все торжественно, напыщенно, все мимо, мимо, мимо, и ничего не трогает, кроме сумеречного, таинственного, хрестоматийного:

И прозрачные киоски
В звонко-звучной тишине
Вырастают, словно блестки,
При лазоревой луне.

Ведь знал же он эту тайну, ведь была в нем эта загадочная искра, это дуновение волшебства…

ПОГОСТ НАД ВОЛГОЙ

АВТОР
ДМИТРИЙ ИВАНОВ

НА БЕРЕГАХ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ОЗЕР СОХРАНИЛОСЬ НЕМАЛО ПАМЯТНИКОВ, ИСТОРИЯ КОТОРЫХ ВОСХОДИТ К ВРЕМЕНАМ БЫЛИННЫМ. НО ДАЖЕ В ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА ОСОБНЯКОМ СТОИТ ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ, ЧТО УЖЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ВЕКОВ ХРАНИТ ПОКОЙ ШИРКОВА ПОГОСТА И ОКРЕСТНЫХ ТВЕРСКИХ ЗЕМЕЛЬ.

ПОВОРОТ С ТРАССЫ Осташков – Пено на ухабистую грунтовку, петляющую вдоль сосновых боров. 20 километров бездорожья, забытые богом деревни да заброшенные поля. И вдруг, за очередным виражом, в зеленой раме расступившегося леса возникает огромная деревянная церковь, нацеленная в небо, словно ракета. Потемневшие стены древнего храма столь стремительно поднимаются ввысь, что поначалу кажется, будто он парит над землей, рассекая крестом облака.

Это – старинное тверское село Ширково, облюбовавшее крутой берег озера Вселуг. Несколько бревенчатых домов, приютившихся между лесом

Деревянный храм Рождества Иоанна Предтечи в тверском селе Ширкове. Вид с озера Вселуг

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Скаты верхних ярусов и купол деревянного храма

и озером, заросшее иван-чаем поле, кладбище с оградой из валунов да две церкви – старая, деревянная, и кирпичная, поновей. От местного пейзажа веет спокойствием и запустением.

Деревянный ширковский храм возвышается на краю села. Это настоящий памятник народной архитектуры, образец искусства тех безвестных плотников, что возводили его, «как мера и красота скажут». Выстроена церковь довольно просто: три поставленных друг на друга четверика перекрыты восьмискатной кровлей, клеть первого яруса с трех сторон окружена галереями. Венчает храм обшитый осиновым лемехом круглый барабан, несущий крест. Вероятно, подобный тип церквей когда-то был весьма распространен. Так, очень похожие храмы изображены на иконе XVII века с видом Ниловой пустыни и на рисунке, сделанном в Торжке шведским инженером Эриком Пальмквистом в 1673 году. Однако до наших дней сохранилась лишь церковь Рождества Иоанна Предтечи в Ширкове.

ЧУДЕСА, ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ

Еще тысячу лет назад окрестные земли заселили славянские племена. Когда-то здесь проходила торговая дорога из Великого Новгорода через Старую Руссу в Торжок и Тверь. А неподалеку от того места, где появился Ширков погост, между озерами Стерж и Вселуг было устье неширокой протоки, через которую путники обычно и переправлялись с одного берега на другой. Если верить легенде, как-то раз купцы, шедшие этой дорогой с Холмского погоста, остановились отдохнуть на высоком косогоре у озера. С собой они несли две иконы Иоанна Предтечи. Когда же купцы решили продолжить свой путь, оказалось, что оторвать иконы от земли невозможно. Чудотворные реликвии оставили на берегу озера, а над ними возвели храм. Согласно другой версии, деревянная церковь в Ширкове была построена в честь победы, одержанной на этом месте Александром Невским над литовцами, разорявшими земли Северо-Западной Руси. Какое из этих преданий верно, теперь уж не скажет никто. Однако доподлинно известен год постройки храма – 1694-й. Об этом свидетельствовали записи в древних клировых ведомостях, которые имелись у местных священников еще в начале XX века, но позже были утрачены.

Деревянный ширковский храм стоит на высоком берегу. Выстроена церковь без фундамента, основанием ей служат огромные валуны. На них покоятся нижние венцы первого яруса, набранные из гигантских бревен «в обло с остатком». На строительство верхних ярусов пошли бревна потоньше, их сложили «в лапу». Галерея, опоясывающая церковь с запада, севера и юга, поддерживается мощными балками-консолями. Алтарную часть храма, которая считается самой старой, безымянные зодчие выполнили в виде граненой апсиды. Вырубленные в бревнах окна кажутся слишком маленькими для столь внушительной

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Памятная доска, установленная несколько лет назад возле церкви

церкви. Но так постройка лучше хранит тепло. А свет, проникающий в храм, выхватывает из полумрака самое главное – иконостас. Правда, древние иконы, к которым некогда обращались взоры прихожан, давно утрачены, и тябла зияют пустотой.

Купол ширковской церкви вознесся на высоту 45 метров. Выходит, она и выше, и древнее знаменитых храмов Кижского погоста. Да и впечатление, пожалуй, производит более сильное, невольно покоряя своей обыденной простотой, в которой можно разглядеть неброскую красоту окрестных земель, всего того, что вдохновляло строивших ее плотников, – леса, озера, пашни, деревенских изб.

Храм, возведенный среди валдайских лесов, несмотря на отсутствие по соседству крупных усадеб, никогда не пустовал. В близлежащих деревнях своих церквей не было, поэтому обычно жители со всей округи съезжались на богослужение в Ширково. В начале XX века прихожанами здешнего храма считались более 3 тысяч человек.

За три столетия деревянную церковь не раз приходилось ремонтировать и перестраивать. В 30-х годах XIX века с западной стороны храма возвели колокольню. А в 1876 году в результате «благолепных поновлений» церковь была обшита тесом, а ее купол жестью. Однако к исходу века храм обветшал и перестал вмещать всех прихожан. Решено было строить новую церковь. За шесть-семь лет приход за счет подушного сбора скопил 27 тысяч рублей. На эти деньги в 1912 году в Ширкове возвели каменную церковь в неорусском стиле, почти точную копию той, что стоит на истоке Волги. Как правило, в подобных случаях старый храм продавался приходом под снос. Но ломать такую красоту ни у кого не поднялась рука. В апреле 1913 года местный священник Илья Ильинский писал в Императорскую Археологическую комиссию: «В погосте Ширково, что на Волге, в 19-ти верстах от ее истока, находится относящийся ко вт. п. 17 века, замечательный памятник старины – храм во имя Св. Иоанна Крестителя.

…Прихожане по мере сил и возможности ремонтировали и поддерживали свой храм по сие время. Однако неудобство, выражающееся в том, что ввиду отсутствия в оном печей молящимся зимой приходилось присутствовать при Богослужении не иначе как в тулупах и рукавицах, заставили приложить все усилия и средства для постройки нового каменного храма.

При этом расходы настолько поколебали городской бюджет, что о поддержании старой церкви нечего стало и думать. Поступить по установленному обычаю, т.е. продать ее на снос, дабы на вырученные деньги улучшить новый храм – невозможно. Это было бы непростительным грехом по отношению к такому памятнику старины. Между тем на ремонт как выяснилось из осмотра сведущими людьми, потребно от 1200 руб. до 1500. Взять же их прихожанам и без того обремененным постройкой нового храма, положительно негде. Посему прихожане и священнослужит. погоста Ширково имеют честь покорнейше просить Археологическую Комиссию, не найдет ли она возможности сделать необходимый ремонт и принять в свое ведение означенную церковь, как одну из Археологических древностей Тверской губернии».

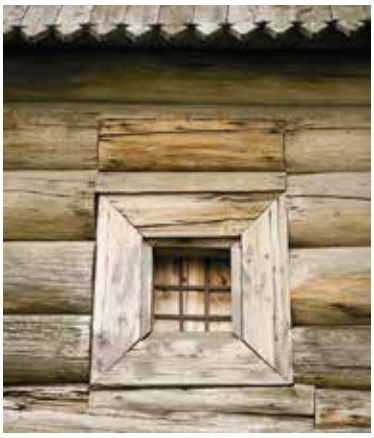
Археологическая комиссия сделала соответствующие распоряжения, адресовав их Святейшему Синоду. Однако вскоре началась

Галерея, которая опоясывает деревянный храм с трех сторон

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Разбитая каменная доска. На ней еще можно прочитать информацию о храме

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



Маленькие окошки церкви – одна из примет архитектуры Севера

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Фрагмент крыльца деревянной церкви

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Крыльцо ширковского храма, восстановленное во время реставрации. Раньше на его месте была колокольня

Первая мировая война, и ремонт древней церкви пришлось отложить до лучших времен. Потом разразилась революция, сменившаяся Гражданской войной. По счастью, храм уцелел и в эти, самые лютые годы богоборчества. Забытой и заброшенной простояла ширковская церковь до начала Великой Отечественной войны. Когда на ржевском направлении начались жесточайшие бои, храм оказался в непосредственной близости от линии фронта, попал в зону оккупации, использовался немцами для содержания советских военнопленных и гражданского населения. На этом вполне могла закончиться история ширковской церкви. Любопытно, что Игорь Грабарь, который вскоре после войны готовил новую редакцию многотомника «История русского искусства», писал о церкви Рождества Иоанна Предтечи исключительно в прошедшем времени. Великий реставратор даже не предполагал, что старинный деревянный храм мог пережить все выпавшие на его долю испытания. Но случилось чудо – церковь выстояла.

СПАСИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

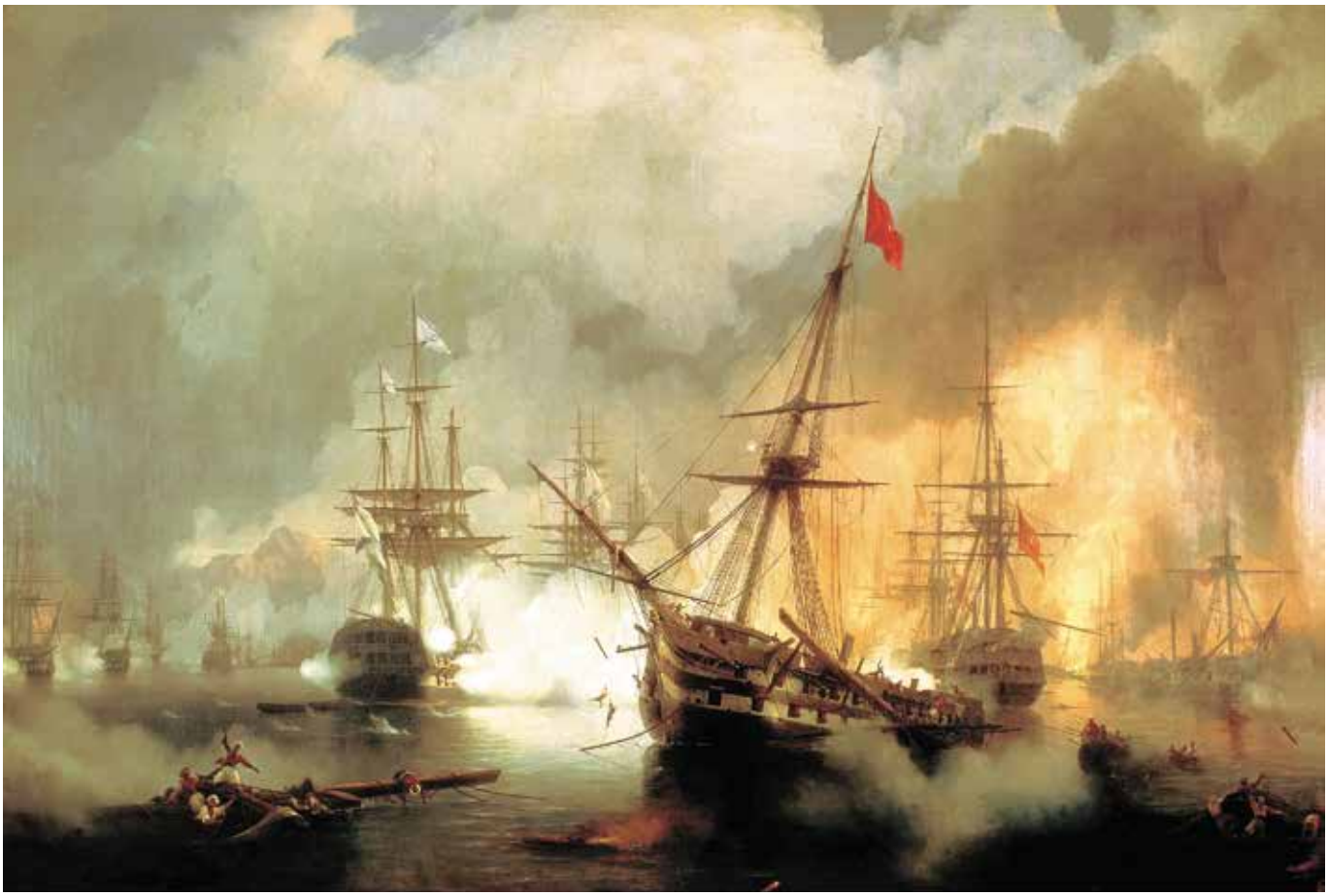
На Тверскую землю вернулся мир, а для ширковского храма вновь потянулись годы забвения. К середине XX века некогда многолюдное село опустело. Деревянная церковь, десятилетиями ожидавшая ремонта, медленно умирала. Огромные нижние венцы прогнили, крыша текла, из-за чего обветшавшие углы четвериков едва держали стены, купол рухнул. Древнее кладбище, существовавшее возле храма, было закрыто, его ограда разрушилась, а могильные камни ушли в землю.

Лишь в 60-х годах благодаря усилиям архитектора Александра Ополовникова церковь Рождества Иоанна Предтечи стала широко известна и была взята под охрану государства. Замечательный человек и выдающийся реставратор Александр Ополовников большую часть своей жизни посвятил сохранению и восстановлению памятников деревянной архитектуры Русского Севера. Это он сберег для нас деревянные церкви Архангельской области и Карелии, в том числе храмы Кижского погоста, реставрировавшиеся под его руководством.

Побывав в Ширкове, Ополовников писал: «Первые этажи Иоанно-Предтеченской церкви трактованы живописно, насыщены игрой светотени и, благодаря мощному выносу бревенчатых консолей, поддерживающих галерею, производят впечатление чрезвычайной конструктивной напряженности. Горизонтальные членения галерей подчеркивают редкую по силе устремленность ввысь последующих ярусов… Контрастность эта, видимо, не случайна. Вызываемый ею зрительный эффект строго рассчитан». Обследовав ширковскую церковь, Ополовников разработал проект ее реставрации. Работы продолжались несколько лет и завершились в конце 70-х. Были заменены прогнившие бревна, восстановлен купол, храм освободили от позднейших наслоений – тесовой обшивки и жестяной кровли, убрали пристроенную колокольню и на ее месте поставили крыльцо. Много времени ушло на пропитку бревен химическим составом, защищающим дерево от гниения и возгорания. Пришлось спилить немало затенявших церковь берез, от соседства с которыми на ее стенах скапливалась влага.

За то время, пока восстанавливался храм, в Ширкове сложился своеобразный круг единомышленников, состоящий из архитекторов, реставраторов и их добровольных помощников, которые приезжали в Тверскую область из разных концов страны. Кто-то из них даже осел в Ширкове и теперь живет возле спасенной древней церкви.

В 1994 году деревянный храм Рождества Иоанна Предтечи отметил свое 300-летие. Четвертая сотня лет несет уникальной церкви новые испытания. Берега Верхневолжских озер становятся местом активной коттеджной застройки, которая зачастую полностью уничтожает местный ландшафт, складывавшийся здесь веками. Подобная угроза нависла и над Ширковым погостом. Его охранная зона не позволяет начать строительство дачных поселков и баз отдыха, но соблазн вывести местные земли из-под охраны велик. И если это произойдет, то вполне возможно, что храм, переживший лихие времена и нашествия иноземных захватчиков, просто исчезнет, растворившись в забвении людей, не помнящих своей истории.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.К. Айвазовский. Морское сражение при Наварине в октябре 1827 года. 1846 год

ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ. ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

АВТОР
МИХАИЛ БЫКОВ

ГЕРОЙ ПУШКИНСКОЙ ПОВЕСТИ «ВЫСТРЕЛ» СИЛЬВИО ВОЛЕЮ АВТОРА ОТПРАВИЛСЯ В ЭЛЛАДУ СРАЖАТЬСЯ НА СТОРОНЕ ГРЕКОВ, ВОССТАВШИХ ПРОТИВ ТУРЕЦКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. ТАМ И ПОГИБ В БОЮ. САМ ПУШКИН НА БАЛКАНАХ НЕ БЫЛ. НО УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ С ТУРКАМИ ЗА СВОБОДУ ГРЕЦИИ ПРИНЯЛ. 14 ИЮНЯ 1829 ГОДА У РЕКИ ИНЖ-СУ, ЧТО ТЕЧЕТ В ОТРОГАХ КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА САГАНЛУГ, АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ВЕРХОМ АТАКОВАЛ ТУРЕЦКИЙ АВАНГАРД, НАПАВШИЙ НА НАШИ КАЗАЧЬИ АВАНПОСТЫ.

185 ЛЕТ НАЗАД, в апреле 1828 года, началась очередная русско-турецкая война. Какая по счету? Тут историки во мнениях расходятся. Одни придерживаются той точки зрения, что под формулировку «русско-турецкие войны» подходят только те конфликты, когда сражались именно две стороны. И потому не включают в список Восточную (Крымскую) войну и Первую мировую. Другие считают, что не стоит принимать за полноценную войну походы во вражеские земли, обошедшиеся без крупных боестолкновений, набеги и прочие мелкомасштабные события. Особенно те из них, что датируются временем, когда нашу страну чаще называли Московией, чем ее официальным с 1547 года именем – Русским царством.

Но есть и сторонники, так сказать, полной версии. А согласно ей мы воевали с турками 12 раз, начиная с 1568 года и заканчивая 1918-м. Даже без калькулятора нетрудно подсчитать, что за 350 лет тесных «соседских» отношений Россия и Турция вступали в военные конфликты примерно каждые тридцать лет. Война 1828–1829 годов была девятой по счету.

Логически довольно трудно объяснить, почему эта война попала у нас в разряд «войн неизвестных». Да и не только у нас. В Европе – тоже. К примеру, в британском издании 2004 года «Коллинз. Атлас военной истории» эта война… отсутствует. Тем не менее конфликт был довольно масштабным и развивался на территории нынешних Украины, Молдавии, Болгарии, Румынии, Турции, а также в Закавказье и на побережье Черного моря. Война унесла жизни 200 тысяч русских

и турецких солдат и офицеров. Россия одержала полную победу на суше и на море, приросла устьем Дуная и землями на Кавказе. Автономию получили Сербия, Дунайские княжества, Молдавия и Валахия (что спустя пятьдесят лет привело к созданию Румынского государства. – **Прим. авт.**). Наконец, была достигнута главная цель войны: в 1830 году Турция признала независимость Греции.

Если, отказавшись от логики, смотреть на события 1828–1829 годов сугубо эмоционально, то и в этом случае «забытая» война с избытком насыщена подвигами, трагедиями, невероятными приключениями.

МОРСКАЯ УВЕРТЮРА

Греки подняли восстание против власти турок в 1821 году. Освободительная война в Элладе – это отдельная тема. Ограничимся тем, что признаем: если бы не энергичная поддержка восставших ведущими европейскими странами – сначала Англией и Францией, а затем и Россией, греческий рывок к свободе был бы обречен. Что османы и доказывали вплоть до 1827 года как военными действиями, так и массовыми репрессиями против греческого населения. По некоторым оценкам, было уничтожено свыше 100 тысяч мирных жителей.

Терпение европейских лидеров лопнуло, и в 1827 году была подписана Лондонская конвенция, утверждавшая автономность Греции. Турецкий султан Махмуд II с таким решением, мягко говоря, не согласился. Тогда союзный флот, состоявший из русской, британской и французской эскадр, вошел в греческие воды Ионического моря. Встреча с турецким флотом произошла 20 октября в Наваринской бухте. И закончилась спустя четыре часа полным поражением османов, потерявших 60 кораблей и свыше 4 тысяч моряков. Если учесть, что турки имели почти двукратное превосходство в орудиях, трудно понять, как им удалось… не потопить ни одного корабля союзников!

Особенно успешно в сражении действовала русская эскадра под командованием контр-адмирала Логина Гейдена. Это ее орудия уничтожили большую часть турецких кораблей. А в самой русской эскадре пуще остальных отличился линейный корабль «Азов», получивший 153 пробоины, потерявший 153 человека убитыми и ранеными из 600 членов экипажа, но потопивший и выведший из строя пять кораблей неприятеля. Командовал русским флагманом капитан 1-го ранга Михаил Лазарев. Тот самый, что вместе с Беллинсгаузеном открыл Антарктиду. А в экипаж «Азова» входили лейтенант Павел Нахимов, мичман Владимир Корнилов и гардемарин Владимир Истомин. Те самые, что четверть века спустя с честью руководили обороной Севастополя в Крымскую войну. За Наваринскую победу «Азов» первым из кораблей русского флота был награжден Георгиевским адмиральским (кормовым) флагом и Георгиевским вымпелом. По меркам XX века – стал гвардейским.

Союзники и греки успокоились. Османы – наоборот, стали еще агрессивнее. Махмуд II объявил войну России. Объявить – объявил. Но не начал. Русский император Николай I поступил иначе. Спустя полгода тоже объявил войну Порте. И тут же к ней приступил. 28 апреля 1828 года.

Махмуд II (1785–1839), 30-й османский султан в 1808–1839 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.А. Голике. Портрет императора Николая I

КРЕСТ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

Романовы-государи в имперский период – это почти всегда Петербург. Так почему-то кажется. Книги, картины, кино, сериалы – а там балы, приемы, кабинеты, парады… Исключение одно – Петр Великий, не так ли? На самом деле из восьми взрослых мужчин династии, сидевших на российском престоле, на войне не были только двое: Петр III и Павел I. Остальные в том или ином качестве воевали. Ну, про Петра Великого всем известно – от пуль не прятался в Полтавской битве. Александр I собственными глазами видел, как зажглось «солнце Аустерлица» для Бонапарта. А в Битве народов под Лейпцигом чуть в плен не попал, оказавшись на передовой. Его сын и внук находились при армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Александр II – императором, будущий Александр III – цесаревичем. Николай II летом 1915 года вступил в командование Русской армией, регулярно бывал не только в ставке, но и в действующих войсках. И все это на самом деле – не тайна. Стоит лишь напрячь память. Так что свои Георгиевские кресты эти императоры носили заслужен-

но. Петр I, правда, «Георгия» не имел. Просто не было еще тогда этого боевого ордена. А так бы… Николай I в этом смысле – фигура загадочная. Миф о его солдафонстве крепко и глубоко живет в нашем сознании, точно корни дуба в земле. Да, любил государь муштру, имел слабость к парадам. Но и армию любил. Более того – хорошо ее знал. Свидетельств тому в солдатских байках и офицерских мемуарах предостаточно. Третьего сына императора Павла к царской работе и не готовили. Не предполагалось, что когда-либо престол достанется ему. А готовили его к военной службе. И весьма основательно.

В 1812 году, будучи еще отроком, Николай рвался на войну. Не пустила императрица-мать. Рвался и в Заграничный поход в 1814-м. Опять-таки – не позволили. В 1828-м запретить что-либо императору Николаю Павловичу уже никто ничего не мог. И он отправился на русско-турецкую войну с первого дня. Сам полагал, что в качестве инспектора. При главнокомандующем – 60-летнем Петре Витгенштейне. На практике оказалось, что престарелый генерал-фельдмаршал в присутствии государя самостоятельную роль играть не смог. Отчасти поэтому реализация весьма достойной стратегии оказалась какой-то половинчатой, недоделанной. Положение смог исправить только сменивший Витгенштейна в начале 1829 года генерал Иван Дибич.

В этом смысле другому генералу, Ивану Паскевичу, повезло. Император присутствовал в войсках на Балканском фронте. А на Кавказском, которым командовал Паскевич, появиться не сподобился.

Я все это не к тому, что Николай I сознательно мешал генералам руководить, тянул столь любимое им солдатское одеяло на себя. Наоборот, он подчеркнуто держал дистанцию. Но с такой харизмой никакая дистанция не помогала. Тем более что физически от армии царь не дистанцировался. Он был с войсками при переправе через Дунай, наблюдал осаду Браилова, Шумлы и Варны. Надо заметить, что к 1828 году Николай I являлся единственным из четырех сыновей Павла I, не имевшим Георгиевского креста.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай I совершает переправу через Дунай 27 мая 1828 года. Рисунок А.И. Зауервейда

На поздних портретах Николая I его мундир всегда украшен орденом Святого Георгия 4-й степени. Награда-мечта пришла к императору в 1838-м. Совершенно официально решением Орденской думы царь был награжден этим орденом за 25-летнюю выслугу лет при условии участия хотя бы в одном сражении. Николай Павлович всем требованиям соответствовал. Хотя в атаки под Шумлой не бегал и на стены Варны лезть не пытался. Но в зоне боевых действий находился.

ГИБЕЛЬ ЛЕЙБ-ЕГЕРЕЙ

Нет военачальников, которые не ошибаются. Одну из таких трагических ошибок при осаде Варны совершил император. А главком Витгенштейн почел за лучшее не вмешиваться.

Под Варной русские топтались с середины июля. А уже наступил октябрь. Без взятия этой сильной береговой крепости с 10-тысячным гарнизоном думать о продвижении внутрь Болгарии и далее – на Константинополь было бессмысленно. С приходом Гвардейского корпуса из Петербурга численность русской группировки под Варной достигла 30 тысяч при 112 осадных орудиях. Казалось бы, успех уже близок. Но тут стало известно, что с юга на помощь осажденным подходит 30-тысячный турецкий корпус паши Омер-Врионе. Навстречу ему был брошен 6-тысячный отряд генерала Головина, основу которого составили лейб-гвардии Финляндский и лейб-гвардии Егерский полки.

Было ясно, что нужна глубокая рекогносцировка. Иначе как узнать, где и куда именно двигается паша Омер. На разведке боем настаивал и государь, прибывший в отряд Головина с инспекцией. Для рекогносцировки собрали спецотряд: лейб-егерей, опять-таки егерскую роту финляндцев, три эскадрона кавалерии да две пушки из донской казачьей батареи. Начальником партии, вопреки ожиданиям, вместо командира лейб-егерей генерал-майора Гартонга император самолично назначил флигель-адъютанта графа Залусского. 10 сентября в 12 верстах от русского лагеря у местечка Гаджи-Гассан-Лар спецотряд наткнулся на турок.

После недолгой орудийной перестрелки Залусский принял решение отступать. На вопросы офицеров с чего вдруг, ответствовал, что цель рекогносцировки – не бой, а разведка. Миссия выполнена, наличие турок установлено, стало быть, пора назад. Выстроившиеся для боя русские части рассасывались на глазах у османов. Сначала исчезли кавалерийские эскадроны, затем растворились в лесу финляндцы, ускакали артиллерийские упряжки…

На месте остались лишь 700 лейб-егерей с генералом Гартонгом. Командир отряда попросил его задержаться на некоторое время, чтобы прикрыть отход. На просьбу оставить в помощь пушки – ответил отказом. Когда отступавших людей Залусского и егерей Гартонга разделила первая верста, турки пошли в атаку с фронта и флангов. Бравый флигель-адъютант, услышав сзади сильную стрельбу, приказал пе-

А.И. Зауервейд. Инженерная атака крепости Варна саперным батальоном 23 сентября 1828 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

рейти на беглый шаг. Помешал выполнить приказ капитан Краузе, заметивший, что русские бегом не отступают.

В это время в отряде Головина ждали сообщений. Но в течение нескольких часов Залусский молчал. Первая тревога за судьбу лейб-егерей появилась уже к вечеру, когда в штаб Головина прискакал конноегерь Северского полка: «Лейб-гвардии Егерский полк окружен и находится в крайней опасности». Постепенно стали проясняться подробности. Потому как в лагерь поодиночке начали возвращаться уцелевшие лейб-егеря.

Картина сложилась такая: без артиллерийского прикрытия и без всякой надежды на помощь 700 гвардейских егерей в полном окружении дрались против 7-тысячного авангарда паши Омера. А в двух-трех часах ходьбы от места боя стояли русские части, командир которых Головин не имел никакого представления о происходящем. Находившийся рядом граф Залусский стоял на своем: полк отступает в полном порядке…

К своим из боя прорвались 256 нижних чинов и 5 офицеров. Более половины всех – ранеными. На поляне под Гаджи-Гассан-Ларом остались лежать 13 офицеров и 358 егерей. Вместе с ними – их командир генерал Гартонг. 4 офицера и 82 нижних чина оказались в плену.

Уж какой доклад получил император, можно догадываться по его решению: уцелевших гвардейцев признали недостойными носить это высокое имя, их перевели в обычные егерские части. Нетрудно догадаться и о том, кто именно был докладчиком. К слову, дальнейшая судьба флигель-адъютанта Залусского не прослеживается.

Вскоре у государя хватило мудрости выслушать другие точки зрения на случившееся. К тому же разжалованные в простых армейцев лейб-егеря отличились при взятии Варны. Они были прощены сразу после падения крепости. А весь полк – в феврале 1829 года, уже в Петербурге, куда Гвардейский корпус вернулся после наступившего осенью перелома в войне. Вернулся в столицу и царь. 9 февраля он посетил восстановленный полк на плацу, а 11-го пригласил на обед офицеров.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шумла. Вид крепости в 1828 году. С акварели того времени из книги Н.К. Шильдера «Император Николай I. Его жизнь и царствование» (С.-Пб., 1903)

УШИ В БОЧКАХ

Лейб-егерская история имела продолжение спустя 47 лет. В 1875 году умер Николай Сабанин, служивший в 1828 году поручиком в лейб-гвардии Егерском полку. Его вдова обратилась по инстанциям с просьбой помочь выполнить завещание покойного мужа. А именно – передать императору сохранившуюся часть Георгиевского знамени 2-го батальона лейб-егерей.

Почти полвека знамя считалось утерянным. Оказалось – иначе. Три офицера 2-го батальона – капитан Кромин, поручик Сабанин и подпоручик Скванчи, – видя, что положение безнадежно, решили спасти батальонное знамя. Древко разломали и вместе с орлом закопали в землю. Полотнище разорвали на три части и спрятали на себе. К концу боя в живых остался только Сабанин. Израненный, он попал в плен. Каким образом офицеру удалось сохранять пропитанный кровью кусок знамени в течение многих месяцев плена – понять крайне трудно. Прежде всего потому, что турки с военнопленными не церемонились вовсе.

Крайне любопытные заметки на эту тему оставил другой русский офицер – Александр Розалион-Сошальский, попавший в плен в августе 1828 года под Шумлой и освобожденный лишь в сентябре 1829-го после подписания Адрианопольского мира.

Незадолго до войны султан Махмуд II завершил реорганизацию турецкой армии. Реформы проводились на европейский манер. Был уничтожен корпус янычар как эталон армии варварской, средневековой. Как мог, султан боролся и с жуткими традициями, существовавшими у воинов-османов веками.

Однако скоро сказка сказывается. Розалион-Сошальский вспоминал о первых минутах плена не столько с ужасом, сколько с изумлением. Перво-наперво его, еще лежачего, обобрали. Взяли все вплоть до мундирных украшений: пуговиц, шитья, эполет. Затем окружавшие его турки давали ему нюхать кинжалы и сабли. Один из них заметил след от кольца на загоревшем пальце и стал требовать выдачи оного немедленно. Отбиться помешало чудо. Дальше – хуже. В палатке, куда собрали пленных офицеров, находился старый турок невоенного вида. Оказалось – палач и «солитель ушей». Да, такая профессия!

Несмотря на запрет по турецкой армии убивать уже обезоруженных пленных, рубить головы погибшим, а также отрезать у поверженных уши – все это практиковалось весьма энергично. История с ушами – это, к слову, вовсе не признак какой-то неуправляемой свирепости. Вполне прагматическая штука. Эти уши потом складывали в бочки и засаливали, чтобы не испортились в жару по дороге в Константинополь. Бочонки везли в столицу, чтобы убедить власти и народ в масштабности всякой победы.

Таких бочонков в палатке Розалиона-Сошальского стояло в достатке. Уже – полных.

Позже, когда офицер и его товарищи оказались в глубоком тылу, на острове Халки в Мраморном море неподалеку от Константинополя, его уже мало что удив-

ляло. Даже к такому правилу, как полное отсутствие правил, за год можно привыкнуть. В православном монастыре Святой Панагии, в одночасье превращенном в тюрьму для военнопленных, все зависело от доброго или злого нрава ее начальника.

В этом монастыре скопилась основная часть русских, взятых в плен в ходе войны. Более 800 солдат и свыше 20 офицеров. После короткой, но грозной эпидемии число солдат сократилось до 500. Но многие из восьми десятков лейб-егерей, также привезенных на Халки, до эпидемии не дожили. Умерли в течение нескольких дней от ран. В островной тюрьме Розалион-Сошальский познакомился с поручиком Сабаниным. Правда, о знамени 2-го батальона в мемуарах не написал ни слова. Выходит, молчал поручик по этому поводу. Даже среди своих. Мало ли что…

ДВА ИВАНА

Кампанию 1828 года на Дунайском театре военных действий успешной не назовешь. Были дела славные, как, например, взятие Варны. Были и откровенные неудачи. Так, осаду крепостей Силистрия и Шумла пришлось снять в октябре. В стратегическом плане главную задачу выполнить не удалось: часть придунайских крепостей осталась в руках османов, Балканы высокой стеной заперли пути-дороги в саму Турцию. Сильно ухудшила положение эпидемия тифа. Потом статистики подсчитают, что на одного русского солдата, убитого в бою, придется десять, умерших от болезней. В итоге большая часть армии вернулась на исходные – за Дунай.

Иное дело – Кавказ. Изначально это направление рассматривалось как вспомогательное. Главная задача 25-тысячного Кавказского корпуса генерала Ивана Паскевича – сковать силы турецкой армии в азиатской части Османской империи. А их там насчитывалось более 70 тысяч. Но граф Эриванский рассудил иначе. По-суворовски. Не стоит ждать, когда враг придет к тебе и навяжет свои условия войны. Надо самому идти вперед. За спиной у 46-летнего генерала был громадный боевой опыт: Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов, Русско-персидской войны 1826–1828 годов. Всего одиннадцать лет понадобилось Ивану Федоровичу, чтобы из выпускника Пажеского корпуса превратиться в командира дивизии в 1812 году.

Иван Федорович Паскевич (1782–1856), граф Эриванский, светлейший князь Варшавский, генерал-фельдмаршал

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785–1831), граф, генерал-фельдмаршал

Вот этот самый опыт, личная храбрость и полное доверие со стороны государя и повели Паскевича в азиатскую Турцию, в Анатолию. Летом 1828 года, пользуясь тем, что турецкие силы были разделены на части, граф Эриванский взял несколько важных крепостей, в том числе и считавшийся неприступным Карс. А вместе с крепостями Паскевич взял и инициативу. Зимой воевать в Закавказье было немыслимо, и Иван Федорович, оставив в захваченных крепостях гарнизоны, отвел армию в Грузию на отдых. Боевые действия возобновились в июне 1829-го. И примерно в том же режиме. Главной целью Паскевич наметил Эрзерум – столицу азиатской Турции. На пути его 18-тысячного корпуса встали две турецкие группировки, каждая из которых имела некоторое численное превосходство. Однако Паскевич по очереди разбил их, сократив 50-тысячное войско противника на треть и полностью деморализовав анатолийскую армию. Русские в двух сражениях потеряли только тысячу солдат. И все-таки в сугубо военном смысле рассчитывать на взятие Эрзерума, в котором стоял внушительный гарнизон и имелись огромные запасы всего необходимого на случай осады, было бы опрометчиво. Помогла дипломатическая хитрость: в город со 100-тысячным населением отправилось официальное письмо царского наместника, в котором жителям гарантировались безопасность и сохранность собственности в случае добровольной сдачи анатолийской столицы. Комендант гарнизона не нашел контраргументов и согласился с позицией горожан. 27 июня 1829 года войска Паскевича вошли в Эрзерум с развевающимися знаменами и под бой барабанов. В плен сдалось 15 тысяч турок. Азиатская армия султана перестала существовать.

И все бы ничего. От Анатолии до Константинополя по нагорьям топать и топать. Но и на Балканском театре события развивались для султана неважно.

В феврале Русскую армию на Дунае возглавил генерал Дибич. Как и Паскевич, Иван Иванович начал службу в Петровской бригаде. Только не в Преобра-

женском, а в Семеновском полку. Был на три года моложе, но тоже повоевать успел. Особенно – против Наполеона, начиная с Аустерлица.

Еще будучи совсем молодым офицером, Дибич отличался штабным умом. Отличный стратег, он подготовил кампанию 1829 года четко и лаконично. Памятуя об опыте тандема Суворов–Ушаков, Иван Иванович наладил полное взаимодействие с Черноморским флотом, следствием чего стала нормальная работа интендантской службы. Затем – форсировал Дунай и перешел к активным действиям. Искусные маневры и скорость передвижения русских вконец запутали пашей и великого визиря. А план Дибича на самом деле был предельно прост: от Варны двинуть на юг, держась поближе к морю, преодолеть балканские хребты и выйти к Адрианополю (ныне – Эдирне) – сердцу европейской Турции. Что он, собственно, и осуществил.

Да, легко написать – «осуществил»… 2 июля в Забалканский поход вышло 35 тысяч строевых. Когда в Адрианополе спустя ровно два месяца подписывали мирный договор, у Дибича оставалось под рукой не более 7 тысяч солдат. Но и этого было достаточно. Турецкой армии уже не существовало. А на севере, по ту сторону Балкан, у стен павших крепостей Силистрия и Шумла стояли русские полки и батареи.

Осенью 1829 года Иван Дибич получил жезл генерал-фельдмаршала, орден Святого Георгия 1-й степени и графское достоинство. Но в полной мере насладиться славой не успел. На следующий год грянуло польское восстание, Дибич отправился наводить порядок, но через несколько месяцев заразился холерой и в мае 1831 года умер. Таким образом Господь лишил Ивана Ивановича возможности испортить блистательную репутацию.

В 30-е годы и до самой смерти в 1856-м о Паскевиче будут отзываться очень по-разному. Да, генерал-фельдмаршал, светлейший князь Варшавский, кавалер четырех степеней ордена Святого Георгия, наместник царства Польского, особо доверенное лицо Николая I – он вошел в такую силу, что даже намек на критику в свой адрес считал непозволительным. Отчасти поэтому к началу Восточной войны Русская армия выглядела, скажем так, несколько архаично. 70-летний Иван Федорович к каким-либо реформам готов уже не был.

А ЧТО ЖЕ ПУШКИН?

Много что еще интересного можно рассказать о той войне. О подвиге брига «Меркурий». О задунайских казаках, вернувшихся под руку русского царя. О подвиге Уфимского пехотного полка. О взятии Анапы. О командире гвардейских сапер полковнике Шильдере. Да разве есть такая война, о которой мало что можно рассказать? Но – давайте о Пушкине…

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.С. Пушкин. Автопортрет в виде всадника на коне, в бурке и круглой шляпе, с пикой. Из альбома Ел.Н. Ушаковой. 1829 год

Попытку Александра Сергеевича превратиться в воина видели многие, а некоторые и описали. Правда, «показания» не всегда сходятся. Так, драгунский офицер-нижегородец Ушаков вспоминал, что едва после обеда в русском лагере услыхали выстрелы, Пушкин вскочил на коня и помчался к аванпостам. За ним по приказу генерала Раевского поскакал майор Нижегородского драгунского полка Семичев, дабы уберечь поэта от опасности и вернуть в тыл. Это ему удалось, но уже после того, как Пушкин подхватил пику убитого казака и собирался было скакать на турок.

Михаил Пущин рассказывал иное. Обед еще не завершился, как стало известно, что около аванпостов появились турки. Все побежали к лошадям. Сам Пущин оказался среди группы казаков и османов, сошедшихся в рубке. Тут появился майор Семичев, разыскивающий Александра Сергеевича. Вдвоем они поскакали на поиски. И вскоре увидели Пушкина, в одиночестве скакавшего с саблей в руке в сторону турецкого лагеря. Догнали его, но опасность не стала меньше. Турки приближались. И лишь когда за спиной нашей троицы появились русские уланы, османы повернули коней.

Примечательно, что нижние чины русского отряда, постоянно во время похода на Эрзерум видевшие Пушкина среди офицеров Нижегородского драгунского полка в черном цилиндре и сюртуке, принимали его за священника и меж собой прозвали драгунским батюшкой.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вступление Русской армии в Адрианополь 8 августа 1829 года

РУССКАЯ ПАМЯТЬ ТОСКАНЫ

АВТОР
ДМИТРИЙ ИВАНОВ

СОБОР САНТА-МАРИЯ ДЕЛЬ ФЬОРЕ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ В ЦЕНТРЕ ФЛОРЕНЦИИ, ДАВНО УЖЕ СТАЛ СИМВОЛОМ ГОРОДА. ЕЖЕДНЕВНО СОТНИ ЛЮДЕЙ ПРИХОДЯТ НА ПЛОЩАДЬ ПЬЯЦЦА ДЕЛЬ ДУОМО, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ КУПОЛ БРУНЕЛЛЕСКИ, ВЕЛИКОЛЕПНУЮ КАМПАНИЛУ ДЖОТТО, ИЗУМИТЕЛЬНЫЕ МРАМОРНЫЕ БАРЕЛЬЕФЫ ФАСАДА СОБОРА. ВНИМАТЕЛЬНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ, НЕСОМНЕННО, ЗАМЕТИТ СПРАВА ОТ ГЛАВНОГО ВХОДА В СОБОР ВЫСЕЧЕННЫЙ ИЗ МРАМОРА ГЕРБ И НАДПИСЬ ПОД НИМ – PAOLO DEMIDOFF. ЭТО – ДАНЬ УВАЖЕНИЯ НАШЕМУ СООТЕЧЕСТВЕННИКУ ИЗ ЗНАМЕНИТОГО РОДА ДЕМИДОВЫХ, КОТОРЫЕ НЕМАЛО СДЕЛАЛИ ДЛЯ СТОЛИЦЫ ТОСКАНЫ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ФЛОРЕНЦИЯ СТАЛА второй родиной для нескольких поколений Демидовых. Их имена город хранит в названиях площадей и вилл, основанных ими больниц, школ, приютов. Во Флоренции Демидовы неоднократно останавливались, жили и оставили по себе добрую и долгую память.

Первым представителем рода Демидовых, судьба которого оказалась связанной с Флоренцией, стал Николай Никитич Демидов – правнук легендарного основателя династии Никиты Демидова, сподвижника царя Петра I.

Еще в юности Николай Никитич получил в наследство громадное состояние, которым, однако, по молодости лет управлял весьма небрежно, предпочитая вести жизнь расточительную и праздную. Дела его шли настолько плохо, что он был взят под опеку. Эта суровая мера пошла на пользу: Николай Никитич наконец всерьез занялся проблемами своих медеплавильных, железоделательных заводов и многочисленных вотчин. Желая преуспеть в горнозаводском деле, он оснастил свои производства лучшими на тот момент машинами и механизмами, стал отправлять крепостных на учебу в Европу, создал горнозаводское училище, пригласил на работу самых искусных мастеров. Вскоре уральские заводы Демидова стали считаться образцом металлургического производства, а он сам – одним из крупнейших поставщиков железа. Дабы расширить рынок сбыта, Николай Никитич даже завязал торговые отношения с Англией, для чего купил в Италии морское судно, а затем построил в Таганроге целую флотилию из пяти кораблей, которая доставляла уральское железо в Великобританию. А огромное состояние Николая Демидова увеличилось благодаря его женитьбе на Елизавете Александровне Строгановой, принадлежавшей к одной из богатейших русских фамилий.

Однако Николай Никитич занимался не только преумножением своего капитала. Он считал себя обязанным помогать другим. Благотворительность сделалась его постоянной потребностью, частью образа жизни. Не было, пожалуй, в ту пору в России мецената более щедрого, чем Демидов. Свой особняк в Москве он отдал для устройства в нем дома трудолюбия и пожертвовал на его содержание 100 тысяч рублей. Каменный дом в Гатчине передал под нужды благотворительного приюта. На деньги Николая Демидова строились больницы, школы и приюты в Нижнем Тагиле, Перми и под Казанью. Петербургу он подарил четыре чугунных моста – Поцелуев, Красный, Семеновский и мост на Обводном канале у Московской заставы. В дар Московскому университету преподнес кабинет естественной истории из 6 тысяч предметов стоимостью в 50 тысяч рублей. Построил фрегат для Черноморского флота. А в 1812 году на свои средства собрал и снарядил полк московского ополчения и содержал его до окончания военных действий. Он сам встал во главе этого полка и вместе с ним испытал все тяготы Бородинского сражения, в котором участвовал и его старший 14-летний сын Павел.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Портрет Николая Никитича Демидова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Герб Павла Демидова, помещенный на фасад собора Санта-Мария дель Фьоре

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Портрет Елизаветы Александровны Строгановой

БЛАГОДЕТЕЛЬ ФЛОРЕНЦИИ

После завершения войны Николай Никитич Демидов много путешествовал по Европе, а в 1824 году приехал во Флоренцию в ранге русского посланника при дворе великого герцога Тосканского. По свидетельству одного из современников, «в безмятежной эрцгерцогской Флоренции, привыкшей принимать посольства, знаменитых путешественников, большой эффект произвела эта безмерно богатая персона, окруженная сотней семей разного класса и звания, любителя любой изысканности и музыкального французского театра, само собой, водевилей». Он поселился в арендованном палаццо Серристори, где устроил великолепную художественную галерею и театр. Николай Никитич был страстным коллекционером предметов искусства, покровителем художников и ученых.

По его заказам работали самые известные мастера того времени – Карло Морелли, Франческо Сибиллио, Пьер-Филипп Томир, Роберт Лефевр, великий скульптор Антонио Канова. В 1825 году Николай Никитич купил у монахов Санта-Кроче владение Сан-Донато в окрестностях Флоренции, где начал строительство виллы. О жизни Николая Демидова во Флоренции не без иронии писал граф Михаил Бутурлин: «Нанимаемый им палаццо Серристори представлял пеструю смесь публичного музея с обстановкой русского вельможи прошлого века. Тут были французские секретари, итальянские конторщики, приживалки, воспитанницы и в дополнение ко всему этому французская водевильная труппа в полном составе. Сверх сего штата постоянно проживали у него бездомные игроки и паразиты...»

Находясь во Флоренции, Николай Никитич продолжал управлять своими делами на Урале, в Сибири, Америке, Франции. И по-прежнему оставался меценатом. Однако более всего Николай Демидов стремился помочь неимущим и обездоленным. Его палаццо Серристори находилось в Ольтрарно, бедном районе Флоренции, и Николай Никитич ежедневно видел тех, кому была необходима помощь. Он постоянно жертвовал беднякам Флоренции внушительные суммы. Стендаль, будучи хорошо знаком с Николаем Демидовым, назвал его «самым щедрым в Италии благотворителем». Во Флоренции Николай Никитич основал дом трудолюбия для престарелых и детей-сирот и выделил на его содержание особый капитал, открыл благотворительную аптеку, построил госпиталь для бедных, а также бесплатную начальную школу для 160 мальчиков из нуждающихся семей, которая сохранилась и поныне и носит имя своего основателя. Когда в 1828 году Николай Никитич Демидов умер, он, по словам графа Бутурлина, «был оплакиваемым нищею братию той части города, где жил».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Памятник Николаю Никитичу Демидову, установленный во Флоренции на набережной реки Арно

Чтобы сохранить память о человеке, который столько сделал для Флоренции, одну из площадей города назвали именем Николая Демидова. Она находится недалеко от знаменитого моста Понте Веккио, на левом берегу реки Арно, рядом с палаццо Серристори. Итальянский скульптор Лоренцо Бартолини по заказу Павла и Анатолия Демидовых, сыновей Николая Никитича, создал памятник, который стал украшением площади. В этой мраморной композиции Николай Демидов предстает в образе римского сенатора, обнимающего своего сына. У его ног расположилась женская фигура, символизирующая признательность жителей Флоренции. По углам постамента находятся четыре аллегорические скульптуры – «Природа», «Искусство», «Милосердие» и «Сибирь». Монумент стоит на площади и ныне, напоминая всем о человеке, который видел в собственном благополучии обязанность помогать тем, к кому судьба была не слишком благосклонна.

Табличка на площади Николая Демидова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПОТОМСТВЕННОЕ БЛАГОРОДСТВО

Сыновья Николая Никитича Демидова, Павел и Анатолий, унаследовали от своего отца не только баснословный капитал и любовь к искусству, но и верность семейным традициям благотворительности.

Фраза, написанная Павлом Николаевичем Демидовым в одном из писем, вполне могла бы стать своеобразным девизом всей его жизни: «Быть по возможности полезным человечеству сколь в своем отечестве, а также и в других местах». Среди массы добрых дел, пришедшихся на короткую жизнь Павла Николаевича Демидова, – строительство больниц в Петербурге и Курске, огромные пожертвования вдовам и сиротам офицеров и солдат, погибших во время русско-турецкой войны, и, конечно, учреждение знаменитых Демидовских премий. Это пожертвование, которым распоряжалась Академия наук, стало одной из самых престижных отечественных наград. Ее удостоились Николай Пирогов, Дмитрий Менделеев, Иван Сеченов, Борис Якоби, Федор Литке, Иван Крузенштерн, Пафнутий Чебышев.

Не оставил Павел Николаевич и тех благотворительных начинаний, которыми занимался во Флоренции его отец. Сохранилось письмо, в котором он отдает распоряжение своим банкирам начиная с 1 января 1837 года в течение двадцати лет ежегодно отчислять 2 тысячи франков дому трудолюбия для детей-сирот, основанному отцом. В этом же письме Павел Николаевич поручил ежегодно переводить во Флоренцию крупную сумму «для какового-либо другого богоугодного заведения, по усмотрению тамошнего начальства». С именем Павла Демидова связан и один из эпизодов флорентийской истории, о котором напоминает герб уральского промышленника, высеченный на фасаде собора Санта-Мария дель Фьоре. В 1587 году по приказу Франческо Медичи была сбита отделка фаса-

Портрет Павла Николаевича Демидова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Портрет Анатолия Николаевича Демидова

да строившегося главного собора Флоренции. Несколько веков Санта-Мария дель Фьоре простоял задрапированным, к украшению фасада вернулись лишь в XIX веке. Денег на отделку не хватало, и тогда одним из главных жертвователей стал Павел Николаевич. Архитектор Эмилио де Фабрис украсил фасад разноцветными мраморными панелями, великолепными резными деталями и скульптурами. Но увидеть Санта-Мария дель Фьоре во всей красе Павлу Демидову не довелось: работы по отделке фасада завершились через несколько десятков лет после смерти мецената.

Младший сын Николая Никитича Демидова, Анатолий Николаевич Демидов, большую часть жизни провел в Европе, обосновавшись во Флоренции. Однако он никогда не забывал о родине. 17 лет от роду Анатолий Демидов основал в Петербурге дом трудолюбия, покровительницей которого стала императрица Александра Федоровна. Ежегодно Анатолий Николаевич выплачивал 12 тысяч рублей для содержания 80 воспитанниц дома. За счет его средств строились Николаевская больница в Петербурге и госпитали в Одессе и Нижнем Тагиле, снаряжались научные экспедиции в Крым и Донбасс, возводились малахитовые колонны и пилястры Исаакиевского собора.

Анатолий Николаевич превратил свою виллу Сан-Донато в предместьях Флоренции в грандиозную художественную галерею. В этом роскошном дворце были собраны ценнейшие живописные полотна, скульптуры, произведения ювелиров и оружейников, уникальная мебель, изделия из бронзы. Анатолий Демидов покровительствовал жившему в Италии Карлу Брюллову. Именно по заказу Демидова художник создал знаменитое полотно «Последний день Помпеи», которое Анатолий Николаевич подарил государю Николаю I, понимая, что этот шедевр должен храниться в России.

Во Флоренции Анатолий Демидов продолжил благотворительные дела, начатые его отцом и старшим братом. Подобно им он отчислял деньги для школы и приюта, субсидировал завершение отделки фасадов собора Санта-Мария дель Фьоре и базилики Санта-Кроче. А в 1835 году Анатолий Николаевич вместе со своим братом создал шелкопрядильную фабрику, которая должна была обеспечить работой флорентийских бедняков.

Сегодня в палаццо Питти, в Галерее современного искусства Флоренции, хранится парадный портрет Анатолия Демидова, написанный Карлом Брюлловым. Здесь же находится и скульптурный портрет Павла Николаевича, созданный Джузеппе Джирометти. Обе работы – часть экспозиции Демидовского зала, в котором каждый может прикоснуться к истории семьи, прославившейся своими добрыми делами далеко за пределами России.

Вилла Сан-Донато, принадлежавшая роду Демидовых

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ДУМАТЬ – ЭТО СОВСЕМ НЕ БОЛЬНО

АВТОР
АНДРЕЙ КУЛЬБА

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

НЫНЕШНЕЙ ВЕСНОЙ В 23-Й РАЗ СОБРАЛАСЬ ЗНАМЕНИТАЯ ЗИМНЯЯ ПУЩИНСКАЯ ШКОЛА.

...ПАХЛО НЕ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЕМ – ПАХЛО хорошим кофе. На всех этажах развешаны стенды школьных проектов – наивные, самопальные, без принтера и фотошопа, но тем более ценные. Заявленные темы тянули на кандидатскую, а местами – на Нобелевку.
На втором этаже толпа собралась около макета будущего Пущино. Три грации архитектуры представляли разработанные пасторали. На крышах домов, соединенных мостиками, раскинутся кафе и беседки. У Зимней Пущинской Школы (ЗПШ) будет собственная украшенная колоннами ротонда – тоже с открытой площадкой сверху, где будут петь под гитару и читать лекции…
Рядом в коридоре юноша рассуждал о движениях души, используя слова «валентность» и «гомеостаз». Трое приятелей, адептов курса «Физика невозможного», рассказывали, как сконструировать лазерный меч.

Столы в одной рекреации были заставлены приготовленными вручную хлебами разных сортов. Мальчик и девочка, похожие на брата и сестру, на глазах изумленных зрителей замешивали какое-то сложное тесто. В другой рекреации кормили зажигалками механическую собачку – робота-пожарника. Тот мигал датчиками, включал вентиляторы – и огоньки тушил. Рыжеглазые роботы без определенной специальности бродили по полу и по столам.
Две ученицы в опрятных фартучках бегали по этажам, крича: «Настоящие итальянские спагетти!» – и падали в манерном изнеможении. Сеньориты пиарили курс своих наставников-итальянцев, а те прямо в коридоре готовили и раздавали желающим аутентичную лапшу.
Корреспонденты местных и федеральных изданий пожимали плечами и выключали диктофоны: гвалт стоял как на венецианском и бразильском карнавалах одновременно.

– А предполагается какая-то комиссия, которая будет все это проверять, оценивать? – спрашивал сурового вида мужчина с фотоаппаратом другого солидного дядю.
– Какая комиссия? – отвечал тот. – Мы все тут комиссия.

ЕСЛИ БЫ НЕ ЗПШ, Я БЫ НИКОГДА...

Школьникам было предложено закончить эту фразу. Вот некоторые ответы:
«…не поняла, что учиться интересно».
«…не узнала, как по-литовски «гномы».
«…не поверила, что маги из «Понедельника» Стругацких существуют на самом деле».
Представляете школу, где физику преподает Эйнштейн, а биологию – Дарвин? Нет, я не уравниваю преподавателей ЗПШ с гениями. Может быть, IQ у них ниже, может быть, выше. Специализация в науке сейчас такая, что даже академик не в силах оценить «боевой вес» коллеги из другой отрасли. Но факт, что костяк преподавателей ЗПШ – из тех везунчиков, которым прижимистые правительства и фонды доверяют добычу знаний. Например, ведущий одного из курсов, кандидат физико-математических наук Петр Власов, занимается теоретиче-

Программист, предприниматель Александр Чемерис решает очередную административную головоломку

Рукописная газета ЗПШ. Можно поделиться своими открытиями и узнать о чужих

скими исследованиями в области эволюционной генетики в медицинском центре в Барселоне. «Кроме того, в сфере моих интересов так называемый rational drag design – дизайн лекарственных препаратов, то есть моделирование с помощью компьютера, предварительная оценка лечебных свойств, – рассказывает он. – В Россию я приехал специально на ЗПШ. Приезжаю уже несколько лет подряд. В этом году я вел дополнительный курс – общее введение в современную генетику, молекулярную биологию для детей старших и средних возрастов. Задача курса – подъем уровня знаний в области биологии. В школе биология большей частью ограничивается ботаникой. Это странно. Ботаника – наука, безусловно, уважаемая, но мне непонятно, почему она превалирует над базовыми, простыми вещами, которые даже школьник средних классов способен усвоить. Например, устройство генетического кода, понимание того, что такое ДНК и белки, как устроена и как живет клетка. В школе это проходят, но проходят поздно. К тому моменту мозг ребенка перегружен биологией куда более высокого порядка – устройством пестиков и тычинок. Мне кажется, дети в средней школе способны на интуитивном уровне понимать, что такое атомы, молекулы, воздействие между ними».

НЕСТАНДАРТНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

– Кто из русских писателей первым поднял проблему редких и исчезающих видов животных?

– ???

– Гоголь. Он же писал: «Редкая птица долетит до середины Днепра…»

Еще один пущинский преподаватель и русский «баск» – кандидат биологических наук Федор Кондрашев. Он заведует лабораторией в Центре геномной регуляции в Барселоне. В ЗПШ он с года основания, тогда он был школьником. А в последние годы регулярно вел здесь курсы по биологии. В этом году представил экспериментальную программу «Дискуссионный клуб». Школьники читали, например, рассказ «Сельский врач» Кафки, казалось бы, не предназначенный для детей, а потом высказывали спровоцированные им идеи.

– В рамках привычного нам образования люди часто опираются на математический способ мышления, где есть четкие алгоритмы, где учатся решать какие-то задачи. Но это не единственный способ мышления. Есть бесконечное количество других. Даже тот способ, который у нас считают математическим, не единственный способ математического мышления, – объясняет ученый. – Дети чаще всего боятся взрослых. Поэтому я в основном молчал. Иногда даже говорил, что мне надо распечатать задание к следующему занятию, и уходил. Когда возвращался, обсуждение уже начиналось. Если ребенок видит, что его не высмеивают и не бьют по голове, он смело высказывает собственные идеи,

Директор школы Михаил Ройтберг

а в ходе полемики учится отстаивать и корректировать свое мнение и выслушивать чужое.

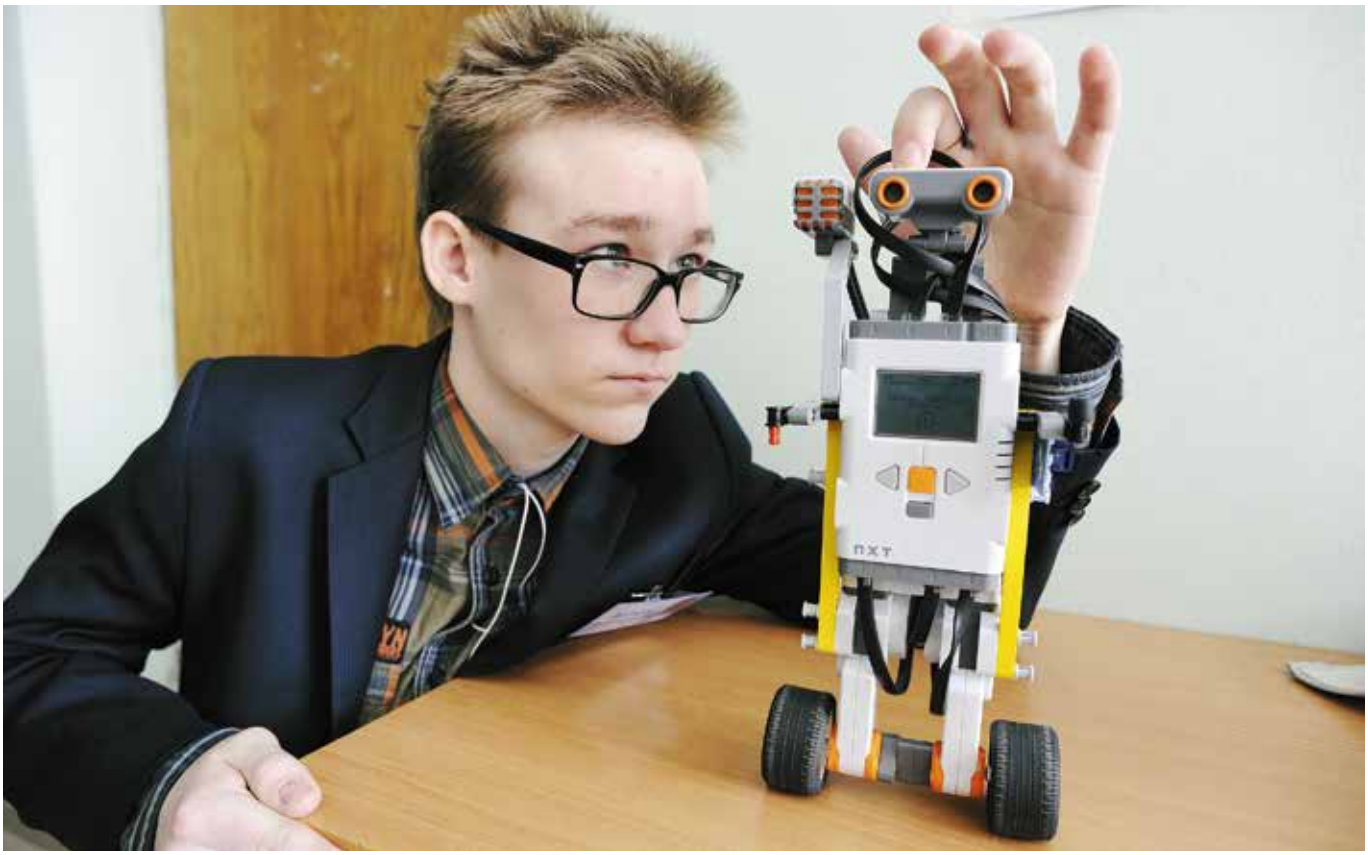
– Проблема, которая нас интересует, – дети с нестандартными образовательными потребностями. И дети сильные, и дети слабые, – говорит директор школы, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией прикладной математики Института математических проблем биологии РАН Михаил Ройтберг. – Когда ребята не понимают, что за мир вокруг них, они приспосабливаются каким-то странным образом. Чтобы их сообразительность не уходила в какие-то неприятные формы, должна быть честная ситуация, понятные правила игры. И ЗПШ – это пространство правильной жизни в том смысле, как мы эту правильность понимаем. При этом мы не хотим быть слишком навязчивыми. У нас читаются курсы по разным методикам, на разном уровне, разного качества. Например, в этом году приехали двое итальянцев, которые вели курс «Наука на кухне». Это было нечто. Они варили спагетти перед кабинетом завуча этой гимназии. Завуч, святая женщина, ничего не сказала, хотя они жарили лук на электроплитке… Были курсы по истории костюма, по декупажу, по решению математических задач… Все наши программы объединяет только одно: ответственность преподавателей перед детьми.

Последние штрихи к своему проекту перед конференцией

В честь школьных учителей надо при жизни устанавливать мемориальные таблички во всех доступных местах. Но много ли школ, где преподают ученые – люди, которые и знают больше других, и лучше других умеют учиться? Чаще учителя получаются из прилежных девочек с рядовыми способностями и учат скорее аккуратности, чем предмету, – но ведь они и сами так выучились!

– Я за неделю в ЗПШ продвинулся на сто лет вперед по сравнению со школьным курсом, – говорит шестиклассник Коля. Он занимался программированием виртуального робота на языке «Кумир». Это простой и очень приятный язык, в нем все команды на русском языке. То есть за короткое время можно выучить язык и понять смысл программирования на любом языке. Решаешь маленькую задачку, потом побольше, потом еще побольше – и готово, наслаждаешься плодами собственной разработки!

Был в Пущино курс и по невиртуальным роботам. «Робототехнику вел шотландский инженер Майк Макфарлан, который сейчас живет в Москве и делает своего робота у нас в хакспейсе «Нейрон», – рассказывает программист, один из главных администраторов ЗПШ Александр Чемерис. – Основная цель курса – показать, что робототехника – это несложно, нестрашно и очень увлекательно. Поэтому для курса были выбраны segway-роботы, то есть балансирующие роботы. Интуитивно кажется, что сделать такого робота очень сложно, потому что мы не видим их в повседневной жизни. На самом деле собрать простого балансирующего робота можно даже из Lego. И программирование там не очень сложное».



Оказывается, собрать робота не так уж и сложно

ЧЕМ ЗПШ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ДРУГИХ ИНТЕНСИВНЫХ ШКОЛ?

Теорема: «Любая сложная проблема разложима в конечное число простых, к сожалению, это число слишком большое».

В чем особенность ЗПШ, объясняет директор школы Михаил Ройтберг: «Наиболее востребованная школа сейчас в нашей стране – это школа достижений, условно говоря. Это школа, которая учит тебя решать какие-то задачи, ты становишься более успешным на олимпиадах, побеждаешь в конкурсах. Такая школа работает с тобой на результат. Это необязательно плохо. Замечательно, когда в летней компьютерной школе в Костромской области просто учат программировать. Ты приезжаешь и три недели учишься программировать. В биошколе, научным руководителем которой является Федор Кондрашев, школьники на серьезном уровне осваивают биологию, занимаясь в настоящих научных лабораториях. А в ЗПШ параллельно читается 15 курсов. Если не считать начальной школы, там отдельная жизнь, там еще семь курсов. Ребенку-старшекласснику предлагается самостоятельно выбрать себе курсы, и он за это отвечает, за свой выбор.

Кроме того, мы берем сюда всех желающих пущинских детей. У нас практически нет отбора. Еще у нас есть дети из детского дома в Тульской области и дети из детского дома с Урала. У нас место, где вместе общаются ребята, увлеченные биологи или программисты, и ребята, которые слабо учатся. Идиллии в этом никакой нет, и в этом году я недоволен тем, как мы работали со слабыми детьми. Просто не хватило ресурсов, у нас волонтерский проект.

Но показательна хотя бы одна история с одним мальчиком из Климовска. У себя в школе, чтобы не быть белой вороной в классе, где никто ничего не делает, он стал учиться на тройки. В ЗПШ он ходил на курс по «Кумиру», был от «Кумира» в восторге, я ему эту программу дал с собой. В конце ЗПШ он сказал своему другу: «Слушай, Мишка, а может, мне правда начать учиться по-хорошему?»

ПУЩИНСКИЙ КЛОН

Возможно, пущинцы будут раздосадованы после такого заявления, но все-таки ЗПШ – это клон Красноярской Летней Школы. КЛШ (или просто – «Калоша») была создана отрядом ученых и студентов во главе с доктором физико-математических наук Владиславом Бытевым в 1976 году. И каждый август, в основной схеме, воспроизводится до сих пор.

– В КЛШ на одной площадке в реальном времени шло несколько по-разному устроенных учебных процессов, – рассказывает доктор наук, биофизик, патриарх КЛШ Михаил Садовский. – Хотя во многом здесь стандартные вузовские приемы преподавания. Лекции-семинары. Высокую эффективность учебного процесса обеспечивает большое количество соревнований – интеллектуальных, интеллектуально-спортивных. У подростков соревновательность в крови. Есть командное соревнование на скорость решения задач. Победителем становится тот, кто не только хорошо решает задачи, но и умеет четко отрецензировать чужое решение, указать чужую ошибку. Есть личное соревнование. Победитель должен набрать наибольшее количество баллов, проходя испытания по 25 различным специальностям. Есть физ-мат-биатлон, аналогичный спортив-

ному биатлону. На нем нужно пробежать дистанцию, успешно решить задачу, за каждую нерешенную пробежать штрафной круг, передать эстафету и т.д. Задачи подбираются таким образом, чтобы победы все-таки оставались не за ногами.

Основатели ЗПШ прошли в свое время через «Калошу» и попробовали в пущинских реалиях организовать такой же образовательный праздник. Нужно было занять на каникулах собственных детей и ребят, приехавших в том году из Чернобыля. Первый же эксперимент оказался удачным, пущинский клон зажил собственной жизнью, хотя до сих пор не рвет связи с красноярской материнской клеткой.

А «Калошу» сравнивают со школой прогрессоров, описанной у Стругацких. Кто читал фантастическую повесть «Полдень, XXII век», должны помнить. КЛШ – это образовательная тирания, жители которой отрезаны от всего остального мира. У красноярских школьников на время учебы даже изымают мобильники. А ЗПШ – более эфемерное, более либеральное и открытое образование. «Очень много кросс-опыления между школами, – говорит Александр Чемерис, который прошел через обе структуры. – Идеи переходят из КЛШ в ЗПШ, и наоборот. Но ЗПШ – намного более динамичная школа. КЛШ – более устоявшаяся. Найдена хорошая форма, и она повторяется из года в год с вариациями. В Пущино мы постоянно экспериментируем, приглашаем новых людей, пробуем новые идеи – педагогические, организационные. И этот опыт потом распространяем на другие школы».

Конференция ЗПШ состоит не из докладов, а из диалогов

«ТОЛЬКО НЕ ЖАЛУЙТЕСЬ МНЕ ТУТ НА ВАШЕ СЧАСТЬЕ»

Владислав Бытев учил молодых преподавателей: «Детей надо любить. Детей нельзя бить. Не позволяйте детям бить себя».

Преподаватели школы сочетают в себе моцартианскую серьезность и глубокомысленный эксцентризм. В пропорции, характерной для героев Жюля Верна или чудаковатых профессоров из фантастических фильмов. Но если в кино профессора пытаются завоевать мир, то в ЗПШ – только умы скептического молодого поколения. Данный счастливый тип наставников выработан самой этой образовательной нишей: за 23 года существования в ходе микроэволюции было просеяно несколько тысяч выпускников. Здесь интеллекту не захочется жить в дупле и довольствоваться самосозерцанием. Ученые здесь артистичны, а предлагаемые ими задания завораживают как сражение с Темным Лордом за философский камень.

Некоторые стажеры (или «зондеры») спят во время школы по три часа. Каждый вечер нужно готовить «экшен» на следующий день. Оборудование должно работать, новые плакаты должны быть придуманы и развешаны, сцены в играх – разработаны и отрепетированы. В КЛШ для пресечения восстания зондеров рядом с директором на каждой ночной планерке висел плакат: «Только не жалуйтесь мне тут на ваше счастье». Но зондеры и не бунтуют, а возвращаются снова – некоторые даже без честолюбивых планов стать преподавателем.

Здесь классно. Похоже, когда человек на долгое время попадает в общество красивых умных людей, его собственный мозг начинает работать в каком-то особом режиме. Решаются даже те задачи, какие ни за что не решились

Виталий Молев, преподаватель младших классов московской Филипповской школы, привез своих учеников в ЗПШ и вел курс по скандинавской мифологии

бы в обычной жизни, а каждая маленькая победа наполняет твое серое вещество эндорфинами, молекулами счастья.

В классах и коридорах ЗПШ постоянно можно увидеть похожие на узлы молекулярной решетки головы учеников и преподавателей, склоненных над бумагой или экраном. Воздух почти трещит от напряжения нейронных полей.

НЕПРИУКРАШЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

У входа в здание, захваченное ЗПШ, несколько дней дежурил преподаватель с большим переносным телескопом. То есть по дороге в школу или из школы можно было посмотреть: днем – на солнечные пятна, а вечером – на хорошо видимый этой весной Юпитер.

– А еще нас водили на радиотелескоп, – рассказал шестиклассник из команды «Мю». – Там, кстати, критично относятся к недавним сообщениям о том, что спутник «Вояджер» покинул Солнечную систему. Он вышел из области солнечного ветра, но еще находится в той зоне, где могут встречаться небесные тела – метеориты, кометы, с нашей системой связанные…

– Главное, что мы пытаемся делать, – это строить ясную картину мира, при этом непротиворечивую и неприукрашенную, – рассказывает директор ЗПШ. – Сейчас везде идет размывание престижа позитивного знания. Обратите внимание: когда вы покупаете на рынке у бабульки пучок редиски, она вам сдачу просто отсчитывает в уме, а когда вы покупаете этот же пучок редиски в магазине, девушка без калькулятора сдачу не даст, она не умеет считать. Или еще история. По «Эху Москвы» была передача – там вполне культурные люди, интеллигентные ведущие. Задавался вопрос к чемпионату Европы по футболу. Ведущая говорит: «Наша команда играет в групповом турнире, там четыре команды, каждая играет с каждой. Ой, не соображу, сколько матчей играет наша команда. Товарищи радиослушатели, подскажите, у меня плохо с арифметикой». Ведущей было реально трудно посчитать. Она не кокетничала. Скажем, двадцать лет назад ведущая знала бы ответ, а если бы не знала – постеснялась бы сказать. А теперь это в норме по всему миру. Грубо говоря, аналитическое мышление не поощряется. А мы делаем простую вещь. Мы говорим: ребята, вы думаете – и хорошо. Смотрите, это не так страшно и даже не больно. Это вполне нормально. И иногда это прорастает. Не так часто, не каждый день, но прорастает.

РАЗДАЧА ПРОЩАЛЬНЫХ СЛОНОВ

«Атомная электростанция выполнила годовой план за миллисекунду. Найдите хоть что-нибудь» – одно из внеконкурсных заданий, над которым школьникам предлагалось подумать на досуге…

– Интенсивные школы хороши, с одной стороны, как совершенно естественное, а с другой – как совершенно ортогональное дополнение к обычной массовой школе. Это не прямое продолжение, это не антагонизм, – говорит Михаил Садовский. – Это первая попытка для подростка сделать шаг в мир следующей социальной группы, в мир студенчества. Слава богу, наши ребята имеют шанс сделать эту попытку в условиях, которые не являются жестокими. Здесь не бывает ситуации провала. Здесь жизнь представляет специальную модель большой жизни, на которой можно много и много чего попробовать.

– Проблема не в том, чтобы заинтересовать ребенка учебой. Проблема в том, чтобы у нас выросли честные, добрые и думающие дети, и тогда, как следствие, они будут интересоваться разумным образованием. При этом они могут сказать: ребята, это образование нас не интересует. И это будет тоже нормально, – резюмирует Михаил Ройтберг.

Всю неделю в школьном коридоре висело огромное дацзыбао: «Если бы не ЗПШ, я бы никогда…» Ребята придумывали свои варианты ответа – кто шутил, кто писал всерьез. Самым емким получилось такое высказывание: «Если бы не ЗПШ, я бы не познакомилась с таким количеством классных людей за такой короткий промежуток времени».

«Я – ВЕРУЮЩИЙ В БОГА ФИЗИК»

АВТОР
СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

АВТОР МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ОДИНОЧЕСТВО В СЕТИ» СОВЕРШИЛ ТУРНЕ ПО РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ.

В РОССИИ ПОЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ БЫВАЕТ часто, но, как правило, ограничивается визитами в Москву. Майское путешествие по северо-западу стало самым затяжным пребыванием Вишневского в России. «С каждым днем мой русский язык становится все лучше и лучше», – признавался писатель во время многочисленных встреч с читателями. На второй неделе путешествия писатель лишь изредка советовался по поводу правильного ударения со своей переводчицей Анастасией, которую упорно называл Анестезией.

Практически в каждом из российских городов у Януша Вишневского была разработана особая программа пребывания. В Калининграде он принял участие в «Библионочи» – глубоко за полночь рассуждал в читальном зале научной библиотеки о моногамии и полигамии. В Вологде открыл памятник польскому классику английской литературы Джозефу Конраду, который в детстве жил здесь вместе со ссыльными родителями. В Санкт-Петербурге Вишневский поработал телеведущим, записав несколько выпусков ток-шоу «Любовь без границ». А еще побывал в Пскове, Череповце и Архангельске.

Его встречи с читателями правильнее было бы назвать встречами с читательницами: как говорит сам Вишневский, около 80 процентов аудитории составляли женщины. У писателя, снискавшего славу эксперта по взаимоотношениям современных мужчины и женщины, спрашивали о разном, начиная с вопросов о смысле жизни и заканчивая просьбами дать советы по поводу того, как вернуть загулявшего супруга. Корреспондент «Русского мира.ru» сопровождал писателя в поездке и записал наиболее интересные из его рассказов.

О ПЕРВЫХ ШАГАХ В ЛИТЕРАТУРЕ

«Я живу во Франкфурте-на-Майне и работаю ученым, пишу компьютерные программы по химии и биологии. По образованию я физик и экономист. Кандидатскую диссертацию защищал по информатике, а докторскую – по химии. Писательство – не главная моя профессия, это, скорее, хобби. Пишу по вечерам и в выходные. Как я всегда говорю, я женат на науке, а литература – моя любовница. У меня множество научных степеней и званий, но в литературе я дилетант. Забавно, что именно это дилетантское увлечение меня и прославило.

В литературу я пришел очень поздно. Мне было 44 года, когда я написал первую строчку романа «Одиночество в Сети». Мне тогда было плохо и очень грустно из-за расставания с женщиной, и я находил в самом процессе письма определенное спасение от душевных неурядиц. Хочу сказать, что я никогда прежде не работал со словом всерьез – не был журналистом, не вел дневника… Но в тот раз я объявил войну своей печали и постарался взбодриться. Конечно, я мог пойти к психоаналитику, как делают многие немцы, но я посчитал, что написать книгу будет дешевле. Издавать написанное тогда не было ни малейших планов.

Но по стечению обстоятельств текст попал в Варшаву, где его прочитали люди, имеющие отношение к издательской деятельности, и «Одиночество в Сети» было опубликовано. Я думал, это первая и последняя моя книга, но она очень быстро стала популярной, и издатели предложили написать что-нибудь еще. «О чем?» – спросил я. «О чем хотите… На вас сейчас спрос», – ответили мне. Так до сих пор и не могу остановиться, потому что до сих пор у меня есть темы, на которые я хочу высказываться».

О ПИСАТЕЛЬСКОЙ «КУХНЕ»

«Литература очищает меня изнутри. До того как стать прозаиком, я написал десятки, если не сотни научных статей и трактатов, но я рассуждал о том, что знал. И никогда о том, что чувствовал, а чувства и эмоции требуют не меньшего осмысления и анализа, чем интеллектуальная деятельность. Я начал писать художественные произведения, потому что стремился к внутреннему балансу.

Есть ли у меня ориентир при создании произведений? Да, он есть. Когда пишу, я всегда держу в голове, что своей книгой отнимаю у читателя не только деньги, но и время, а это ценнее денег. По крайней мере, для меня. Писатель не в силах вернуть время, потраченное читателем на его плохой, скучный или бесполезный роман. Время, которое он мог потратить как-то иначе – есть тысячи способов это сделать. Поэтому я стараюсь максимально разнообразить и насытить интересной информацией те часы, которые человек проведет с моей книгой.

Есть авторы, которые могут прекрасно писать ни о чем на трех страницах. И я очень люблю творчество таких мастеров слова, но сам не стремлюсь писать красиво и рассказываю свои истории сухим языком, похожим на язык журналиста-репор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тера. Рассказ историй – вот на чем стоит литература и без чего она расползается. Истории должны быть в первую очередь интересны и трогательны. Если книга не заставляет сопереживать героям, я назову ее плохой, как бы автор ни прикрывался поиском новых форм. Мои произведения эмоциональны, и это их важнейший ингредиент. Критики пишут – если роман Вишневского состоит из 311 страниц, но в нем будет 312 трагедий. И это недалеко от истины.

Еще для меня особо важна точность пересказа. Должно быть, в этом сказывается мой научный склад. Например, работая над романом «Бикини», действие которого происходит в военном Дрездене, я неделю прожил в этом городе. Дух этого места, конечно, был для меня очень важен, но не только это… Я ходил с часами по улицам и измерял, сколько времени моя героиня будет идти от костела до дома. Я хочу иметь аргументы своей высказанной позиции, хочу быть доказательным, а у правды мелочей не бывает».

О РОССИИ

«Первый раз в Россию я приехал в сентябре 2007 года. Года, когда мой роман «Одиночество в Сети» был переведен на русский язык и книги появились на прилавках. С тех пор я много раз бывал здесь, но визиты получались очень короткими. К тому же издательства посылали меня исключительно в Москву и Санкт-Петербург. Их можно понять, там

расположены самые крупные книжные магазины в стране и аудитория большая. Но и меня, которому все это надоело, тоже можно понять. «Хочу увидеть другую Россию», – твердо сказал я им. И они послали меня в Хабаровск. Было страшно холодно – минус 33 градуса, на Амуре замерз лед толщиной 4 метра. Но было очень интересно, и прием был теплым. Из Хабаровска мы отправились в Новосибирск, где было еще холоднее. Через год я снова взбунтовался и был отправлен в Архангельск, где сибирские морозы показались мне жарким летом. И теперь представьте, как я рад побывать в российской глубинке в теплое время года».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

«Русский язык для меня иностранный, так было и так есть. Я говорю на польском, немецком и английском гораздо лучше. Я живу в Германии довольно давно и ежедневно разговариваю на нескольких языках. В моей компании работают люди из 14 стран, и там я в основном использую английский. На улице и в магазине изъясняюсь по-немецки, дома говорю по-польски. Возможность попрактиковаться в русском языке появилась у меня только сейчас. И знаете, каждый день я чувствую, что говорю по-русски все лучше и лучше. К концу моего турне по городам России, наверное, и вовсе откажусь от переводчика.

Мне нравится мое многоязычие, оно дает мне определенную свободу. И я как могу поддерживаю свое владение языками, причем не только в устном варианте, но и в письменном. На столике в моей спальне всегда лежат три книги – польская, английская и немецкая. Вернусь, положу туда русскую. Столик большой, место есть. Кандидаты уже есть. Очень люблю романы Акунина и Улицкой. И классику, само собой. Сейчас после выхода хорошей экранизации перечитываю «Анну Каренину».

О МЕСТЕ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Живу в Германии, но меня ни в коей мере нельзя назвать немецким писателем. Я польский писатель и пишу только по-польски (научные статьи и монографии получаются и на английском языке, но не художественная литература). Более того, в Германии мои книги не издаются и на немецкий не переведены. Я сам так решил – не продаю права местным издательствам... Хочу оставаться в стране, где живу, неприметным и малоизвестным ученым. В отпуск я покидаю Германию и ныряю в мир шоу-бизнеса с автографами и встречами с читателями, но очень скоро возвращаюсь к белому халату и жизни скромного обывателя.

Моим дочерям такое положение дел не очень нравится. Им бы хотелось, гуляя по книжному магазину с подружками, показать на стеллаж с моими книгами и небрежно произнести: «Папа написал». Но пока мы живем в Германии, такого не будет.

Я могу себе позволить издаваться там, где хочу, не связывая себя контрактом с одним издательством, что погубило немало талантливых писателей. Только в Польше мои книги выпускают шесть издательств. Я диктую им свои условия, а не они мне. У издателей нет инструментов для давления на меня, потому что я пишу не ради хлеба насущного и не умру от голода, если уйду из литературы временно или навсегда.

Я так много работаю, а свободного времени так мало, что не успеваю тратить деньги, которые зарабатываю. Но мои дочери не оставляют меня в беде и помогают расправиться с финансовыми излишками.

Что касается моего места в польской литературе, то я одновременно внутри нее и отдельно от нее. Я мало с кем знаком из польских писателей, в совместных вечеринках не участвую, ни в каких союзах не состою».

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

«Мою книгу «Одиночество в Сети» экранизировали в Польше в 2006 году. Я восхищен фильмом, но экранизация мне не понравилась. Такой вот парадокс. Большой бюджет, играют отличные актеры, лучшие польские артисты, картина безумно красивая и динамичная, Париж показан изумительно. Вот только я писал не об этом. Суть романа не передана. А потому это хороший фильм, но плохая экранизация. Надеюсь, российская версия фильма – а речь идет о восьми сериях – получится лучше.

Русские чувствуют мою книгу лучше, чем соотечественники. В петербургском театре «Балтийский дом» больше трех лет идет спектакль по ней. Превосходный спектакль. Я его трижды смотрел. А один раз даже вышел на сцену в роли бомжа, которого в начале действия спасает от самоубийства главный герой Якуб. Маленькая роль, но важная. В польском фильме я его тоже сыграл. На экране я меньше минуты, но снимали мы больше четырех часов. 17 дублей, можете себе представить? Вот уж кем точно никогда не стал бы, так это актером».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

О ЗАПРЕТНЫХ ТЕМАХ

«Я жил за железным занавесом и знаю, что такое цензура. Мне было бы очень сложно писать в условиях цензурных запретов. Я считаю, что для писателя не может быть запретных тем, потому что если эти темы возникают, то они являются частью человеческой жизни. Однако внутренняя цензура все же должна быть у каждого автора. О чем я никогда не буду писать? О личной жизни. К сожалению, сейчас эта тема очень популярна. Все пишут книги. Актеры снимаются в сериале и тут же выпускают мемуары, как проходили съемки, чем они занимаются ночью, а чем утром и какое блюдо особенно удается их пятой жене.

Многие считают меня атеистом, потому что в своих книгах я иногда нелицеприятно отзываюсь о служителях церкви. Но это не так, я – верующий. Верующий в Бога физик. Если наука не может доказать, что Бога нет, значит, он есть».

О РОДИТЕЛЯХ

«Моя мама была немкой, она родилась в Берлине. Мой папа был польским солдатом, который четыре года провел в концентрационном лагере. И все эти жизненные перипетии не помешали им встретиться и влюбиться друг в друга. О сложностях в польско-немецких отношениях я не в газетах читал, я переживал их дома практически ежедневно. Когда мама и бабушка принимались на кухне сплетничать о личной жизни соседок, они переходили на немецкий, чтобы мы, дети, не понимали, о чем они говорят. Но когда папа слышал немецкий язык, у него волосы на руках вставали дыбом от ужаса. Вместе с тем папа не учил меня ненавидеть немцев, а мама не учила их любить.

Я потерял маму, когда был молодым человеком, но все эти годы после ее смерти я веду с ней непрерывный диалог. В итоге этот диалог перерос в книгу «На Фейсбуке с сыном», которая посвящена моей матери. Она умерла до изобретения Интернета, но мама была очень современной женщиной, и я уверен, у нее сегодня была бы своя страничка в социальных сетях, где мы бы с ней общались. В итоге я завел эту страничку сам и веду ее по сей день. Так мне проще смириться с утратой.

Книга начинается вечеринкой в аду, в которой моя мать встречает множество известных людей, от Сергея Есенина до Мэрилин Монро, все самые интересные люди мировой истории обретаются там. Многих читателей и критиков шокировало, что я поместил свою нежно любимую маму в ад. Но я погрешил бы против истины, если бы поступил иначе. У мамы было три мужа и два незаконнорожденных ребенка, а это осуждается церковью и общественной моралью».

О ЛЮБВИ И ЖЕНЩИНАХ

«Все мои книги о любви, даже детская. Когда пишу о любви, не забываю о том, что я химик. Знания в этой науке помогли мне многое понять в природе человеческой привязанности. Любовь – это тоже химия, и, если мне дадут доску и мел, я могу доказать это формулами. Я приблизительно знаю, какие процессы и реакции происходят в мозгу влюбленных мужчин и женщин. И какие продукты и субстанции возникают в результате этих химических реакций. Очень опасные субстанции. Сродни отравлению.

Женщины часто просят меня дать совет, как жить и какими быть. Я отвечаю так – будьте умными. Умные женщины очень привлекательны и желанны. Страсть к разговору, по моему мнению, главная страсть в отношениях между мужчиной и женщиной. Если мужчина спешит из офиса на ужин домой, чтобы рассказать жене, как прошел день, это и есть любовь. По-моему, неверность начинается тогда, когда супруги перестают разговаривать друг с другом и начинают искать собеседников на стороне».

«Я ЦЕНЮ ТО, ЧТО У МЕНЯ УЖЕ ЕСТЬ»

БЕСЕДОВАЛА
ВЕРА МЕДВЕДЕВА

В 25 ЛЕТ ВЛАДИМИР КРАМНИК ПОБЕДИЛ ГАРРИ КАСПАРОВА И СТАЛ ЧЕМПИОНОМ МИРА ПО ВЕРСИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШАХМАТНОЙ АССОЦИАЦИИ. В 31 – ОФИЦИАЛЬНЫМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫМ ЧЕМПИОНОМ МИРА. СЕЙЧАС ЕМУ ВСЕГО 38, И ОН НАЗЫВАЕТ СЕБЯ АБСОЛЮТНО СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

– В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА ШАХМАТЫ, как балет и космонавтика, были одним из символов Советского Союза на международной арене. Чемпионов узнавали и носили на руках, шахматные кружки действовали чуть ли не при каждой школе. За чемпионатами мира следила вся страна… Сейчас же складывается впечатление, что шахматисты живут своей обособленной жизнью, о которой мало знают непрофессионалы. Как можно охарактеризовать нынешнюю ситуацию в мировых шахматах?

– С 50–60-х годов вплоть до 90-х в Советском Союзе шахматы очень серьезно поддерживались на уровне государства, причем не только финансово, но и, выражаясь современным языком, с помощью пиара. Шахматные программы показывали по Центральному телевидению, о шахматных турнирах рассказывали в новостях, Анатолий Карпов был в СССР суперзвездой на уровне нынешнего футболиста Роналду. Но не нужно забывать, что и эпоха была другая, ведь сегодня гораздо больше развлечений: Интернет, различные шоу, компьютерные игры. Я сам родился и вы-

ИТАР-ТАСС

рос в провинции, в Туапсе, так у нас там и театра не было. Шахматы же оставались для всех доступной интеллектуальной формой досуга.

Безусловно, немаловажным был и политический момент, так как с помощью шахматных побед на мировых турнирах СССР пытался в том числе доказывать и свое интеллектуальное превосходство. А когда дело касается политики, то поддержка со стороны государства выходит уже на другой уровень. Например, долгое время на Западе шахматы были не особо популярны. Но во времена Фишера, после его победы над «советской машиной», появился резкий всплеск интереса к этой игре.

Сегодня шахматы ушли от политики, что лично мне представляется правильным. Все-таки шахматы – это искусство, и когда к ним слишком активно начинают примешиваться какие-то политические интриги, то мне это не особо симпатично. В целом шахматный мир у нас сейчас развивается вполне неплохо. Были периоды огромного упадка в 90-х годах и начале нулевых, появились две мировые шахматные ассоциации, и, соответственно, одновременно существовали два чемпиона мира, да и в целом наблюдалось огромное количество скандалов.

Однако удалось провести объединение, и с 2006 года все пошло по нарастающей. Развитию этого вида спорта способствует и то обстоятельство, что ситуация с шахматами улучшилась не только на уровне чемпионатов мира, но и внутри отдельных федераций, а это означает, что появилось много шахматистов высокого уровня. Если раньше большинство гроссмейстеров были из Советского Союза, то сегодня мы наблюдаем исключительно сильных игроков из Норвегии, Индии, Соединенных Штатов. Интерес в мире к шахматам начал расширяться.

– Есть такие виды спорта, как, например, спортивная гимнастика, где никто не дает советов. В футболе же, теннисе и шахматах каждый прикасавшийся к мячу, державший в руках ракетку или игравший в шахматы с соседом считает себя вправе рассуждать о действиях профессионалов. Вы с этим сталкивались?

– Существует известная шутка: «В чем отличие футбола от шахмат? В футболе все понимают, но никто не умеет, а в шахматы все умеют, но никто не понимает». Для того чтобы получать удовольствие от наблюдения за игрой в шахматы, нужно иметь определенный уровень. Играть самому можно при любой степени мастерства, а следить за игроками на турнирах без понимания того, что именно там происходит, не так интересно. Поэтому наш вид спорта никогда не будет иметь многомиллионной аудитории.

Но, с другой стороны, я много раз замечал, что когда человек уже понял суть и эстетику игры, то он уже на всю жизнь привязывается к шахматам. Открывается новый большой мир, множество вариаций и стилей. Могу сказать, что в Интернете у шахматных турниров – очень большая аудитория. Сейчас во время крупных турниров к шахматным доскам подключены кабели, и каждый ход сразу же попадает на специализированный сайт в Интернете. И когда проходят онлайн-трансляции на первенство мира, то число посетителей на сайте достигает миллионов человек.

– Когда гроссмейстеры дают сеансы одновременной игры, то это всегда поражает публику. Такие сеансы демонстрируют особое интеллектуальное напряжение или, наоборот, особый артистизм и легкость?

– Ни то и ни другое, скорее, такие сеансы – это стремление доставить удовольствие любителям шахмат. Профессиональному игроку их провести намного легче, чем сыграть одну партию с сильным соперником. Рискую разочаровать, но скажу, что сеансы одновременной игры для профессионала – это совсем не сложно. Лично мне кажется невероятным, когда музыканты помнят наизусть огромное количество произведений, а для них это – вполне естественно. И наоборот, музыканты мне говорили, что не представляют себе, как можно играть в шахматы вслепую, хотя для шахматистов так играть даже на нескольких досках вполне нормальное явление.

– А когда шахматисты на пресс-конференциях рассказывают, что им особенно хорошо играть в том или ином городе, то они говорят так из вежливости перед хозяевами или и правда есть разница, где играть за доской?

– Действительно есть. Бывают места, где всегда чувствуешь себя легко и комфортно, например там, где уже выигрывал. Все это откладывается где-то в подсознании. В частности, для меня таким городом является Дортмунд в Германии. Тамошний турнир я уже выиграл десять раз и даже попал в Книгу рекордов Гиннесса. До этого Каспаров выигрывал один и тот же турнир девять раз. Не могу объяснить почему, но мне всегда в Дортмунде приятно играть. Обычно для меня игра идет хорошо также в Лондоне. И наоборот, есть один отличный турнир в Голландии, на котором очень приятная атмосфера, но игра у меня там чаще всего не ладится. Есть даже части света, где мне менее комфортно.

– А есть ли какие-то свои секреты для концентрации во время турниров?

– Эмоционально я достаточно ровный человек, поэтому как-то специально себя не настраиваю. Прихожу обычно в спокойном и даже расслабленном состоянии, а когда начинаю играть, то уже вхожу в ритм игры. Не могу сказать, что я сильно нервничаю – ни до партии, ни во время нее. Эта черта является моей сильной стороной, но отчасти она же – и слабая сторона, поскольку есть очень нервные шахматисты, которые умеют осо-

бо концентрироваться в нужный момент. У меня же никогда не было умения достичь какой-то нечеловеческой концентрации. Это может произойти только в состоянии определенного нервного драйва, которое мне недоступно.
А вот снятие стресса и усталости после партии – это проблема для всех шахматистов. Мы же играем каждый день, партии могут длиться, например, по семь часов, поэтому нужно уметь быстро восстанавливаться. У многих шахматистов проблемы со сном, поскольку они мысленно вновь и вновь возвращаются к только что сыгранной партии. Иногда до утра лежишь и анализируешь свои ходы. Мы играем после обеда, партии заканчиваются в восемь-девять вечера, поэтому остается совсем немного времени, чтобы прийти в себя и отдохнуть, а еще нужно подготовиться к следующей партии.

– Когда вы точно решили, что ваша судьба – это профессиональные шахматы?
– Я с детства был уверен, что стану шахматистом. Родители помогали в этом, но особо не подталкивали к такому решению. Игра меня увлекла сразу, и была такая детская уверенность в том, что непременно буду играть как профессиональный шахматист. Сейчас-то я понимаю, какая это удача и какой мне выпал шанс – один из миллиона. Я никогда не мечтал быть ни пожарным, ни космонавтом, лет с шести-семи знал, что хочу заниматься шахматами. Начал хорошо играть довольно рано, уже через год после окончания школы входил в десятку лучших шахматистов мира. Поэтому даже не было вопросов, что делать в жизни. Мне повезло, что я попал в то время, когда еще сохранялись остатки господдержки шахмат. Лет с 12 я некоторое время получал стипендию в 80 рублей, что по тем временам было совсем неплохо. Кроме того, за счет государства меня обучали в самой знаменитой на тот момент школе Каспарова – Ботвинника. Поэтому можно сказать, что то поколение шахматистов, которое застало эту систему поддержки, выросло очень сильным в профессиональном плане.
И сегодня есть множество талантливых ребят, сейчас легче совершенствоваться и ездить, если позволяют средства, по международным турнирам, но трудно расти и приобретать базовый опыт. Например, у нас в Туапсе никаких особых шахмат не было, но когда заметили мои успехи, то без всякого участия родителей связались с Москвой и дали мне возможность продолжать развиваться там дальше. «Селекция» сразу сработала, и меня пригласили в лучшую школу Советского Союза. К счастью, сейчас можно сказать, что за последние годы система такой селекции талантливых ребят восстанавливается.

– А вы следите за тем, что делают китайцы? Они ведь активно копировали в том числе и опыт СССР по отбору и обучению талантливых детей.

ИТАР-ТАСС

– Конечно, китайцы заметно растут в шахматах. Женские шахматы у них сейчас одни из лучших в мире, мы здесь практически на одном уровне. Мужские по общему зачету – уже в десятке, но пока уступают российским. По крайней мере, ни одного китайского шахматиста пока в мировой десятке нет. Мне кажется, некая ущербность китайского подхода заключается в том, что они все «варятся в собственном соку». Китайцы работают только со своими китайскими тренерами, поэтому, достигая определенного высокого уровня, они начинают стагнировать. Дело в том, что с какого-то этапа обязательно нужны свежие идеи и свежий взгляд. Поэтому пока китайские шахматисты не представляют какой-то особой угрозы для всех остальных.

– А как обстоят дела с шахматами во Франции, в которой вы живете уже десять лет? Или здесь – счастливая семейная жизнь, а шахматы – в других странах?
– Похоже, что так, поскольку во Франции сейчас не проводятся турниры высокого уровня. Прият-

ным исключением был проходивший этой весной в Париже мемориал Алехина. Такое положение дел кажется довольно странным, ведь в XIX веке Париж и Лондон считались двумя мировыми шахматными столицами. Сейчас же до мемориала Алехина в Париже почти двадцать лет не проходили турниры мирового уровня. И это немного обидно. Интерес к игре есть, это можно увидеть по количеству зрителей, и сборная у французов перспективная, а кроме того, многие влиятельные люди интересуются шахматами. Но почему-то эта игра оказалась на втором плане, и шахматная жизнь здесь не очень активная.

– Вам, наверное, приходилось читать довольно поверхностные описания стилей игры знаменитых шахматистов. А как бы вы сами могли охарактеризовать свой собственный стиль?

– Можно пытаться описывать стили словами, но это не будет правдой, все эпитеты здесь очень условны. В принципе, если уж совсем примитизировать, то можно сказать, что лично я – игрок позиционного плана, не атакующе-агрессивного. Но если нужно, могу и атаковать. Наверное, мой стиль находится посередине между стилями Карпова и Каспарова, поскольку мое становление было в их эпоху, и именно они больше всего повлияли на меня. Хотя, замечу, и это описание очень условно.

– А остались ли у вас на вашем уровне профессионализма какие-то шахматные идеалы, к которым нужно стремиться?

– Мне кажется, никогда не было и не будет идеального шахматиста. У меня никогда не существовало такого кумира, которому непременно хотелось бы подражать.

– Как вы относитесь к особо активному самопиару, который сейчас приходится наблюдать сплошь и рядом?

– Лично мне ни слава, ни рукоплескания по большому счету не нужны. В современном шахматном мире такое поведение можно встретить реже, почти все топ-игроки являются самодостаточными людьми.

Вообще, зачастую совершенно неправильно представляют себе шахматистов, прочитав блестящий роман Набокова «Защита Лужина» или «Шахматную новеллу» Стефана Цвейга или ознакомившись с некоторыми поступками эксцентричного Фишера. Шахматист в представлении многих людей – это старенький, лысенький, чудаковатый человек с некоторой склонностью к скандалам, но при этом супергений. Однако такое описание совершенно не соответствует действительности. Нынешние шахматисты – это люди очень адекватные, которые могут разговаривать на любые темы. Они достаточно интеллектуальны, но я бы не сказал, что это какие-то супергении. И никаких особых чудачеств за ними не замечается.

Наверное, этот миф о шахматистах нам немножко мешает. С одной стороны, есть огромное уважение к шахматистам, может быть, даже чрезмерное, но с другой стороны, в нас видят каких-то странных людей, не от мира сего. Лично я, например, увлекаюсь очень многими вещами в жизни: искусством, музыкой, люблю читать о мировой политике и экономике. Пытаюсь участвовать в полезных социальных проектах. Например, в ряде стран сейчас вводят в школы шахматы как факультативный предмет. Такой проект очень сильно набрал обороты в Англии, где во многих школах один-два раза в неделю дети по желанию могут заниматься шахматами. Даже правительство к этому подключилось. В России такой проект пока, к сожалению, идет с большим скрипом. Мои друзья в Испании и Швейцарии тоже пытаются развивать факультативы шахмат, а я по мере сил, без всяких денег, им стараюсь помогать. Но, конечно, на первом месте у меня семья, тем более что четыре месяца назад родился второй ребенок.

– А с вашей женой, француженкой, вы познакомились благодаря шахматам?

– Можно сказать, что так. Она много лет работала в «Фигаро», заведовала отделом «Дебаты и мнения», и единственная в этой серьезной газете что-то понимала в шахматах, поскольку играла в детстве. Поэтому когда нужно было написать материал о шахматах – а это во Франции происходит довольно редко, – то посылали ее. Когда я выиграл в 2000 году первенство мира у Каспарова, мою будущую жену послали в Лондон взять интервью. Потом было еще несколько редких встреч за три года, ведь я не жил тогда в Париже. Сейчас мы уже десять лет вместе и очень счастливы. И у нас практически не бывает никогда никаких ссор. Поэтому мне даже пожаловаться не на что – ни в личной жизни, ни в профессиональной.

– Редко когда такое можно услышать. Не так много людей умеют ценить то, что им подарила судьба.

– Здесь на Западе очень распространен такой подход, когда люди считают, что может быть только лучше, но никак не хуже. Я же очень ценю то, что у меня уже есть. Моя мотивация никогда не была зациклена на конкретном результате, мне всегда просто хотелось максимально хорошо сделать то, за что я брался. Я даже никогда не ставил себе специально цели стать чемпионом мира. Представляю, каково это слышать людям, которые годами живут этой мыслью, но у них не получается.

Я всегда стараюсь радоваться тому, что есть, хотя, конечно, хочу и постоянно что-то улучшать. Но такое улучшение больше носит творческий характер, а не материальный. Сейчас моей старшей дочке четыре года, начинается очень интересный процесс воспитания, не хочется ничего упустить. Скучно в жизни не будет, я в этом уверен.

ИЗ СУХАРЕВОЙ БАШНИ РОДОМ

БЕСЕДОВАЛ
МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II БЫЛА МАСТЕРИЦЕЙ НА ЧЕКАННЫЕ ФРАЗЫ. СЛУЧИЛСЯ ПОВОД, И ГОСУДАРЫНЯ ЗАЯВИЛА: «КАДЕТСКИЕ КОРПУСА ЯВЛЯЮТСЯ НАДЕЖНЫМИ ПОСТАВЩИКАМИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ РОССИИ». О ТОМ, НАСКОЛЬКО ВЕРНЫ ЭТИ СЛОВА СЕГОДНЯ, И ШЕЛ РАЗГОВОР С ДИРЕКТОРОМ ВСЕРОССИЙСКОГО ФЕСТИВАЛЯ ТВОРЧЕСТВА КАДЕТ «ЮНЫЕ ТАЛАНТЫ ОТЧИЗНЫ» НИКОЛАЕМ АНТИПОВЫМ.

– НИКОЛАЙ ГУРЬЕВИЧ, В КОНЦЕ мая в российских школах звенит последний звонок. Кадетские корпуса – не исключение. Последний звонок, последнее торжественное построение выпускного класса, прощание с корпусным знаменем… Но первый вопрос далеко не праздничный. При прежнем министре обороны для кадет, суворовцев и нахимовцев были отменены все льготы при поступлении в высшие военно-учебные заведения. Каким образом это сказалось на российском кадетстве?

– Все верно, теперь выпускники кадетских корпусов оказываются в режиме «свободного плавания». За исключением тех, кто учился в специализированных корпусах различных силовых ведомств. Эти ребята в большинстве своем идут, как говорится, по профилю. Например, воспитанники 5-го Преображенского кадетского корпуса при ФСБ. Другой пример: кадетская школа-интернат №9, более известная как «Московский пансион государственных воспитанниц», заключила договор со службой судебных приставов. Многие девочки дальнейшее образование будут получать по этой специальности.

Что же касается процента поступающих в военные вузы, то он, к сожалению, невелик. Ребята, получившие хорошее среднее образование, специальные навыки, отличную физическую подготовку, выбирают по большей части гражданские специальности. А то, что в кадетских корпусах уровень подготовки выше, чем в обычных школах, подтверждается тем, что в институты и университеты поступает подавляющее большинство вчерашних кадет. Так, кадеты Красноярского корпуса идут в основном в Сибирский федеральный университет.

– А чем обусловлен высокий уровень подготовки в кадетских корпусах?

– Исторически. В отличие от современной общеобразовательной школы, в которой образование доминирует над воспитанием, сама природа кадетского корпуса такова, что две эти ключевые позиции сбалансированы. Прибавьте к этому вековые традиции. В Российской империи все кадетские корпуса принадлежали военному ведомству. И, по идее, их воспитанники должны были автоматически превращаться в офицеров. Но на практике кадеты пополняли все государственные структуры империи, достигая заслуженных высоких чинов и социального положения. Эта традиция – не только учить, но и воспитывать – в кадетстве не умерла. Несмотря на то, что в течение семи десятков лет кадетские корпуса в СССР отсутствовали. Но ведь Суворовские и Нахимовские училища, организованные по тем же принципам, дали стране большое число талантливых и просто высококвалифицированных людей.

– И сколько лет этой традиции?

– Формально появление кадетских корпусов в России датируется 1732 годом. Однако я думаю, отсчет надо вести с 1701 года, когда по велению Петра I появилась Навигацкая школа. Школа математических и навигацких наук, первым директором которой был сподвижник царя Яков Брюс. Эта школа – предтеча Морского корпуса и всей имперской кадетской системы. Дабы не было конфуза, надо сказать и о том, что кадетские корпуса – не российское изобретение. Они появились в XVII веке в Пруссии, затем – в Англии, Скандинавских странах. Но царь Петр был внимательным человеком. Углядел во время заграничных вояжей и запустил систему в России.

– Кто знает, может быть, поэтому иноземное изобретение стал внедрять подданный иноземного происхождения…

– Да, Яков Брюс по крови шотландец. Но служил царю и России верой и правдой.

– Можно арифметически сопоставить количество кадет и кадетских корпусов императорской России начала XX века и России современной?

– Конечно. В царский период система была проста и понятна. 40 корпусов, все до одного работали в режиме интернатов. Или пансионов, если угодно. В среднем 400 кадет в корпусе. И очень внушительное штатное расписание персонала. На трех кадет приходился один взрослый. Сейчас считать несколько труднее. Потому что кадетская система образования сегодня – это несколько форм. Есть классическая, в виде школы-интерната. Но таких кадетских образовательных учреждений – меньшинство. Первопричина – экономическая. Обучение с пансионом в Москве обходится бюджету в три раза дороже, чем обучение в обычной школе. Сейчас в столице 20 кадетских учреждений, но

только половина – корпуса классического типа. Если говорить о всей России, то количество таких корпусов – более 100. Но ведь это далеко не все, что имеет кадетская система. Есть кадетские школы. И есть кадетские классы в обычных школах.

– В чем отличия?

– Кадетская школа не имеет пансиона. С первого по четвертый класс ребята учатся обыкновенным образом, и только в пятом классе становятся кадетами. То есть появляются специальные дисциплины, военная подготовка, кадетская форма и знаки различия. Кадетские классы – это просто спецклассы в обычных школах. Наподобие того, как в советское время в общеобразовательных школах существовали спортклассы. Почему появилась такая система? Ответ прост: кадетство восстанавливалось в разных регионах по-разному. Где-то имелись средства и возможности сразу реализовывать идею по максимуму, где-то нет. Поэтому сначала класс, потом – школа, потом – корпус. А где необходимости или возможностей так и не возникло, ограничиваются кадетскими классами.

– С вашей точки зрения, какой подвид работает эффективнее?

– Однозначно не скажешь. В Москве разница между корпусом и школой очень заметна…

– В пользу?..

– В пользу такой формы, как корпус, разумеется. А вот в Чувашии одна школа-интернат, а все остальное – кадетские классы. Но уровень воспитания и образования в этих классах чрезвычайно высок. Это подтверждается теми работами, что присылают на наш фестиваль эти ребята.

– Со структурой разобрались. А как быть с проблемой юридической прикрепленности? Несколько лет назад я присутствовал при дискуссии, на которой весьма серьезно спорили по поводу того, что принадлежность корпусов к разным министерствам сильно осложняет кадетам жизнь.

– Сейчас этой проблемы нет. 98 процентов кадетских образовательных учреждений принадлежит Министерству образования. 1,5 процента – Министерству обороны. Это – Суворовские училища и единственное сохранившееся Нахимовское. И недавно созданные 3–4 заведения с довольно странным названием – президентские кадетские училища. Президентские – это хорошо, кадетские – тоже. Но почему училища, а не корпуса? Оставшиеся 0,5 процента – это корпуса штучные, принадлежащие другим силовым ведомствам.

– Вы считаете правильным, что кадетские корпуса подчинены системе Министерства образования?

– Да. Передать кадетские корпуса армии можно только при одном условии: если все они, как в императорской России, будут полными пансионами. А это сегодня и с экономической, и с организационной точек зрения для Министерства обороны задача непосильная. И такое решение было бы нерациональным.

– Мы уже коснулись кадетских традиций. По части воспитания, образования, особой подготовки. Но есть еще такое понятие – дух кадетства, замешанный на высоком чувстве патриотизма. И раньше он формировался прежде всего благодаря тому, что большинство кадет готовило себя к службе в армии, к офицерскому чину. Работала линейка понятий: мальчик-кадет – юноша-юнкер –

мужчина-офицер. Нет ли сегодня какого-то системного противоречия, обусловленного тем, что нынешний кадет – воспитанник, скажем так, мирного министерства?

– Дело тут не в ведомственной принадлежности корпуса, а в человеческом факторе. В тех корпусах и школах, где заместитель директора по воспитательной части занимает свое место, там и процесс патриотического воспитания идет достойно. К слову, практически во всех корпусах эту должность занимают кадровые офицеры. Причем не молодые лейтенанты, а майоры и полковники. Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Кадровая реформа Сердюкова по сокращению офицерского состава армии – тот самый случай. Немало достойных офицеров вынужденно ушли со службы. И кадетские корпуса получили прекрасное пополнение.

Недавно я пригласил на наше мероприятие одного человека, крайне далекого от кадетского мира. Он поехал, переполненный скепсисом. Ждал, что увидит худшую часть юного поколения. На самом деле среди людей бытуют такие представления, что в кадетские корпуса отправляют тех ребят, что в нормальный социум не вписываются. Короче говоря, корпус – это скопище подростков-маргиналов. На обратном пути этот человек признался, что потрясен. Никак не ожидал, что его встретят десятки ясных и умных глаз, что проходящие мимо кадеты будут здороваться, уступать дорогу, что ребята выглядят подтянуто, аккуратно, по-военному щегольски. А ведь это тоже традиции. Поведенческие, повседневные. И прививают их офицеры-воспитатели.

– Можно нежно любить педагогику, но материальная мотивация сегодня играет особую роль. В кадетских корпусах у педагогов есть какие-то финансовые преимущества перед педагогами обычных школ?

– Я знаю только то, что в большинстве случаев люди, работающие в кадетских корпусах, получают достойную их труда зарплату. Но и работают от рассвета до заката. Не хочется выглядеть эдаким наивным идеалистом. Ясно, что и в кадетской системе есть недостатки, сбои, конфликты интересов, какие-то нарушения, но я говорю об основных тенденциях, о мейнстриме развития этого дела в России.

– Может быть, прозвучит резко, но сегодня в России словосочетание «школьный учитель» равносильно понятию «неудачник». Что душой кривить: не престижно, не модно, не выгодно, не перспективно. А в некоторых случаях – унизительно и опасно. Скажите, люди, работающие в кадетских корпусах, имеют другое самоощущение?

– Уверен, что да. «Я преподаю в кадетском корпусе» – это звучит достойно. И среди преподавателей, я знаю, достаточно тех, кто имеет высокую аттестацию, звания, получал президентские гранты и так далее. Как я понимаю, педагогу тоже не все равно, кого учить. А учить кадет – это в профессиональном смысле интересно. В корпусах обмен энергией между учителем и учениками происходит куда более интенсивно, чем в обычной школе.

– Дух человеческий проявляется не только через честное служение, подвиг, но и через творчество. А это уже непосредственно по вашей части. В этом году вы проводите VI Фестиваль творчества кадет. Это семь номинаций: «технологические инновации», «социальные инновации», «музыка», «художественное творчество», «журналистика», «фотография», «кино–видео». Разумеется, накопились какие-то наблюдения, оценки, представления. Если коротко – оно того стоит?

– Коротко не получится. Лучше приведу пример, а уж вы сами решайте, стоит этим заниматься или нет. Из Оренбургского кадетского корпуса прислали фильм. В нем рассказывается о здании, в котором еще при царе-батюшке находился знаменитый Оренбургский казачий кадетский корпус. Потом там расположилось летное военное училище, которое, кстати, оканчивал Юрий Гагарин. А еще потом… До сих пор это здание находится на балансе Министерства обороны. Хотя зданием в полном смысле слова это назвать нельзя. Самая мягкая оценка – натуральная помойка с неизбежными бомжами. Вот ребята из корпуса и нашли адрес, сняли бескомпромиссный фильм, причем отлично сделанный с телевизионной точки зрения. Вот вам и творчество, вот вам и дух патриотизма. Оргкомитет фестиваля решил отправить копию президенту Российской Федерации.

Еще одно наблюдение: нет постоянных лидеров на фестивале. Каждый год приносит новые имена, новых победителей. А это значит, что творческое соревнование идет и ширится.

– Кстати, о широте. Имеются в виду широты географические. Наверное, не все везде одинаково идет?

– Конечно. Есть регионы, где кадетское движение в зачаточном состоянии или вовсе отсутствует.

«Сегодняшние вложения в кадетство завтра принесут замечательный кадровый ресурс. В политику, науку, бизнес придут ребята не просто образованные, но воспитанные в национальном духе, вскормленные патриотическими традициями. Просто физически здоровые и тренированные».

– В Якутии?

– Вы удивитесь, но Якутский кадетский корпус – один из самых интересных в творческом отношении. Хороший образовательный уровень, кадетская составляющая плюс местный менталитет – и в результате мы уже привычно ждем из Якутска сюрпризов.

– Есть в России регионы, где кадетские корпуса возникнуть не могут как раз по причине местного менталитета. Я говорю о республиках Северного Кавказа. Или я ошибаюсь?

– Уже возникли. Один из лучших корпусов находится в Дагестане, в Дербенте. Именно оттуда мы получили одну из самых ярких работ. Фильм называется «Шестая рота». Тема понятна. Непонятно, каким образом совсем еще молодые ребята так точно и глубоко смогли осознать и показать все те сложные нюансы взаимоотношений кавказцев и русских, что сопутствуют нашим народам веками.

– Николай Гурьевич, ваш фестиваль – это не только собственно конкурс. Это постоянно действующая модель общественной поддержки кадетства в России. Точнее, кадетского творчества. На федеральном уровне известна еще одна организация, активно занимавшаяся кадетскими программами. Это – Фонд Йордана. Я, по крайней мере, о других не слышал. Не густо, верно?

– Не густо. Кстати, когда возникла идея проведения такого фестиваля, нам помогли именно Фонд Йордана и Министерство образования. Если же говорить о благотворительности в адрес кадет, о неком системном интересе к этой проблематике со стороны так называемого крупного социально ответственного бизнеса, то тут похвастаться нечем. На региональном уровне помощники и меценаты есть. Как правило, это точечная помощь конкретному корпусу. И тут многое зависит от директора корпуса и от отношения к корпусу со стороны местных властей и местных предпринимателей. Но я акцентирую внимание именно на том, что в масштабе всей страны кадеты «в списках не значатся». Речь не о текущем финансировании, не о содержании корпусов. Тут – его величество бюджет, который исполняется строго. Речь о другом – о национальных конкурсах, слетах, фестивалях, соревнованиях, популяризации в самых разных формах, в том числе в федеральных СМИ. Еще раз констатирую: тут на помощь ни большой капитал, ни мощные общественные структуры что-то не спешат. А ведь сегодняшние вложения в кадетство завтра принесут замечательный кадровый ресурс. В политику, науку, бизнес придут ребята не просто образованные, но воспитанные в национальном духе, вскормленные патриотическими традициями. Просто физически здоровые и тренированные. Странно, что это так трудно понять. Скажу больше, в Министерстве образования нет такого человека, который по должности курировал бы деятельность кадетских корпусов и кадетское образование.

– Честно говоря, сегодня и про работу Фонда Йордана ничего не слыхать. Ну а вы-то притормаживать не собираетесь?

– Никоим образом. Сейчас мы начали еще один проект. Хотим создать виртуальный музей истории российского кадетства. Музей включит в себя четыре блока: кадеты царской России с 1701 по 1917 год; кадеты в изгнании с 1922 года; Суворовские училища начиная с 1943 года; современные кадетские корпуса – с 1992 года. И чем дальше мы погружаемся в эту работу, тем глубже понимание, сколько всего интересного и важного нас ждет. Один только момент: до сих пор неизвестно, как выглядела Сухарева башня внутри, какими были ее интерьеры во времена Навигацкой школы. И вот сейчас с большой долей уверенности могу сказать, что необходимые документы нами вот-вот будут найдены. И мы посмотрим на классы Сухаревой башни глазами первых русских кадет.

***

Именно – кадет, и никак иначе! А не кадетов, как говорят сегодня. Такова уж еще одна традиция и Русской армии, и русского языка. Лермонтов был из гусар, а не из гусаров. Маршал Жуков был из драгун, а не из драгунов. Достоевский – из кадет. А из кадетов был Милюков, лидер Конституционно-демократической партии, существовавшей в России с 1905 по 1917 год. Тот самый, не без усилий которого чуть менее века назад Россия лишилась кадетских корпусов.

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ

БЕСЕДОВАЛА
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТО
АНТОНА БЕРКАСОВА

«ФРАНЦУЗСКАЯ ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ – МАШИНА, КОТОРАЯ ОТБИРАЕТ ДЕТЕЙ У РОДИТЕЛЕЙ, ПОМЕЩАЕТ ИХ В ПРИЮТЫ, ПРИЕМНЫЕ СЕМЬИ, ИНТЕРНАТЫ ПРИ ЖИВЫХ И ЛЮБЯЩИХ РОДИТЕЛЯХ, ЛОМАЕТ СУДЬБЫ. Я ЗНАЮ ДЕСЯТКИ НОРМАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ОСТАЛИСЬ БЕЗ СЫНОВЕЙ И ДОЧЕРЕЙ. И ТАКИХ СЛУЧАЕВ ТЫСЯЧИ... ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ НЕ ОТНЯЛИ ДОЧЬ, ТО Я БЫ В ПОДОБНЫЕ РАССКАЗЫ ПРОСТО НЕ ПОВЕРИЛА». КО ДНЮ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ПОМОЩНИК УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА, АКТРИСА НАТАЛЬЯ ЗАХАРОВА РАССКАЗАЛА О ФРАНЦУЗСКОЙ ЮВЕНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И О ТОМ, КАК ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ОНА БОРЕТСЯ ЗА ДОЧЬ МАШУ.

НАТАЛЬЯ ЗАХАРОВА – ВЫПУСКНИЦА МОСКОВского театрального института им. Б.В. Щукина, работавшая с 1979 года актрисой в Горьковском драмтеатре, затем в рижском ТЮЗе, а с 1990 по 1991 год – во МХАТе. В 1993 году Наталья вышла замуж за французского стоматолога Патрика Уари, через год они переехали в Париж. В 1995 году в их семье родилась дочь Маша, но уже через два года актриса подала на развод, так как Патрик был наркозависимым человеком, по словам Натальи Захаровой. В декабре 1998 года Машу помещают в приют l`Aide Sociale de L'Enfance, чтобы «защитить девочку от серьезного семейного конфликта», по решению судьи Мари-Жан Симонен, которая никогда не видела ни родителей, ни ребенка. Матери разрешили общаться с дочерью один раз в месяц в течение 30 минут в присутствии надзирателей и только по-французски. Через полгода суд подтвердил необходимость пребывания ребенка в социальных службах с заключением: «Маша позитивно развивается в детском приюте». В 1999 году Машу перевели в приемную семью с судебной формулировкой «из-за удушающей любви матери к своей дочери». Наталья Захарова утверждает, что эту оценку ей дали заочно, без предварительного собеседования. Отцу дали право на свидание, а матери – только телефонные звонки два раза в месяц.

Дело получило огромный общественный резонанс. Проблему обсудили в октябре 2000 года на варшавском совещании ОБСЕ по правам ребенка, затем – на двухсторонних переговорах президенты Владимир Путин и Жак Ширак. В декабре о деле Захаровой беседовал с французскими властями премьер-министр России Михаил Касьянов. Но ничего не изменилось. 5 декабря в знак протеста Наталья Захарова начала 18-дневную голодовку. В своем письме министру юстиции Франции Мерилиз Лебраншю она написала: «Юристы по европейскому праву и эксперты определяют решение французских судей как пытки над детьми. Моя семья и я спрашиваем Вас, почему французское правительство не положит конец этим пыткам?» Голодовка помогла встретиться с прокурором парижского пригорода Нантера и добиться снятия судьи Симонен, но не встречи с дочерью на Новый год. Дело от судьи Симонен передали вице-президенту детского трибунала Ольт-Десез, но и это мало что изменило. Священнику собора Александра Невского отцу Анатолию было отказано продолжить религиозное воспитание Маши. Никакие заявления общественности не помогали.

Адвокат Натальи Захаровой подал заявление в Европейский суд по правам человека. 4 июля 2001 года судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что синяки на теле Маши появились после того, как она проводила выходные у своего отца. Через три дня после этого заключения, 7 июля 2001 года, в коридоре дома Патрика Уари возник пожар. Несмотря на то, что полицейским расследованием было доказано, что Наталья Захарова находилась в это время у себя дома, уголовный следователь Фабиан Пус завела на актрису уголовное дело. А встречи Натальи Захаровой с Машей и вовсе были отменены социальными службами. Прошло еще полгода. В январе

2002 года на встрече с Жаком Шираком Владимир Путин повторно выступил за то, чтобы дела, подобные делу Натальи Захаровой, решались «не только на основе закона, но и на основе здравого смысла». Неоднократно с резким осуждением выступал российский МИД, подчеркивая, что ведется целенаправленная работа по вытравливанию из Маши всего русского, ее фактическому отторжению от матери. Президенту Франции написал Михаил Горбачев. Но в марте 2003-го суд продлил пребывание Маши в приемной семье еще на два года, Патрик Уари мог забирать ребенка во время каникул, видеться три раза в месяц вне стен соцслужбы. Патрик ни разу не воспользовался своим правом забирать дочь к себе домой.

Дело Натальи Захаровой начало приобретать все более трагический оборот. 13 июля 2004 года по настоятельному требованию судьи Валентини, все с той же формулировкой «удушающая, захватническая любовь матери к дочери», актрису лишили родительских прав. Социальные службы представили в суд заключение: «извращенный нарциссизм», «не любит дочь, а имитирует любовь к ней», «ее страдание выглядит патологично», «время свиданий не советуем увеличивать». Адвокат потребовал новую экспертизу, которая заключила, что «у матери с дочерью теплые, нежные отношения, патологии не обнаружено». Но это ни на что не повлияло.

По информации от Натальи Захаровой, следователь Пус не провела ни одного расследования по поджогу квартиры Патрика Уари, и в 2006 году актрису приговорили к трем годам лишения свободы и материальному возмещению ущерба. Наталья подала заявление на апелляцию и вернулась в Россию, где в 2007 году опубликовала пронизанную болью, эмоциональную автобиографическую книгу «Верните мне дочь!».

В 2010 году Пресненский суд Москвы подтвердил Наталье Захаровой родительские права на несовершеннолетнюю дочь. Актриса приехала 25 января 2011 года на очередное судебное заседание по возвращению своих родительских прав во Франции, но ее немедленно препроводили в женскую тюрьму Флери-Мерожис под Парижем, где, по словам Натальи, «каждая минута нахождения – ад. Особенно когда у тебя на глазах озверевшая толпа женщин до смерти забивает ногами свою сокамерницу, а охрана не вмешивается. Или когда перед тобой молодая девушка кромсает бритвой вены, а другая умирает с пакетом на голове, потому что больше не выдерживает условий тюрьмы». 25 мая 2011 года Министерство юстиции РФ добилось перевода Натальи Захаровой в Россию. Из Флери-Мерожис актриса вышла в крайне тяжелом состоянии и была направлена в СИЗО №3 Костромской области. Спустя два с половиной месяца, 5 августа 2011 года, президент Дмитрий Медведев подписал указ о помиловании Натальи Захаровой.

Через два месяца Наталья снова приехала в Париж и нашла в интернате свою дочь. Они стали перезваниваться и обмениваться письмами, но суд запретил, аргументируя решение все тем же «извращенным нарциссизмом», который травмирует дочь. И до настоящего времени Наталья Захарова продолжает подавать апелляции, а французская судебная система не считает, что в судопроизводстве были допущены какие-то ошибки. В июне Маше исполнится 18 лет. Девушка не говорит по-русски, но Наталья Захарова надеется на лучшее. В конце концов актриса сама хорошо говорит по-французски и получила второе высшее образование в Сорбонне. Наш разговор с Натальей Захаровой состоялся в московской квартире актрисы, где я сразу обратила внимание на огромный засохший букет.

МЫ ЗНАЕМ, КАК ВАМ ЛУЧШЕ

– ***Наталья, у этого букета есть история?***

– В феврале этого года его мне подарил премьер-министр Дмитрий Медведев. Когда я получила помилование из костромской колонии, то написала слова благодарности Дмитрию Анатольевичу, а сейчас переписываюсь с ним на facebook. Накануне своего спектакля «Лики любви» в управе моего района я пригласила его на спектакль. В управу позвонили из протокола президента и сообщили, что Дмитрий Анатольевич приехать не сможет, и просили мне передать от него корзину цветов. «Лики любви», поставленные в Париже французским режиссером Марлен Ионеско, это отрывки из произведений Тургенева, Бунина, Чехова, Пушкина. Этот спектакль я играла и в России, и во Франции. Последний раз – 15 февраля 2013 года на вручении премии «Русофония», которой награждается лучший перевод русской литературы французскими писателями. Насколько я знаю, этот проект поддер-

живает фонд «Русский мир». Спектакль и вообще русские вечера, которые мы организовывали с Марлен начиная с 1999 года, пользовались в Париже большим успехом. За роялем была принцесса Наташа Строцци из Флоренции, на скрипке играл гениальный Давид Галустов… Особенный успех спектакль имел в прошлом году в связи с 200-летним юбилеем войны 1812 года и победой русских войск над наполеоновской армией. В Париже мне приходится жить каждые полтора месяца.

– Зачем? Маше в июне исполнится 18 лет. Она станет совершеннолетней и может приехать к вам сама…

– Многие так думают. Но не забывайте, что Машу с 3 лет восстанавливают против матери и против «ужасной» России. Однажды она мне передала слова Патрика: «Если ты приедешь в Москву, тебе прямо в аэропорту наденут наручники, привезут на Лубянку и будут пытать». Я даже не могла засмеяться, услышав этот бред, потому что дочь мне это говорила совершенно серьезно. Во Франции давно идет целенаправленная антироссийская информационная политика. По телевизору показывают не столичные улицы и музеи, а каких-то бабушек, которые собирают на грядках корнеплоды, а в их полуразвалившихся халупах обязательно на стене висит портрет Сталина. Где они таких бабушек находят? Помню, какой резонанс вызвала телепередача к 300-летию дома Романовых, когда показали Эрмитаж. Все говорили: «В России и такое есть?» В тюрьме Флери-Мерожис одна женщина меня спросила: «Наташа, в Москве можно где-нибудь сделать маникюр?» Маша живет в этом французском обществе. Когда я ее нашла, она написала мне 53 эсэмэс, где рассказывала страшные вещи. Что ее избивали, запирали, что она проводила Новый год одна в интернате. Адвокат показал эти сообщения судье, их передали Уари, и Маша, по-видимому, получила жестокое наказание с угрозами. Дней пять назад я позвонила ей, она взяла трубку и быстро сказала: «Оставь, пожалуйста, меня в покое». У меня есть подруга Ольга Одинец – президент французской ассоциации «Родительское отчуждение», которая не видит троих своих детей восемь лет. Ее сыну Александру сейчас 24 года, он выучился на деньги матери, которую обязали платить алименты. Ольга нашла адрес сына, работающего в банке и занимающего солидную должность. Пришла к нему и сказала: «Сынок, здравствуй, давай поговорим». У него затряслись руки, он бросился от нее бежать.

– Вы опустили руки?

– В 2010 году по указу российского президента создана российско-французская комиссия, которая призвана заниматься такими делами, как наше. Вопрос по делу Маши поставлен на этой комиссии, но ведь она имеет консультативный характер. Кроме того, я намерена подать дело в Европейский суд по правам человека. Таких дел, как наше, в Министерстве юстиции Франции лежит штук 40, а вообще, их тысячи. Порочная тенденция уже пошла по всему миру, после распада брака с иностранцами государство, как правило, оставляет российских детей себе, и это надо знать! Есть Европейская конвенция, в соответствии с которой никто не может ограничить ребенка развиваться в традициях национальной культуры обоих родителей. Но почему никто не трогает арабских

или африканских детей во Франции да и в других странах? А мне запретили разговаривать с дочерью на русском, что является грубейшим нарушением Европейской конвенции. Я играю в Париже на русском языке спектакли, публика их тепло принимает, но при этом не могу говорить со своим ребенком на родном языке! В 2000 году я создала ассоциацию «Защитите Машу», познакомилась с другими французскими правозащитными организациями. Я узнала много такого, о чем не принято говорить. Если, скажем, у матери отняли ребенка, женщина попадает в черный список, и у нее автоматически, прямо с родительного стола, забирают и второго, даже если он рожден уже совсем в другом браке. Говорят: «Раз вы были плохой матерью для первого ребенка, будете плохой и для второго». Не застрахованы от этих ужасов и счастливые браки. Расскажу недавнюю историю. В семье белоруски и француза родились двое детей, младшему к тому

времени исполнилось 5 лет. Однажды ребенок играл с кошкой, она его оцарапала, а мама шлепнула сына по попе. Ребенок рассказал о царапине и шлепке в детском саду, сразу приехали социальные службы, забрали обоих детей и увезли в приют. 15 дней родители сходили с ума, не зная, где их дети. Спасла случайность: переводчик оказалась членом одной из правозащитных организаций, а судья была чернокожая. Правозащитница смогла убедить судью вернуть детей. Русские родители мне иногда пишут: «Спасибо за то, что спасли нашу семью, мы просто забрали своих детей, уехали в Россию, чтобы не иметь такой ужасной ситуации, как ваша». Пятнадцать лет Маше и мне ломают жизни. Французские власти не могут мне объяснить, что они имели в виду под «удушающей, захватнической любовью мадам Захаровой к своей дочери», из-за которой я не имею возможности не то что воспитывать – видеть свою Машеньку. Как можно быть «нарциссичной», если живешь между Москвой и Парижем, постоянно ездишь на судебные заседания, работаешь как лошадь, зарабатываешь на оплату адвокатов.

– Откуда вы получаете доходы?

– Пишу статьи, играю спектакли. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, созданный по указу президента, к счастью, оплатил последние услуги моих адвокатов. Еще сейчас пишу вторую книгу о своей жизни: что пришлось пережить в тюрьме, в колонии, о сфабрикованном против меня деле. О переписке между уголовным следователем и судьей по делам детей, когда они, еще в 2003 году, договаривались меня посадить. Путем этого заговора меня лишили родительских прав, возможности воссоединиться с Машей. Но когда государство выделяет ежегодно 6 миллиардов евро на ювенальную систему и люди на этом зарабатывают…

– Кто зарабатывает?

– Сотрудники французских соцслужб, психологи, судьи, прокуроры, водители, секретарши, воспитатели. Во Франции сейчас 10 миллионов безработных, поэтому система, по-моему, будет еще долго жить. Детей отбирали и будут отбирать. У меня в Париже есть соседка-биолог, которая работает в лаборатории, где разрабатывают средства для мытья посуды. Чтобы понять, опасно ли оно для наших рук, его капают в глаза кроликам. Однажды предложили не кроликов применять в опытных работах, а биологически активные материалы. И что вы думаете? Вся лаборатория была против, ведь выделяются немалые деньги на корм кроликам, их содержание, на уборщицу – в системе занято большое количество людей, и все хотят получать зарплату. Так и с ювенальной системой. Она была создана 65 лет назад, но не может поменяться, потому что кормит целую армию людей.

– Вы намерены разрушить эту систему?

– Когда я подала дело в Европейский суд, французская сторона написала: «Мадам Захарова подорвала имидж Франции тем, что сделала свою историю известной всему миру». Но это не я их имидж подорвала. Это их система подорвала имидж Франции – родины прав человека. Я просто не согласилась с тем, что ювенальная система мне дороже, чем мой родной ребенок. Отдайте мне дочь и делайте что хотите с вашей системой. Вот и все. В те уголовные дела, по которым родители сидят в тюрьмах, невозможно поверить. Я бы ни за что в них не поверила, если бы у меня не было моей истории. Мне дико и больно, что демократическая Франция скатилась до такого состояния. Я вынуждена бороться. Я регулярно получаю информацию со всего мира о похожих делах. Мне пишут из Новой Зеландии, Норвегии, Голландии, Германии. В Германии у нас был чудовищный случай. Там существует закон о сексуальном воспитании детей в школе. Отцы должны показывать своим дочерям, где у них находятся гениталии. Один из русских отцов категорически отказался это делать, за что был посажен в тюрьму как незаконопослушный. В это можно поверить?

– Сколько человек работает в вашей ассоциации «Защитите Машу»?

– Сначала было около 10, и русских, и французов. Это юристы, родители, у которых отняли детей, пенсионеры. Финансирования у нас нет. Я испытываю отчаяние и беспомощность, получая десятки писем от родителей, разлученных с детьми. Чем я могу помочь? Я ведь хорошо знаю, как вся эта система работает. Например, подавать во Франции апелляции бывает просто опасно. Моей сокамернице во французской тюрьме, матери-одиночке пятерых детей, апелляционный суд к шести годам заключения добавил еще шесть – получилось двенадцать. А сейчас во Франции у многих правозащитников опустились руки из-за нового закона, когда гомосексуалистам разрешают усыновлять детей. Тысячные демонстрации прошли по Парижу. И что? Закон приняли. Что совсем удивительно, самим гомосексуалистам этот закон не нужен.

– А вы откуда знаете?

– Напротив мэрии Парижа есть книжные лавчонки. Над одной висят четыре белых флага. Владелец лавки, бывший артист кабаре, гомосексуалист, рассказал мне, что ему запретили вешать над своей лавкой французский флаг, поскольку Франция – интернациональная страна, а не страна националистов. Он повесил четыре белых флага как символ того, что Франция больше не нация, она сдалась. Белые флаги не смущают никого. Я спросила его, как он относится к идее усыновления детей. И он ответил, что это никому не нужно. Гомосексуальные браки держатся в среднем три года, а то и меньше, куда потом девать детей? Я спросила, зачем тогда тема так муссируется. Он ответил: «Мадам, наше правительство всегда знает, что нам лучше». Кстати, мне социальные службы говорили очень часто: «Мадам Захарова, мы знаем, как вам лучше. Сейчас вам не надо видеться с Машей. А Маше не нужно жить с вами».

– У Маши двойное гражданство. Как вы думаете, она когда-нибудь воспользуется российским паспортом?

– Ей сначала надо его получить. Четыре года ей в этом всячески препятствуют. Что потом Маша будет думать про страну, где ее сделали пленницей? Где у нее за все детство не было ни своей кроватки, ни стола, ни шкафа, ни игрушек, ни русских книг, ни мамы? Не знаю. А то, что она будет жить в России, я в этом ни на минуту не сомневаюсь.

ПЕРЕКРЫТЫЙ ПРОХОД

АВТОР
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ВЕСНОЙ 1468 ГОДА ОТПРАВИЛСЯ ИЗ РОДНОЙ ТВЕРИ КУПЕЦ АФАНАСИЙ НИКИТИН – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ, ДОБРАВШИЙСЯ ДО НЕДОСЯГАЕМОЙ, КАК КАЗАЛОСЬ ТОГДА, ИНДИИ. СПУСТЯ 545 ЛЕТ, ВЕСНОЙ 2013 ГОДА, НАЧАЛАСЬ ЭКСПЕДИЦИЯ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU» ПО МАРШРУТУ ЛЕГЕНДАРНОГО «ХОЖДЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ». МЫ СОВЕРШИМ СВОЕГО РОДА РЕКОНСТРУКЦИЮ ПУТЕШЕСТВИЯ ТВЕРСКОГО КУПЦА, ПЕРЕДВИГАЯСЬ ОБЩЕСТВЕННЫМ ТРАНСПОРТОМ, С ПОМОЩЬЮ АВТОСТОПА. И ПЕШКОМ ДОСТИГНЕМ ИНДИИ. ИТАК, «ПЕРВОЕ МОРЕ – ДЕРБЕНТСКОЕ…».

ДЕРБЕНТСКИМ МОрем Афанасий именует Каспий, по названию знаменитого города Дербента – старейшего на территории России. Купеческий караван во главе с Никитиным и посольство ширваншаха шли к «первому морю» на судах по Волге. Но пассажирский судоходный транспорт уже давно роскошь, а не средство передвижения. Так что я еду в Дербент на поезде Москва – Махачкала.

Выехал 12 марта при температуре минус 12 градусов. Редкое совпадение. За Саратовом стоял крепкий мороз и лежали сугробы. А вот Махачкала встречала теплым весенним солнцем. На заполненной людьми платформе сразу видно приезжих. Местные, суетливо торопясь поскорее уйти-уехать, тащили сумки. Северные жители, утомленные долгой зимой, спокойно грелись на солнышке, двигались медленно. Многочисленные полицейские лишь изредка останавливали закопченных пассажиров с безразмерными баулами. А вообще-то можно было ожидать иного. Дважды мне приходилось бывать на махачкалинском вокзале зимой, и оба раза это сопровождалось получасовым задержанием, досмотром содержимого рюкзака, проверкой подлинности паспорта и поиском моего имени в базах всевозможного розыска. Происходило все это семь лет назад, когда криминальных сводок из Дагестана приходило намного меньше. Но сейчас весна…

Потолкавшись на привокзальной площади, нашел маршрутку, следующую в Дербент. Мое появление в старой «газели» вызвало оживление среди полусонных пассажиров. «Турист, что ли?», «Приехал посмотреть Дербент из Москвы?!» – посыпались вопросы. Никто не верил, что можно сейчас преодолеть 2 тысячи километров только ради визита в древнейший город страны. Вынужден был признаться, что Дербент – только первая остановка на пути в Индию. Дагестанцы сочли меня за шутника, единодушно заключив, что отсюда в Индию проехать невозможно.

Выезжали из Махачкалы целый час, пробки и здесь каждодневная реальность. Выбравшись к трассе, водитель заехал на заправку. Рядом стояла небольшая придорожная мечеть. Пассажиры зашевелились, обратились к водителю:

– Давайте намаз сделаем.

– Я бы с радостью, – вежливо отозвался молодой бородатый водитель, – но мы уже сильно опаздываем, да и нашему гостю скорее нужно в Дербент, пока музеи не закрылись…

Вот уже и город-спутник Дербента – Дагестанские Огни. Своим названием он обязан выходам горючих газов, которые в старину использовали путники, а сейчас – градообразующий стекольный завод. В отличие от природных огней огни дорожные здесь не жалуют. Рассказывают, что однажды знатокам «Что? Где? Когда?» телезритель задал вопрос: «В каком городе России нет ни одного светофора?» Знатоки проиграли, они никогда не были в Дагестанских Огнях.

МЕЖ ДВУХ СТЕН

Равнина сменилась подступающими к самой дороге горами. Из-за плотной застройки двух-трехэтажными каменными домами и магазинами наконец появился Старый город – грандиозный и очень своеобразный. На вершине горы, уходящей в хребты Кавказа, стоит крепость, от которой параллельно друг другу тянутся на 3,5 километра вниз к морю две огромные стены. Между этими стенами и расположен город.

Персидским царям необходимо было защитить свою территорию от набегов кочевников с севера. Решение приняли простое – перегородить путь стеной. Тем более – место подходящее. В Дербенте Кавказские горы подходят ближе всего к морю, оставляя узкую полосу равнины. Название город получил соответствующее: «дер» на персидском означает «проход», «бент» – вал, перекрытие, то есть «перекрытый проход». Заградительную стену много раз перестраивали. В нынешнем виде древний Дербент – это постройки VI века. Тогда из местного ракушечника соорудили цитадель на вершине горы и две городские стены, которые не только полностью перекрывали равнинный проход, но и уходили на 300 метров в море, образуя порт. А чтобы корабли не могли свободно заходить в город, стены соединяли огромными цепями. Позднее появилась и горная стена, тяну-

Вид на Дербент со стен цитадели. Сюда по просьбе Никитина «ездил на гору» посол ширваншаха «человаться» за попавших в плен русских купцов

щаяся вглубь Кавказа на 42 километра…

Маршрутка въехала прямо в древние городские ворота, едва протиснувшись в узкий проем. Проехав поперек весь Дербент за две минуты, я вышел у южной стены и решил побродить по Старому городу… Узкие кривые улочки, тупики, невысокие дома из потемневшего от времени камня, односкатные косые крыши, словно ступени разбитой гигантской лестницы взбираются вверх по склону, старый акведук, купола средневековых бань, старые мечети… Не видно ни одной многоэтажной постройки. Новые дома строят из того же самого ракушечника. Вообще, атмосфера музея отсутствует. Молодежь использует древнюю стену для игры в стритбол, старики устраивают у городских ворот посиделки. Некоторые части стены имеют окна – здесь живут люди, со своими огородами и бельевыми веревками.

Местная Джума-мечеть – старейшая в России и входит в пятерку древнейших мечетей мира. Скорее всего, она была построена не в 733 году, как гласит арабская надпись над входом, а перестроена из более раннего христианского храма. Она по-прежнему является соборной мечетью города, а для проведения особых церемоний несколько лет назад надстроили целый этаж над расположенным тут же медресе XV века. Есть здесь и свои тайны. В тихом и просторном дворе мечети стоит ничем не примечательный большой камень. Одни говорят, что это некий древний доисламский символ, другие утверждают, что это – солнечный календарь. Побывавшему в Дербенте в 1858 году Александру Дюма рассказали легенду о захоронении… глаз всех жителей города под этим камнем. В первой половине XVIII веке горожане подняли восстание против персидского деспота Надир-шаха. Прибывшие солдаты карательного отряда согнали всех во двор мечети и вырвали по одному глазу. Собралось семь батманов (около 60 килограммов) человеческих глаз, которые закопали в землю и поставили каменный столб. Сейчас можно увидеть на камне рельеф пустой глазницы. Говорят, когда идет дождь, из нее текут слезы…

Песчаный берег Дербента ждет своих туристов. А для Афанасия Никитина он был первой остановкой на «первом море» в его Хождении

НИ КУПЦОВ, НИ ТУРИСТОВ

Дербент дважды – в 1722 и 1796 годах – добровольно принимал российское подданство, но вслед за этим снова возвращался Персии. В 1722 году даже царь Петр впечатлился горячим желанием дербентцев стать частью Российской империи. «Наиб сего города [Дербента] встретил нас и ключ поднес от ворот, – писал Петр. – Правда, что сии люди не лицемерно с любовию принесли и так нам ради как бы своих из осады выручили…». Фактически город перешел к России в 1806 году, что было официально оформлено ровно двести лет назад Гюлистанским мирным договором.

…Когда в 1468 году к персидскому Дербенту пристал на корабле Афанасий Никитин, город пребывал в упадке. Спустя восемь лет после визита русских купцов венецианский посол Амброджо Контарини так описывал город: «Дербент был окружен крепкими стенами, но в нем так немного людей, что едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою по направлению к цитадели, заселена; со стороны же моря все здания почти разрушены».

Впрочем, Никитин искал в Дербенте не богатые базары. Ограбленные в Астраханском ханстве, в устье Волги купцы попали в шторм. Одно из судов выбросило на берег севернее Дербента во владение кайтагского уцмия (Кайтагское уцмийство – влиятельное феодальное владение в Дагестане в XVI–XVII веках, кайтагцы – этническая группа даргинцев; уцмий – титул правителя. В 1813 году уцмийство вошло в состав Кайтаго-Табасаранского округа Российской империи. – **Прим. ред.**). А тот считал все принесенное морем своей собственностью. «Кайтаки, пришед, людей поймали, а товар их разграбили», – пишет тверской купец.

Афанасий просил ехавшего с ним ширванского посла Хасанбека похлопотать за товарищей перед наместником Дербента Булат-беком. Тот, в свою очередь, отправил скорохода к ширваншаху. Правитель Ширвана Фаррух Ясар тут же написал обращение к кайтагскому уцмию, своему шурину, с просьбой освободить пленных и вернуть товары, мотивируя это тем, что купцы следовали к нему в Ширван вместе с посольским судном. Уцмий распорядился отпустить пленных, но товары не вернул…

Как и во время путешествия Никитина, сейчас город переживает не лучшие времена – не в пример могучему виду цитадели и стен. Чувствуется, жить здесь – точно как передвигаться по городским улицам, тянущимся по крутому склону от крепости к морю. Легко скатиться вниз и разбиться, и очень трудно взбираться вверх. Один, выжимая все соки из проржавевшей «шестерки», с ревом везет что-то на гору, другой, запыхавшись, катит вверх велосипед, да и просто идут пешком здесь с передышками. А главное – за все время я не встретил ни одного туриста.

ВМЕСТО ЕГИПТА

– Сейчас организованного туризма в Дербенте нет совсем, – с сожалением констатировал директор Дербентского музея-заповедника Кулам Бейбалаевич Исаков. – Хотя туризм может стать масштабной экономической сферой жизни города. Это и инвестиции, и создание рабочих мест, в том числе в сопутствующих отраслях. Конечно, все смотрят новости по телевизору и боятся ехать в Дагестан. Я скажу так: СМИ сильно сгущают краски. В Египте тоже взрывают бомбы и в заложники берут. Поэтому там в туристических центрах выстраивается специальная система охраны, фактически за деньги отдыхающих. Здесь можно сделать то же самое. В 2015 году мы будем отмечать 2 тысячи лет Дербенту. Надеемся, грядущее празднование поможет продвижению города на туристическом рынке. Создан оргкомитет, со всего мира гости приедут.

Директор Дербентского музея-заповедника Кулам Бейбалаевич Исаков

Сейчас в Дербентской крепости находятся только музеи. Выставка образцов гончарного искусства разных времен

– Но везде пишут, что Дербенту 5 тысяч лет.

– Имеется в виду поселение на территории нынешнего города. В 1986–1987 годах профессор А.А. Кудрявцев проводил раскопки и обнаружил южнее крепости на площади 15 гектаров древний земледельческий центр. На дне зернохранилища нашли керамические статуэтки богини плодородия, прозванной Дербентской мадонной. Есть предположение, что древнее поселение еще старше – 7 тысяч лет. Но вы понимаете, такой возраст – это международная сенсация, поэтому нужны очень убедительные доказательства. Пока исследован только 1 процент от 15 гектаров поселения, нужно копать и копать. Полевые работы у нас ведет только исторический факультет Дагестанского государственного университета в период летних каникул. Но вот в прошлом году сам профессор Кудрявцев заявил, что хотел бы продолжить исследования в Дербенте, – это уже совершенно другой масштаб.

– Подобные открытия помогут сделать Дербент туристическим центром. И это реально, – поддержал тему старший научный сотрудник архитектурного отдела музея-заповедника Вели Мирзоевич Юсуфов. – Я двадцать лет проработал в советском турбюро, мы принимали 300–400 тысяч человек в год. По линии «Интуриста» приезжали поляки и чехи. Побережье было усеяно турбазами.

Влекло сюда гостей и особое кавказское гостеприимство. Один турист мне рассказал, почему он предпочел Дербент Крыму. Его друг приехал к нам в командировку, вышел из поезда и на вокзале сел не на тот маршрут автобуса. Стал просить водителя остановить, чтобы выйти. Вместо этого водитель обратился к пассажирам: у нас, говорит, гость. Можно я его сначала отвезу, а потом поеду по маршруту? Никто не возражал. Самое интересное, ему удалось проверить правдивость этой истории. Обычно в городе мы сначала вели экскурсию в крепость, затем ехали на базар. Так вот он опоздал на наш автобус от крепости. Сел на маршрутку. Водитель полдороги проехал и говорит пассажирам: «Я сегодня на работе с раннего утра, даже не успел чай попить. Разрешите, я домой зайду перекушу, а затем поедем?» Все согласились – конечно, как можно без завтрака? Водитель же напоил чаем во дворе дома всех своих пассажиров.

Вели Мирзоевич Юсуфов уверен: Дербент может стать туристическим центром

– Существуют ли другие сложности в привлечении туристов?

– Конечно. Например, дорогие авиабилеты, – говорит Кулам Бейбалаевич. – Я своих друзей из Петербурга в прошлом году приглашал в гости, но они так и не приехали. 24 тысячи рублей нужно только на самолет. Говорят, нам дешевле слетать отдохнуть куда-нибудь в Европу. Сейчас, правда, ситуация исправляется, цена перелета в Москву снижена до 6 тысяч рублей, на очереди рейс в Петербург.

Сохранность объектов – тоже проблема острая. Мы с архитектурным отделом боремся, чтобы жители не разрушали памятники, в которых они живут. Одни используют стену VI века как подставку для резервуара с водой, другие баскетбольное кольцо к ней прикрепили, третьи копают культурный слой. Мы делаем замечания, а на нас смотрят как на инопланетян – что такого? Но мы никого не боимся, будем и дальше продолжать эту работу. Власти советуют просвещать население через СМИ. И тут выясняется: люди газет не читают, а по телевидению смотрят только развлекательные программы.

Но главное – инфраструктура отстала. Празднование юбилея предполагает и создание современного гостинично-ресторанного комплекса. У нас самый солнечный город Дагестана – более 300 безоблачных дней в году, море – мельче Черного, прогревается быстрей, везде песчаный берег; опять же горы, водопады, реликтовый лес, более 400 памятников регионального значения, 25 памятников федерального значения, Старый город признан ЮНЕСКО Всемирным наследием. Объекты есть – нужно их подать, сделать вечернее освещение крепости, обустроить пляжи и т.п. Интерес будет, уверен. Даже видавшая многое китайская делегация была в шоке, когда мы отвезли их к горной стене. Объект хоть и сохранился фрагментарно, но это – оригинал: стена, форты, полуфорты. Тогда как у них Великая Китайская стена, по сути, новодел. Да и местные к нам приезжают – прикоснуться к древнему городу, к истории предков.

– Тем не менее все шесть махачкалинцев, ехавших со мной в поезде, признались, что в Дербенте никогда не были…

– Массового интереса, конечно, нет. Вот недавно получили при-

Армянская церковь, построенная в Старом городе в 1860 году. Сейчас функционирует как музей

каз главы Министерства культуры Владимира Мединского, продублированный министром культуры Дагестана: два раза в неделю продлить работу музеев до 21 часа. А у нас и днем никого нет, а ночью тем более – без освещения кто пойдет? В Дербенте работают четыре национальных театра: лезгинский, табасаранский, татский и азербайджанский. На представлениях очень мало зрителей. Все на заработках. С рабочими местами в городе сложно. А какой мужчина будет смотреть, как дети голодают? Поедет туда, где можно заработать. Конечно, в годы чеченских войн Дагестан был фактически в блокаде – отсюда и упадок, безденежье. Но бесконечно на эту тему спекулировать нельзя – и президент Дагестана говорит, что надо уже взяться за дело.

– В 2006 году город был удостоен международной премии за распространение идеалов толерантности и ненасилия. Почему?

– Дербент издревле являлся перекрестком религий, город упоминается в Авесте, Коране и Библии. И за тысячи лет истории эта земля не знала конфликтов на национальной или религиозной почве. У нас сохранились не только мусульманские святыни, но и христианские. Например, по одной из версий, в Дербенте находится могила Георгия Победоносца. В цитадели не так давно были найдены остатки крестово-купольного христианского храма IV века – одного из древнейших в мире.

В городе действует церковь Покрова Пресвятой Богородицы, недавно новую синагогу открыли. Религиозные праздники вместе отмечаем, для всех эти дни нерабочие, поздравляем друг друга. Моя сестра хоть и мусульманка, на Пасху свечку в церкви ставит. Две недели назад приезжавший к нам председатель Синодального отдела по взаимодействию церкви и общества

Ханская баня XVI века в стенах цитадели

Вход в крепость через южную стену. Молодожены Дербента непременно приезжают сюда, чтобы выпустить над городом пару белых голубей

протоиерей Всеволод Чаплин отметил, как мы в мире и взаимоуважении живем.

– Но про могилу Георгия Победоносца – это, конечно, легенда.

– Как сказать. По разным данным, святой, который почитается и в исламе, мог быть захоронен в шести разных местах в мире. Сейчас уже везде сделана экспертиза – ни одна версия не подтвердилась. У нас пока никаких исследований не проводилось. Этой могилой заинтересовался и Петр I, он специально по крутым тропам взбирался к захоронению. Позднее дубовая роща, где стоял лагерь Петра, получила название «Петровской» – сейчас это федеральный памятник, святой же источник с тех пор стали называть «русским ключом».

– А русский язык когда распространился в Дагестане?

– 20-е годы XX века стали прорывными в этом отношении. Русские учителя массово переезжали в Дагестан для работы в школах, совершали настоящий подвиг, отправляясь в отдаленные районы. Например, мать моего приятеля приехала в горный аул Урах, там вышла замуж, родила семерых детей. Затем много беженцев из блокадного Ленинграда оставалось здесь, преподавали в местных школах. Сейчас более ста национальностей республики могут общаться между собой благодаря русскому. Поэтому у нас с удовольствием изучают как родной язык, так и русский. А в Махачкале в 2003 году воздвигли единственный в стране памятник русской учительнице.

ТУМАННЫЙ ПУТЬ В ИНДИЮ

Когда после полуторачасового разговора в дирекции музея я вновь вышел на улицу, Дербент преобразился. Нахлынувший с моря туман окутал весь город. Я пошел вверх к крепости, надеясь, что до вершины эта непроглядная сырость не добралась. Шел узкими закоулками, параллельными главной улице. Благо заблудиться здесь сложно даже в тумане – иди все время вверх. Хотя дважды я попал в тупик, а один раз хозяйка вылила ведро грязной воды прямо мне под ноги. Хорошо, что я не сменил свои непромокаемые ботинки на сандалии. Да и без того здесь по разбитому асфальту течет вода. Углы домов обтесаны не вписавшимися в поворот машинами…

На входе в крепость мне встретилась свадебная процессия, только что выпустившая в туман пару белых голубей. У продающей тут же этих птиц мира предпринимательницы в клетке оставались еще три пары. В зимнем пальто и домашних тапочках она ждала следующих молодоженов.

Внутри крепости позеленевшие своды родников, поросшие мхом ступени, построенная русским гарнизоном гауптвахта, развалины дворца, бань – все серое и, кажется, вместе с голыми деревьями дремлет и готовится к пробуждению. Очевидно, расцветет и суровая крепостная стена, поросшая черными шарообразными кустами и трехметровыми деревьями. Именно сюда к правителю города Хасанбеку по просьбе Никитина приходил ширванский посол «человаться» за попавших в плен русских купцов…

После освобождения Никитин с товарищами отправились в ставку ширваншаха, чтобы лично похлопотать о возвращении товаров. Однако добиться содействия им не удалось. В тот момент правителю Ширвана было не до ограбленных русских купцов. Он готовился к началу масштабной военной кампании – собственно, поэтому и находился в военном лагере. «И мы, заплакав, да розошлися кто куды, – читаем в тексте «Хождения», – у кого что есть на Руси, тот пошел на Русь; а кой должен, тот пошел куды его очи понесли...».

Афанасий Никитин оказался во второй группе. Очевидно, все потерянные товары он получил в долг и прийти домой с пустыми руками не мог. От ширваншаха Никитин возвратился в Дербент. Возможно, именно в этот трагичный момент Афанасий решает отправиться в Индию – открыть для Руси дорогу в эту полулегендарную неведомую страну. Из Дербента путь его лежал в Баку…

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

АВТОР
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ [ФОТО АВТОРА]

В ЗАПИСКАХ СИМОНЫ ВЕЙЛЬ, ВОЗМОЖНО, ВЕЛИЧАЙШЕГО ХРИСТИАНСКОГО МИСТИКА XX СТОЛЕТИЯ, ЕСТЬ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ: «...ЗА ПРЕДЕЛАМИ БРАТСКИХ СВЯЗЕЙ ПРОСТО СОЗЕРЦАТЬ ЛЮДЕЙ И НИКОГДА НЕ ИСКАТЬ С НИМИ ДРУЖБЫ... ЧТО ОСОБЕННО ВАЖНО: НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛЯТЬ СЕБЕ МЕЧТАТЬ О ДРУЖБЕ. ЗА ВСЕ ПРИХОДИТСЯ ПЛАТИТЬ».

ЦИТАТА ИЗ СИМОНЫ ВЕЙЛЬ БЫЛА ОТчеркнута мною на полях карандашом и снабжена ремаркой: «применить к Глазову». Прошло три года с тех пор, как эта ремарка была сделана, но применить ее так и не получилось. Я бы ни за что не хотел, чтобы наша дружба не случилась, не состоялась, чтобы все, что было благодаря ей пережито, не произошло. Глазов позволил мне состояться. Ибо из нашей дружбы родилось Путешествие – как образ жизни, как Коллекция Непрерывных Опытов, как способ познания и самопознания. Когда мы познакомились, мне было 26, Мише Глазову – 40. Я мечтал о доле путешественника всю свою жизнь, но в одиночку для этого у меня не хватало одной капли решимости, одной капли опыта и чуть-чуть – уверенности в себе. Все это почти необъяснимо появилось после встречи с Глазовым.

Мангышлак мы открывали именно вместе с Глазовым. В апреле 2003-го я работал в журнале «Вокруг света» и решил воспользоваться этим для поездки в Азию. Почему именно на Мангышлак? Форт-Шевченко на каспийском побережье с юности, когда разглядывание географических карт приняло характер наваждения, стал местом, где я решил побывать. Собственно, притягательность названия заключалась в слове «форт». Форт как память о героической эпохе походов вглубь Азии, завоевании русскими Хивы и Бухары. Беда была лишь в том, что решительно никто в 2003-м не знал, что происходит в Средней Азии. В советское время Мангышлак был закрытой территорией – урановый рудник и АЭС делали место недоступным. Но бывшая секретность мало волновала меня. Отсветы погромов, которые не миновали, кажется, ни одну среднеазиатскую республику, беспокоили гораздо больше. И я попросил редактора послать со мной Глазова: он прекрасно знал Азию со студенческих лет, когда ездил в Туркмению за ящерицами и змеями для университетского террариума. По счастью, Мишу знали в редакции и отправили со мной как фотографа.

Проблемы начались сразу по приезде, когда мы убедились, что Актау – хоть и небольшой, но очень дорогой город, что объяснялось невероятным количеством иностранцев, приезжающих обделывать нефтяные дела. Командировочных денег едва хватило, чтобы снять комнату в здании бывшего санатория «Шагала» («Чайка»), который тогда был полузаброшен или сдавался под жилье таким же недотепам, как мы. На этом, правда, наши проблемы не закончились, но цели мы до-

Восточный берег Каспия – это страна пустынь, раскрывающихся во всем своем разнообразии и великолепии

стигли. Долго шли вечером кромкой моря среди неухоженных пляжей и бездействующих, в силу ранней весенней поры, аквапарков. На бульваре Победы обнаружили памятник погибшим в 1941–1945 годах. А еще дальше – небольшой обелиск в виде свернутого знамени, где были выбиты фамилии солдат, погибших, будь она проклята, на войне в Афганистане: среди них были и русские, и казахские. И сразу стало как-то спокойнее: Казахстан разделял вместе с Россией бремя общего прошлого, не пытаясь сделать вид, что ничего общего у нас никогда не было, а то, что было привнесено русскими – будь то городская библиотека, театр, порт, атомная электростанция с гигантским опреснителем воды и весь этот город, белеющий под остывающим небом, – есть лишь ненужное наследие оккупантов. Повсеместное звучание русского языка подтверждало, что этот край не силой был увлечен в российское подданство. Это успокаивало.

На следующий день мы отправились в городскую администрацию в надежде добыть машину, чтобы поездить по окрестностям. Приняли нас сердечно, но нам удалось заполучить на несколько часов только старую «Волгу», на которой мы едва-едва отъехали за город километров на двадцать. Вечером Глазов разыскал где-то председателя городского спорткомитета по имени Айнди Зайндиевич Джумаев (он был чеченец), который согласился довезти нас до Форта-Шевченко. Это была великолепная поездка, несмотря на то, что Айнди гнал по степи без дорог и на каждой остановке выхватывал бутылку коньяка и ставил ее на капот. С ним мы объехали всю северную часть Мангышлака, и единственным недостатком этого путешествия было то, что мы все время *летели сломя голову*. Мы не успевали ни оглядеться по сторонам, ни сделать записи. Только фотографировали. От этого безумия спасла нас случайно замеченная по возвращении в город вывеска фирмы с бесхитростным названием «Турист». Хозяйка ее была русская, давным-давно переехавшая сюда из курортного Кисловодска женщина Евгения Михайловна, влюбленная в степь. У фирмы «Турист» не было тогда ничего, кроме офиса, – ни машин, ни маршрутов дальних выездов, да и туристов, кажется, тоже. Но вот – нас стало двое. У нас были деньги. И мы готовы были их заплатить. Евгения Михайловна, оглядев нас, сказала, что попробовать можно – если мы согласны путешествовать в автобусе марки «ПАЗ», за свои аэродинамические качества получившем в народе выразительное прозвище «батон». Мы согласились – и на следующий день началась сказка…

…Стояла ранняя весна, когда вешние воды схлынули, оставив на земле осторожные следы своей неустанной работы, а зелень еще не успела выпуститься и сгореть под линзою солнца. Я спускался руслом сухого потока к дороге меж двух отрогов белых как снег, высеченных из чистейшего мрамора скал, чувствуя под ногами звонкие лепестки прозрачно-серого кремня. Глазов брел по верху сочленениями белоснежного хребта. На многие километры вокруг не было ни души. Лишь мир камня в бесконечном разнообразии пород, спрессованных немыслимым давлением толщ. Все вокруг было осохшим дном древнего моря, когда жизнь, и даже жизнь моря, лишь в самых общих чертах напоминала жизнь в ее современных формах. Я знал, я догадывался, что может быть так. Как я жалел теперь, что, пролетая над степью с Айнди, мы отвернули от брошенного рыбацкого поселка возле каньона Саура, влекомые струйкой светлой воды, вытекающей из врезанного в белый известняк озерца, полного водяных черепашек. Туда мы свернули. А надо было идти в поселок, где тявканье собаки и блеянье овцы выдавало присутствие последнего рыбака, чьи вывешенные для просушки сети и черный челн видели мы в ослепительном сиянии моря. И было чувство, что странный лишь человек может жить здесь среди руин недавнего человечества, и надо бы узнать этого человека, узнать море, глядя на пойманных им рыб, хриплый услышать его голос, выведать, в силу каких обстоятельств оказался здесь этот человек, а главное – чем питает свой дух.

Зато теперь мы запросто заворачивали в стойбища пастухов, чьи отары паслись на разноцветных осыпях гор, и сладкое мясо ягнят вкушали от гостеприимных хозяев. По расколотой плитке сланцев, мимо свинчатки такыра с вплавленным в нее лошадиным черепом добирались до края, где могила святого суфия ждала нас, и дорогой огромных, больше человеческого роста, потрескавшихся каменных шаров до горы Шеркала, похожей на заколдованный замок из желто-серой глины, до подземных мечетей, прославленных именами аскетов, и древней караванной дорогой до мыса Тюб-Караган. По запекшейся глине и горячему песку, мимо редких ключей, едва проступающих из земли как слезы, чье присутствие выдавали заросли тростника, который называют здесь «чий» и, напитав его бараньим жиром, жгут на святых местах как свечи…

До середины XIX столетия на Мангышлаке во множестве жили туркмены. Сейчас осталась одна семья. Матриарх рода – Рахимбиби Нургельды Кызы

ГОРОДА МЕРТВЫХ

Странно, что персы называли Мангышлак «Сиях Кух» – «Черная гора». Он весь почти белый. От песчаных пустынь Средней Азии его отделяет бесплодная Сарыкамышская впадина и плато Устюрт, знаменитое наскальными рисунками, хотя на первый взгляд Устюрт непригоден для обитания человека. Однако именно здесь, на Устюрте, археологи обнаружили храм, посвященный культу солнца, а также первобытные «обсерватории» – сооружения из камней, благодаря которым можно разглядеть в звездном небе незыблемые вехи в текучем потоке времени: дни солнцестояний и равноденствий. Этим памятникам 10 тысяч лет. Более того, важнейший товар каменного века – кремень, которым Мангышлак изобилует, – находят на Средней Волге. Это значит, что торговый путь с Мангышлака на Волгу, о котором древние авторы говорили с X века, был известен за несколько тысяч лет до письменных упоминаний – уже в конце неолита.

Географически Мангышлак – это природный изолят, отрезанный от цивилизованных областей Средней Азии просторами пустынь и безводными чинками (обрывистые плато. – **Прим. авт.**) Устюрта. Исторически – это арена, на которой тысячелетиями пульсировала жизнь сменяющих друг друга кочевых цивилизаций. В разное время эта территория считалась вассальной то древнему Хорезму, то воинственным военачальникам огузов, то Хивинскому ханству. Долгое время полуостров был населен в основном туркменами племен чоудоров, йомудов и солоров. Полноты своей туркменская цивилизация достигла в XIV–XVI веках. Именно тогда в степи появляются величественные некрополи с каменными мавзолеями, настоящие города мертвых. В кочевой цивилизации города тоже строятся, но принадлежат они мертвым, а не живым, очерчивая границы родов, племен, разделяя своеобразными вехами памяти «ничейную» вольную степь. Система межевания должна была работать четко. Каждый кочевник прекрасно знал закрепленную за ним и его родом территорию перекочевок…

Благодаря тому, что Мангышлак был населен племенами береговых туркменов, он переживает в XV веке мощную волну религиозного самоосознания, которым оказывается суфизм; из персидского Хорасана и из Туркестана сюда прибывают десятки проповедников. Считается, что в земле Мангышлака упокоено 360 подвижников-суфиев. Это окружает Мангышлак особым светом святости. Не важно ведь, кем по роду и племени были мангышлакские святые. Святой всегда больше племенной крови, он возвышеннее и чище ее, он принадлежит всему человечеству. Отшельники и подвижники ислама, которые принесли с собой на Мангышлак книжность, письменность, медицинские сочинения Ибн Сины, разделили с этой землей ту особую духовную силу, о которой почти невозможно рассказать. Но память о них жива: и о деяниях безвестных в других странах мусульманского мира Бекет-Ата, Шопан-Ата, Караман-Ата, Султан-Епе люди рассказывают восхищенно. Места, где подвижники жили когда-то, до сих пор остаются объ-

Суфийское наследство: ханака (монастырь) братьев-суфиев на месте пещеры, где жил легендарный мангышлакский святой Султан-Епе

Мечеть Шекпак-Ата до сих пор является местом паломничества

Подземная часть мечети Шекпак-Ата имеет форму креста, это наводит на мысль, что построили ее все-таки христиане-несториане

ектами поклонения. Это удивительные памятники. Некоторые из них, как, например, мечеть Тулеген-Ата, вручную вырытая в мягком песчанике келья с единственным углублением для светильника внутри и сурой из Корана, вырезанной по-арабски в плотном песчанике у входа, – аскетически просты. Другие – как мечеть Шекпак-Ата – представляют собой потрясающие и сложные в символическом истолковании памятники. Откуда на Мангышлаке традиция «подземных мечетей», которую не знает официальный ислам? Возможно, дело в том, что через Мангышлак в разное время перехлестнуло несколько волн «беженцев», каждая из которых приносила с собой обломки своей культуры. Известно, что после нашествия русского князя Святослава на Хазарию сюда бежали хазары; еще раньше, в период арабского завоевания Персии, – огнепоклонники-зороастрийцы. Где-то должны были искать убежища и христиане-несториане, которые до эпохи халифата проникали в Азию вплоть до Китая. Кочевые цивилизации тоже внесли свой вклад: поклонение животным, источникам, деревьям... В результате ислам казахов-адаев, заселивших полуостров в конце XVIII и XIX веке после господства на нем ногайцев и туркмен, вобрал в себя суфизм, элементы огнепоклонничества и шаманизма.

Примечательно, что подземная часть мечети Шекпак-Ата в плане имеет форму несторианского креста. При этом в центральном зале под землей в потолке пробито отверстие, в которое вытягивало дым наружу. Посреди зала – площадка для очага. В отличие от всех прочих подземных мечетей, датируемых XIV–XVI веками, эта вырублена в белом известняке каньона Шекпак-Ата-Сай в X... Над входом – а вернее, на 100 метров в обе стороны от крошечной двери, ведущей внутрь горы, – работой ветра и воды выточен такой фантастический фриз, что перед ним блекнет работа искуснейших каменотесов, украсивших знаменитые соборы Европы. Человеческая фантазия неспособна измыслить ничего подобного, химеры Нотр-Дама кажутся наивными в своей буквальности, а его безупречные архитектурные пропорции – мертвой формой: здесь есть ангелы и демоны, смеющиеся рты, плачущие глаза, сочащиеся градом каменных слез стены, лики смерти, замкнутость плоти в камне и высвобождение ее из камня, лица, руки, исполинские ноги каких-то вымерших чудовищ, мужское, женское, тяжелое, легкое и вообще все, что только можно себе вообразить...

Вернувшись в Москву, я кое-как справился со статьей, для которой явно не хватало слов при невероятном обилии красивых фотографий. Потом настало лето, летом, случайно или по совпадению невероятных обстоятельств, мы повстречались с Ольгой, пришла любовь, а вместе с нею новая жизнь, время незаметно сморгнуло два года, а потом Миши не стало. На похоронах я вдруг подумал, что последний подарок, который мы друг другу преподнесли, – это, выходит, и был Мангышлак.

ТРОПИНКИ ПРОШЛОГО

В первый день нашего пребывания в Актау я попросил Ольгу, чтобы наша прогулка по городу непременно закончилась у гостиницы «Шагала», где мы с Глазовым жили когда-то. Мне нравился тот район, центр был близко. Но сам район – поселок первопоселенцев, узнаваемый по типовым трехэтажным домам, – был очень какой-то уютный, пронизанный жизнью. И Каспийское море я именно там увидел в первый раз. Такое пронзительно-синее…

Но наши ощущения были потрясены раньше, чем я рассчитывал начать свое сентиментальное путешествие по тропинкам прошлого. Мы пошли вдоль моря. И вот, этого берега – того берега, которым мы с Глазовым проходили через весь город до бульвара Победы, – его больше не было. Раньше там были какие-то аттракционы. Одинокие беседки. Юноши и девушки, кормящие у берега лебедей. Круги на песке, нарисованные стеблями травы, следы гуляющих, волнорезы, старые лодки, тихая волна. Сейчас ничего не было. Не было «берега» как такового: зато был квартал поистине роскошных вилл. Цветущие деревья и туи украшали их внутренние дворики. Но пройти через строй вилл к морю было нельзя. Море хозяева тоже приватизировали. И так продолжалось несколько километров. Что, конечно, свидетельствовало о том, что нефть, добытая за минувшие годы, принесла свои плоды. Правда, оказывалось, что люди города Актау оделены ими в неравной доле: ибо на протяжении тех же километров, по другую сторону дороги, напротив квартала роскошных вилл с морем, тянулся запущенный, полудикий город из пяти- и четырнадцатиэтажных домов, изношенных до предельной степени. И долго, так же долго, как виллы справа, тянулся слева от нас этот город без надежды. И это что-то значило, правда ведь? Что-то очень важное значило…

Мы поймали машину и доехали до профилактория «Шагала». Тут уж сомневаться не приходи-

Это не я, а мой друг географ Михаил Глазов, с которым мы вместе открывали Мангышлак в 2003 году

лось: дела нашего с Мишей бывшего прибежища пошли в гору. До самого моря при помощи цементных дорожек и нескольких деревьев устроен был парк. Лавочки, фонари, розы даже – все как положено. Я походил вдоль берега, вдоль самой кромки воды. Вот тут, похоже. «Помнишь? – говорю я Ольге, волнуясь. – Я обещал тебе показать то место… Где я впервые увидел… Каспийское море. Вот, думаю, здесь». – «Здесь в первый раз увидел?» – «Да».

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Утром мы выписались из гостиницы и, загрузив рюкзаки в багажник «тойоты», где уже лежала палатка, надувные матрасы, газовая плитка с запасными баллонами и ящик с продуктами, распрощались с Актау. С тех пор как мы с Глазовым проторили несколько экзотических маршрутов по Мангышлаку, фирма «Турист» явно преуспела. С нами ехал гид – миловидная женщина Куралай и водитель – добродушный парень Ренат: он был похож на Хотэя, одного из семи полнокровных и лучезарных китайских богов счастья. Добродушное равновесие, присущее богам, сослужило ему добрую службу, ибо, как скоро выяснилось, Ренат умел лишь рулить и нажимать на педали – но местности не знал, что, однако, нимало не расстраивало его.

– Ну что, – мягким голосом спросила Куралай. – Как сказала Евгения Михайловна, в первый день едем в горную часть – Акмыштау, оттуда на раскопки городища времен Великого шелкового пути, оттуда в Долину шаров – и ночуем на берегу моря в провале Жыгылган…

– Давайте не будем сегодня торопиться. Поедем не спеша. И для начала мы отправимся недалеко – в каньон Саура. Туда, где брошенный поселок на берегу…

– Значит, мы изменяем маршрут?

– Да, изменяем.

Девять лет назад мы свернули вбок от заброшенного рыбацкого поселка в неглубокий каньон, к крохотному озерцу, полному водяных черепашек. Что-то отвернуло нас от встречи с последним рыбаком, чей черный челн видели мы в ослепительном сиянии моря. Вероятно, то было обычное опасение встретить человека, слишком давно живущего одиноко, почти наверняка – полусумасшедшего, для которого его дом, его лодка, море, рыбы, собаки и три овцы давно стали привычнее и ближе людей. К нему я теперь ехал. Я покопался в рюкзаке, выудил оттуда видеокамеру и протянул Ольге. В общем, я хотел, чтобы Ольга за время нашей поездки создала свой параллельный видео- и звукоряд.

Пока снимать было нечего. От Актау до Форта по трассе километров сто, но дорога была так разбита, что Ренату то и дело приходилось, объезжая колдобины, выезжать на полосу встречного движения. Мы проехали мимо городского кладбища, новейшая часть которого была застроена величественными мавзолеями.

Слева промелькнули руины ферм, где когда-то – как объяснила Куралай – держали каракулевых овец и выделывали из шкурок новорожденных ягнят уникальный коричнево-золотистый каракуль с огненным язычком на кончике шерстяного завитка. Производство было нехитрое: поседевший на солнце деревянный сарай для хранения золотого руна, пара чабанов и скорняков, умение – более не существующее – выминать кожу, одирать мездру, натирать крохотные шкурки грубой черной солью и каждое утро на несколько часов раскладывать их для просушки в тени брезентового навеса… Упоминание об утра-

Каньон Кампасай – это «русло» и ветра, и воды. А горы-останцы, сложившие «берега» каньона, состоят из мириад морских раковин, образующих толщи известняка

те острой иглой кольнуло толстый сросток шрама, затянувшего наконец боль и горечь бесконечных утрат, понесенных нашей страной после того, как горбачевская *перестройка* закончилась катастрофой. Нет-нет – не стоило думать об этом. Жалел я лишь об одном: что не могу сфотографировать в усердии работы сильные, разъеденные черной солью руки скорняка… Эти руки, как и это усердие, ушли навсегда…

Вот уже километров сорок проехали мы по дороге. С обеих сторон тянулась ровная как стол, окрашенная в серый цвет кустиками старой, перестоявшей зиму полыни степь. На ней время от времени показывались силуэты верблюдов, группами пасущихся на этом мрачном, цвета графита, пастбище.

Потом мы свернули с главной трассы налево, на степную дорогу: выбитая в высохших травах колея была совершенно белая. Мы ехали по вершине известнякового плато. Но вот и развилка. *Все* степные дороги когда-нибудь раздваиваются, и лучше либо точно знать свою развилку, либо иметь навигатор. Ренат развилок не знал и навигатора не имел. Но Куралай интуитивно угадывала дорогу. Вскоре мы оказались на краю плоского плато, откуда открывался вид на заброшенный поселок внизу. Сейчас он лежал перед нами как на ладони. Дом, который мне запомнился, – черный дом, черные сети, ослепительный кусочек моря и черная лодка на этом серебряном фоне – стоял прямо напротив нас, под обрывом невысокого чинка. Оказалось, дом не один: там было еще несколько строений. За домами красивой излучиной лежала морская бухта. Вдоль нее налево были рассыпаны полуразрушенные остовы домов. Неожиданно вдалеке громко залаяла собака, и я, отыскав ее взглядом, увидел, что большая часть той, левой части поселка зачем-то обнесена проволочной сеткой: за нею только что остановились два автомобиля, и два свирепых на вид пса с громким лаем прыгали вокруг. Чем дольше всматривался я в знакомый пейзаж, тем более *другим* он мне казался: то был уже не чудом уцелевший, позабытый цивилизацией уголок, охраняемый одиноким безумцем, куда мы случайно заехали однажды. Автомобильная дорога была накатана. В этот пейзаж не сегодня, а гораздо раньше вошли люди и что-то неуловимо, но существенно изменили в нем. От дома, к которому я предполагал подъехать, нас отделял неглубокий каньон, когда-то весь заросший непролазным красноталом. И еще – на площадке прямо под нами росли три могучих карагача (мелколистный вяз), под ними было место для небольшого костерка, кружок пепла, несколько сухих веток для того, кто придет потом… Сейчас из трех осталось только одно дерево, да и оно беспомощно завалилось набок. Под деревом бесформенно расползлась черная язва кострища. Не оставалось сомнения, что два других де-

Верблюды, перед стрижкой покрытые драными зимними попонами, бредут в молчании по белой равнине, пока не преклонят на ночь колени в дыму снов…

рева тоже были срублены на дрова. Но человек, оставлявший у потухшего костра сухие ветки для того, кто придет после него, – он не стал бы рубить дерево, потому что для него это кощунственно. Значит, в пейзаж, который я видел перед собой, не просто вторглись люди – сами эти люди уже были другими. Теперь их следы видны были повсюду. Прежняя Саура перестала существовать. Вероятнее всего, вместе со своим безумным хранителем…

Мы спустились в каньон и поднялись к домикам: тут была небольшая ровная площадка. В тени коробки от жилого когда-то дома действительно припарковался зеленый «фольксваген-пассат». Под навесом домика… *Того* домика. В тени, под навесом, за грубо сколоченным из досок столом сидели люди в толстых свитерах и брезентовых моряцких бушлатах. На столе стояла початая бутылка водки. Своим приездом мы, по-видимому, нарушили разговор между браконьерами и хозяином «фольксвагена», с которым была молодящаяся женщина в черных очках. Браконьеры посмеивались и чуть дольше, чем нужно, перемешивали на столе костяшки домино. Все это были крепкие мужики с загорелыми обветренными лицами. Выделялись двое: широченный, с богатырской спиной казах и русский, с длинным костистым лицом, крючковатым носом, клочковатой бородою. И того, кого я искал, с ними не было и быть не могло…

Мы с Ольгой пошли в сторону моря. Идти пришлось дольше, чем казалось. Но чем дальше мы уходили, чем более шум волн заглушал звуки, оставшиеся за спиной, тем яснее становилось, зачем, на этот раз, попали мы на этот край мира… Когда-то я мечтал подарить Ольге каспийский сапфир в драгоценной оправе золотых песков пустыни, дикий пляж, след ящерки на песке…

Был пляж: положим, не такой уж дикий – всего в 300 метрах от нас сидели за столиком люди и пили водку. Был и песок: может быть, не такой золотистый, как хотелось бы, но все же это был чистый, белый песок, на котором оставили свои следы лишь кулички да ветер. А море – чем ближе мы приближались, тем шире оно раскрывалось во всем своем великолепии. Ни души не было на этом берегу. Мы шли между песчаными буграми, заросшими тамариском. И с каждым шагом мы погружались в этот мир все безвозвратнее, как в сон. Больше не было никакого поселка, только промытое весеннее небо над головой да монотонный шум моря. Кромки пляжа оказалось достаточно, чтобы вокруг соткался уже не обычный, а волшебный мир. Как только он открылся, рядом сразу обнаружилось присутствие еще одного живущего, звучащего существа: то был черный, похожий на спину кита-горбача камень, стоящий на пути морского наката. Принимая удары волн, камень оглашал воздух низкими разрывами, потоки белой пены сбегали по его черным бокам, кит плескался в блестках полуденного солнца, стоящего над дальним мысом; с шипением откатывали назад волны, хрустели мелкие белые ракушки под ногами… Невероятно, но *именно поэтому* я испытывал такое неожиданное, такое легкое, такое острое счастье. И, глядя на Ольгу, понимал, что она переживает то же состояние.

Я мечтал подарить жене каспийский берег, дикий пляж, след ящерки на песке. Как странно порой сбываются мечты…

Вы спросите: а *что* все-таки было-то? Пустынный берег, цветущий тамариск, черный камень, похожий на бочину кита, и этот, разрази его гром, «каспийский сапфир», который пустился гулять по вашим, автор, страницам с легкой руки господина Дюма-отца? Ну да, что-то в этом роде и было. И еще след гревшейся на солнце змеи, которая уползла в гущу кустарника. Времени оказалось достаточно, чтобы мы успели подарить друг другу этот берег. Именно здесь. Потому что никакого *другого* случая не было. Я несколько раз предпринимал потом попытки добраться до берега моря – более осознанные, чем эта. И вот – ни одна из них не удалась.

Когда мы вернулись к домику, Куралай успела получить в подарок от браконьеров крупную серебристую кефаль и теперь заворачивала ее в фольгу, чтобы сохранить до вечера. Становилось жарко. Солнце поднималось все выше, остря лучи осколками битого бутылочного стекла. Браконьеры, поснимав свои свитера в ожидании серьезного покупателя, сонно наблюдали, как сжимаются тени полдня. Последний хранитель этого места так и не показался нам: видимо, он исчез из этого мира. Пора было сваливать отсюда. Мы направлялись теперь в Форт.

Продолжение следует.